

АНГЛІЙСКАЯ ИНДІЯ

ВЪ 1843 ГОДУ.

АНГЛІЙСКАЯ ИНДІЯ

ВЪ 1843 ГОДУ.

СОЧИНЕНІЕ

Графа Эдуарда Баррена,

СЛУЖИВШАГО ОФИЦЕРОМЪ КОРОЛЕВСКО-АНГЛІЙСКОЙ АРМІИ ВЪ ИНДІИ.

(МАДРАССКОЕ ПРЕЗИДЕНТСТВО.)

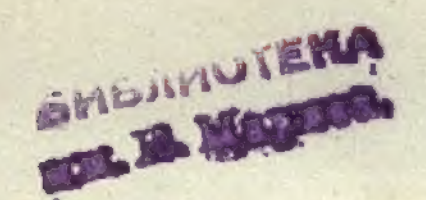
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ИЗДАЛЪ ПЛАТОНЪ ГОЛУБКОВЪ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ С. СЕЛИВАНОВСКАГО.

1845.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Маія 8 дня, 1845 года. Цензоръ и Кавалеръ *И. Снегиревъ.*

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

»Англичане! слушайте меня безъ гнѣва; я по-
»казываю вамъ пропасть: путь, по которому вы
»слѣдуете, ведетъ васъ къ ней. Русскіе! для
»васъ въ особенности должна быть любопытна
»моя книга: можетъ быть, вы найдете въ ней
»драгоцѣнныя указанія, и вамъ останется вос-
»пользоваться ими.« *

Графъ Э. Варренъ.

Предлагаемая книга есть превосходное дополненіе къ собранію актовъ о привилегіяхъ Англійской Остъ-Индской Компаніи—книгѣ, изданной на Русскомъ языкѣ въ 1843 году въ Москвѣ. Сочиненіе Графа Варрена не требуетъ ни похвалъ, ни рецензіи; ибо имѣетъ всѣ достоинства, дающія ему мѣсто выше всякаго пристрастія,

* Этими словами авторъ заключаетъ вторую часть »*Англійской Индіи.*«
Издат.

и никогда не появлялась книга объ Индіи такъ кстати, какъ теперь, когда компанейская власть на Востокѣ дошла до послѣдняго своего политическаго предѣла, и когда торговля между Востокомъ и Западомъ, вслѣдствіе неимовѣрно быстраго развитія въ Европѣ всѣхъ производительныхъ силъ, готова принять совершенно новое направленіе, могущее удовлетворить потребности Востока, безъ тягостнаго посредничества и противодѣйствія Англійской Остъ-Индской Компаніи, которая, для завоеваннаго ею трехъ-сотъ-шестидесяти-милліоннаго народонаселенія въ Китаѣ, считаетъ едва достаточною дѣятельность всѣхъ англійскихъ мануфактуръ, и не надѣется найдти въ Китаѣ за такой огромный трудъ даже удовлетворительнаго платежа, какъ выразился въ Парламентѣ завоеватель Китая Лордъ Поттинджеръ. Эта откровенность остъ-индскаго администратора и полководца подаетъ Европѣ надежду, что на Востокѣ

есть еще мѣсто и для ея торговой и мануфактурной дѣятельности. Издавая книгу Графа Варрена, я одушевляюсь надеждою, что можетъ статься, новое торговое направленіе между Востокомъ и Западомъ учредится чрезъ мое великое отечество, и что главнѣйшею и дѣятельнѣйшею посредницею въ этомъ торговомъ движеніи будетъ Москва.

Торговый духъ Остъ-Индской Компаніи, въ продолженіе вѣковъ, скрывалъ Индію отъ любопытства Европы непроницаемою завѣсою своей хитрой и глубокой политики; но Графъ Варренъ расторгъ сію завѣсу, и удовлетворивъ любопытству Европы, открылъ великую тайну англійскаго торговаго и политическаго механизма на Востокѣ. Направленіе европейской торговли въ Азію чрезъ Россію, безъ сомнѣнія, въ самое короткое время покроетъ сію послѣднюю сѣтью желѣзныхъ дорогъ, и такимъ образомъ, по всѣмъ направленіямъ, спаяетъ ее съ Европой на-

счетъ общихъ торговыхъ прибылей; а при одномъ присутствіи на Кавказѣ нашей военной силы, совершенно безъ войны, токмо силою воли и искусными дипломатическими объясненіями, можетъ возвратиться намъ отъ Персіи знаменитое завоеваніе Великаго Петра—закаспійскія провинціи: Гиланъ, Адзербайджанъ и Мазандеранъ, съ портами Инзели и Астрабадомъ и съ превосходными сухопутными, торговыми, отъ глубокой древности существующими дорогами изъ Европы чрезъ Россію по Персіи въ Индію, среднюю Азію, Тибетъ и Китай — дорогами, изъ которыхъ одна идетъ отъ Инзели чрезъ Рештъ, Таврисъ, Ардебиль, Султани, Тегеранъ, Казбикъ и Кашанъ даже до Испагани, а оттуда до Бассоры на Тигрѣ, предъ впаденіемъ его въ Персидскій заливъ, снабженная повсюду, для путешествующихъ торговыхъ каравановъ, огражденными караван-сараями, устроенными еще великимъ Аббасъ Шахомъ; а другая отъ Астрабада

чрезъ провинціи Хоросанъ и Кандагаръ до предѣловъ Индостана, простирающаяся не болѣе 1000 верстъ, совершенно удобная до Аттока на Индѣ, чрезъ горы, отдѣляющія Индію отъ Персіи, не взирая на чрезмѣрную ихъ возвышенность и переломанность по всѣмъ почти направленіямъ, есть, впрочемъ, весьма способный путь въ Кабулъ, находящійся въ центрѣ прекраснѣйшей провинціи Кабулистанъ. Александръ Великій, какъ пишутъ, первый открылъ сей путь. Имъ же впослѣдствіи проходили въ Индію Тамерланъ и Шахъ Надиръ.

Рѣки: Бегатъ, на которой стоитъ городъ Кабулъ, и Аму-Дарья (Lettres politiques, commerciales et littéraires sur l'Inde, par Taylor) вытекаютъ недалеко отъ Баміана, города, довольно знаменитаго въ Кабулистанѣ, и въ близкомъ разстояніи отъ горъ Гинду-Ку. Первая впадаетъ въ Индъ, а вторая течетъ въ Аральское море. Чрезъ сіе-то дефиле, раздѣляющее источники

тѣхъ рѣкъ, переходъ въ упомянутую провинцію Кабулистанъ весьма близокъ и удобенъ. Симъ объясняется путь Древнихъ, которымъ получали они товары изъ Индіи.

Не распространяясь о семъ болѣе, я съ своей стороны считаю, что твердое основаніе торговли нашей съ Индіею необходимо положить должно въ Астрабадѣ.*

Отъ Аттока на Индѣ пролегаетъ важнѣйшій торговый путь налѣво въ Тибетъ и Китайскій Туркестанъ, наполненный величайшими средне-азійскими рынками, каковы: Яркентъ, Кашгаръ, Аксу, Иличенъ, Кульджа, Кашемиръ и Чугучакъ, или Тарбахтай, находящійся только на нѣсколько дней пути отъ нашей Бухтармы, гдѣ уже есть начало расторжки между нашимъ и китайскимъ купечествомъ, подобно рас-

* Изъ записки Графа Валеріана Александровича Зубова, составленной вслѣдствіе наказа Императрицы Екатерины II-й, даннаго ему въ 19-й день февраля 1796 года.

торжкѣ Кяхтинской, которая скоро должна будетъ или уступить Бухтармѣ первенство, или раздѣлить съ нею сумму всѣхъ своихъ торговыхъ оборотовъ.

Сравнивая сіи рынки съ пятью торговыми портами, открытыми отъ Китайцевъ для Англичанъ, Американцевъ и Французовъ, намъ остается жалѣть, что мы въ настоящее время еще не имѣемъ возможности производить морскую торговлю на берегахъ материковъ отдаленныхъ. По вопросъ: для чего же Провидѣніе поставило насъ обладателями Волги и моря Каспійскаго? Уже конечно не для одной только внутренней мелочной коммуникаціи, а безъ сомнѣнія, для того, чтобы мы не менѣе другихъ трудились въ общей массѣ человѣчества; почему оно и духъ времени требуютъ отъ насъ на нашу долю дѣятельности полной—и это требованіе, книгою Графа Варрена, выражаетъ весь просвѣщенный міръ. Сама Россія давно жаждетъ труда на Востокѣ; доставьте ей

возможность сбыта ея производимости, чрезъ каспiйскiе порты Инзели и Астрабадъ и чрезъ Бухтарму, на рынкахъ центральной Азiи, и она, исполнивъ свой долгъ въ отношенiи къ человѣчеству и вѣку, удовлетворитъ и Востокъ и Западъ своимъ полезнѣйшимъ въ торговлѣ посредничествомъ, и уравновѣсивъ съ прочими государствами Европы торговые обороты, сообщитъ торговлѣ всю ту живость и дѣятельность, которая, какъ извѣстно, составляетъ душу всѣхъ торговыхъ дѣлъ въ мiрѣ. Для уравновѣшенiя же и усовершенствованiя нашей торговли на рынкахъ центральной Азiи, весьма достаточно пяти, или шести лѣтъ, чтобы войдти въ полную торговую связь между Востокомъ и Западомъ.

Закаспiйскiя провинцiи, кромѣ общаго ихъ богатства, принесутъ съ собою множество драгоцѣнныхъ ископаемыхъ, какъ-то: бирюзы и пр., также богатѣйшiй на сѣверной сторонѣ Эльборуса каменный уголь, столь необходимый намъ теперь

для пароходства и фабрикаціи, въ замѣнъ угля, получаемаго по безмѣрнымъ цѣнамъ изъ Англіи. Эльборусскій уголь уже изслѣдованъ нашимъ горнымъ инженеромъ Г. Воскобойниковымъ.

Торговля, безъ всякаго сомнѣнія, предпочтетъ закаспійскія сухопутныя сообщенія съ отдаленною Азіею опасному, дорогому и долговременному перевозу товаровъ по Океану мимо мыса Доброй Надежды, чрезъ руки народовъ мореходцевъ, обыкновенно отсчитывающихъ себѣ большую часть прибылей за фракты и коммиссію. Впрочемъ, европейское купечество не будетъ въ необходимости возить свои товары по дорогамъ персидскимъ, равно и Персіяне не повезутъ азіятскихъ произведеній чрезъ море въ Европу; они обыкновенно, на корабляхъ пустыни—верблюдахъ, всѣ азіятскіе товары привезутъ въ Инзели, Астрабадъ и Бухтарму, и тутъ же отдадутъ ихъ въ промѣнъ за европейскіе.

Этотъ порядокъ вещей по торговлѣ въ Азіи существуетъ уже тысящелѣтія.

Впрочемъ, для европейскаго купечества болѣе и ненадобно, лишь бы Азіятцы привезли свои товары въ Инзели и Астрабадъ, откуда Европейцы, для личнаго обмѣна, могутъ требовать ихъ на свои конторы, учредивъ оныя въ Астрахани, Нижнемъ-Новгородѣ, Твери и Москвѣ: тогда, Каспійскимъ моремъ, Волгою, Окою и Москвой рѣкою, восточные товары въ Москву и европейскіе въ Астрабадъ и Инзели могутъ быть скоро и дешево перевозимы на пароходахъ и частію сухопутно по шоссе; кромѣ того, купечество московское, безъ сомнѣнія, не упустить сдѣлать Москву общимъ размѣннымъ, между Востокомъ и Западомъ, европейскимъ рынкомъ.

Графъ Варренъ, какъ военный человѣкъ и какъ иностранецъ, знающій Россію по однимъ описаніямъ, впрочемъ, очень хорошо понимающій не только политическое, но и торговое значеніе ея, съ во-

сиппой точки зрѣнія смотрить на отношенія наши къ Индіи; но мы, напротивъ, совершенно убѣждены, что въ отношеніяхъ нашихъ къ Индіи, какъ и къ центральной Азіи, можетъ и должно быть одно миролюбіе, основанное на взаимныхъ, важныхъ торговыхъ выгодахъ Европы и Азіи, между которыми, по самому географическому положенію, Россіи суждено играть роль торговой посредницы. Дай Богъ, чтобы не только соотечественники, но и всѣ Европейцы, къ взаимной пользѣ, проникнуты были этою мыслію такъ же несомнѣнно, какъ проникнутъ сю, единственно въ сихъ видахъ, желающій распространенія въ Россіи умной, любопытной и въ особенности для Русскихъ замѣчательной книги Графа Варрена —

Издатель Платонъ Голубковъ.

МАРТЪ 1845.

МОСКВА.

ПРЕДИСЛОВІЕ СОЧИНИТЕЛЯ.

»England uses her friends as a huntsman his pack,
»For she thinks, when she likes, she can whistle them back.«

Goldsmith.

»Англія поступаетъ съ друзьями своими,
»какъ доѣзжачій съ борзыми собаками,
»(отхлопываетъ арапникомъ), думая, что,
»при первомъ свистѣ, они опять явятся у
»ногъ ея.« —

Гольдсмитъ.

При сочиненіи этой книги я имѣлъ въ виду двѣ цѣли, по которымъ она и состоитъ изъ двухъ отдѣленій, хотя совершенно различающихся, но взаимно себя подтверждающихъ. Въ первомъ отдѣленіи я старался пополнить матеріалами, можетъ быть, неискусно обработанными, но добросовѣстно собранными, превосходное сочиненіе Жакмона,

которое, по случаю смерти автора, осталось неконченнымъ. Его *Журналъ* и *Переписка* относятся только къ президентствамъ Венгальскому и Бомбейскому; Мадрасское-же президентство осталось неописаннымъ. Между тѣмъ провинція эта, по важности и занимательности своей, нисколько не уступаетъ двумъ предыдущимъ — особливо для Франціи, которая играла въ ней весьма важную роль и сохраняетъ еще тамъ много воспоминаній славы и несчастія. Это колыбель британскаго могущества и наше поле битвы въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ. Въ этой части Индіи встрѣчается, можетъ быть, болѣе оригинальныхъ типовъ, нежели въ другихъ странахъ ея; но имѣемъ ли мы какое нибудь свѣдѣніе объ этомъ богатомъ наслѣдіи, которымъ обязаны мы были людямъ, каковы: Бюсси, Лабурдоне, Дюплейксъ, и которое, по причинѣ гражданскихъ смутъ нашихъ, перешло въ руки Англичанъ? Нашелся ли у насъ хотя одинъ человѣкъ изъ ста тысячь, который бы занялся

этимъ предметомъ? Есть ли у насъ сочиненіе, дающее хотя приблизительное понятіе отъ этой страны, кромѣ извѣстій Жакмона о сосѣдственныхъ ей провинціяхъ? Правда, взглядъ его такъ проницателенъ и вѣренъ; онъ такъ хорошо умѣлъ уловить всѣ мѣстные оттѣнки и начертать ихъ такъ живо и выразительно—и при томъ различныя части Индіи такъ однородны, что, прочитавъ его, предугадываешь, чего недостаетъ для окончанія картины. Но пропускъ въ ней все еще великъ, и я старался дополнить ее: пусть читатель рѣшитъ, успѣлъ ли я въ своемъ намѣреніи.

Увлеченный положительностью моего характера, я скоро однако-же оставилъ часть описательную, и перешелъ къ вопросамъ политическимъ.

Во второмъ отдѣленіи моей книги я пускаюсь въ соображенія, совершенно новыя для французской литературы; разсуждаю о предметахъ большой важности и весьма полезныхъ, которые были мало изучаемы въ са-

мой Англіи, потому что неоткровенно приступали къ рѣшенію вопросовъ объ нихъ; скорѣе старались запутать ихъ, или представить въ ложномъ видѣ, нежели объяснить. Всего болѣе имѣлъ я намѣреніе изобразить настоящее положеніе—общественное, моральное и политическое, англійской власти въ Индіи; подтвердить мои мнѣнія событіями, просто и вѣрно разсказанными, которыхъ я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ. Жакмонъ, занимаясь преимущественно геологическими наблюденіями, имѣлъ только возможность поверхностно обозрѣвать предметъ моихъ соображеній; да и самое политическое положеніе совершенно перемѣнилось съ того времени. Я предположилъ изучить современную исторію Индіи, съ намѣреніемъ предусмотрѣть будущую судьбу этой страны въ народахъ и правительствахъ, составляющихъ ее. Я старался представить эти народы въ томъ видѣ, въ какомъ буря политическихъ переворотовъ столкнула ихъ; разбиралъ эти развалины человѣчества въ томъ положеніи, въ кото-

ромъ переходили онѣ другъ за другомъ во власть Англичанъ.

Мнѣ хотѣлось уловить въ нихъ остатокъ жизни, начала ихъ соединенія, зародышъ ихъ величія и паденія. Другіе занимались уже исторіею минувшихъ времень Индіи, и мнѣ осталось бы снова идти по проложенному пути, тѣмъ болѣе, что прошедшее имѣетъ для меня второстепенную только занимательность—смотря по тому, сколько можетъ оно навести меня на предусмотрѣніе будущаго. Я готовъ сказать вмѣстѣ съ поэтомъ: «То, что́ не существуетъ для насъ болѣе, было ли дѣйствительно когда нибудь?» Настоящее и будущее — вотъ что̀ для насъ важно. — Дѣйствуя одинъ исключительно въ этомъ отношеніи, я свободно овладѣлъ своимъ предметомъ, и мнѣ легко было достигнуть цѣли. И потому эту часть моего сочиненія я нахожу вполнѣ обработанною; думаю, что трудно опровергнуть ее, и всѣ нападенія со стороны противниковъ должны остановиться предъ дѣйствительностью событій.

Девять лѣтъ, проведенные въ Индіи, въ продолженіе которыхъ я внимательно наблюдалъ происшествія, лично принимая въ нихъ нѣкоторое участіе, дали мнѣ возможность хорошо вникнуть въ настоящее положеніе дѣлъ. Впрочемъ, я пользовался официіальными документами и всѣми сочиненіями, какъ англійскими, такъ и французскими, относящимися до разныхъ частей моего предмета. Въ особенности разработывалъ я неистощимый рудникъ Монгомери Мертеня; пользовался имъ какъ нельзя больше, потому что находилъ въ немъ сильныя орудія— свѣденія, тѣмъ болѣе любопытныя, что они выходили прямо отъ англійскаго начальства, исключительно занимавшагося дѣлами Индіи, и сообщаемы были человѣкомъ, достойнымъ всякаго уваженія. Какъ скоро попадалъ я на жилу благороднаго металла, я проникалъ во всю ея глубину, и вполнѣ усвоивалъ ее.

Въ Индію отправился я для наблюденій— для узнанія истины; чтобъ не быть обманутымъ, я хотѣлъ дойдти до нея своимъ соб-

ственнымъ опытомъ — видѣть, осязать ее во всей наготѣ. Эту истину предлагаю нынѣ моимъ соотечественникамъ. Пользуясь изслѣдованіями предшественниковъ, или современниковъ, я не присвоивалъ чужаго, но откровенно указывалъ на источники, которыми заимствовался.

Первое отдѣленіе моей книги — простой разсказъ у камина, пусть критикуютъ какъ угодно; надѣюсь однако-же на нѣкоторое снисхожденіе: здѣсь я представляю публикѣ несвязныя страницы моего журнала, писанныя — безъ всякаго желанія отличиться — подъ вліяніемъ окружавшихъ меня обстоятельствъ, нерѣдко наскоро, на дорогѣ, на каменномъ помостѣ древней мечети, на пьедесталѣ идола въ пагодѣ, вечеромъ послѣ продолжительнаго похода, или послѣ тревогъ сраженія. Пусть читатели вспомнятъ также, что недавно перемѣнилъ я саблю на перо; что десять лѣтъ меня не было въ отечествѣ, и въ это время я слышалъ только звуки языка чужеземнаго; что если сердце мое

осталось вѣрнымъ своему долгу, постоянно отражая въ себѣ прелестное небо Франціи, то выраженія могутъ иногда измѣнить мнѣ: оружіе, долго не бывшее въ употребленіи, могло заржавѣть.

Второе отдѣленіе моей книги имѣетъ, по крайней мѣрѣ, то достоинство, что вноситъ въ литературу нашу много матеріаловъ совершенно новыхъ. Оно заслуживаетъ вниманіе по методическому расположенію частей, по откровенности и совершенному безпристрастію автора. Оно опровергнетъ, можетъ быть, множество укоренившихся предразсудковъ, разсѣетъ кучу призраковъ; уничтожитъ многія заблужденія, тѣмъ болѣе опасныя, что они приняты были безъ разбора, и, можетъ быть, покажетъ англійскому правительству то добро, которое бы оно могло и нашло выгоднымъ сдѣлать. Я предлагаю ему политическій путь, предписываемый его дѣйствительною пользою и совершенно различный отъ того пути, по которому оно до сихъ поръ слѣдовало; словомъ: я ставлю мо-

ихъ современниковъ на новую точку зрѣнія, откуда они могутъ обозрѣвать горизонтъ, болѣе обширный противъ прежняго, и удобнѣе слѣдить развитіе будущаго.

Можетъ быть, я слишкомъ поспѣшилъ изданіемъ своей книги; но я не въ силахъ былъ остановить свое нетерпѣніе, какъ скоро услышалъ преувеличенныя понятія—заблужденія, господствующія въ Англіи и даже во Франціи, по довольно естественному размѣну мыслей, о характерѣ и прочности британскаго владычества въ Индіи — заблужденія, которыя могутъ быть пагубны для обоихъ государствъ, потворствуя, въ одномъ изъ нихъ, естественной надменности аристократовъ, управляющихъ имъ, и усиливая въ другомъ нерѣшительность и скромность его политики, если оно довѣрчиво будетъ принимать выходки англійскихъ печатныхъ извѣстій.

Полагаю, что въ этой книгѣ я достаточно доказалъ желаніе мое быть справедливымъ въ отношеніи къ Англичанамъ—мою благо-

дарность, мою личную дружбу къ нимъ, даже искреннее участіе, принимаемое мною въ ихъ націи; но я не хочу, чтобы правительство ихъ почиталось лучшимъ и сильнѣйшимъ, нежели оно есть въ самомъ дѣлѣ. — Въ видахъ филантропіи Французы далеко опередили своихъ старинныхъ соперниковъ. Мнѣ хотѣлось бы также убѣдить послѣднихъ, что для нихъ могущество и дружба Франціи выгоднѣе, нежели союзъ съ тою властію, которая давно уже съ завистью смотритъ на ихъ богатѣйшія владѣнія, и которая, по своему положенію, по нуждамъ, по стеченію обстоятельствъ и по сознанію собственнаго достоинства, неминуемо должна направлять виды свои на центральную Азію и на Индію.

Если слабое перо мое утвердитъ во Франціи справедливое понятіе о духѣ, мужествѣ и непоколебимости народа, въ высокой степени патріотическаго и воинственнаго, и въ то-же время, по-ту сторону Ламанша, объяснитъ народному чувству непрочность власти, которою оно очаровано; если скромныя

усилія мои могутъ возстановить хотя одну изъ связей, разорванныхъ несчастнымъ заблужденіемъ Лорда Пальмерстона, то я буду почитать себя заплатившимъ долгъ обоимъ народамъ — долгъ сына своему отечеству, и долгъ за гостепріимство народу, который, въ личныхъ отношеніяхъ, находилъ я великодушнымъ, и которому всегда буду желать счастія и успѣховъ, пока онъ не станетъ дѣйствовать къ ослабленію моего отечества.

Во всякомъ случаѣ, какъ бы ни были чисты мои намѣренія, я ожидаю величайшихъ обвиненій и, быть можетъ, грубыхъ оскорбленій со стороны англійской печати.—Путь правды былъ всегда труденъ; избиравшіе его всегда подвергались сильнымъ гоненіямъ; но я твердо увѣренъ въ непреложномъ законѣ, что ложь никогда не преодолѣвала и не преодолѣетъ истины. Книга моя подвергнется жестокимъ нападеніямъ; но она устоитъ противъ нихъ, потому что содержитъ истину.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

I.

ПРИЧИНЫ, ПОБУДИВШІЯ АВТОРА ОТПРАВИТЬСЯ ВЪ ИНДІЮ. — СОВѢТЫ ГРАФА ДЮЗАЮИ. — ПРИБЫТІЕ ВЪ АНГЛІЮ. — БѢДСТВІЯ НА КОРАБЛѢ. — СКУКА ПЛАВАНІЯ.

Въ то время, какъ во Франціи совершался переворотъ 1830 года, я въ другой уже разъ явился въ Политехническую школу. Вторая попытка эта была почти такъ же неудачна, какъ и первая: въ награду всѣхъ моихъ трудовъ, меня записали въ число кандидатовъ, и предложили мѣсто въ Сен-Сирской школѣ, которое, за три года передъ тѣмъ, я могъ бы получить и по конкурсу. Такое распоряженіе не удовлетворяло моему честолюбію; тогда-то мечты мои направились исключительно къ Индіи, гдѣ я ро-

дился, гдѣ оставилъ все свое семейство и гдѣ было для меня множество воспоминаній и предметовъ сожалѣнія.

Совершенно особенныя обстоятельства, по-видимому, предназначили мнѣ сдѣлаться нѣкогда искателемъ истины въ этихъ странахъ, о которыхъ имѣютъ весьма ложныя извѣстія. Отецъ мой, офицеръ французской службы, находился въ Ирландской бригадѣ, подъ начальствомъ Дильона. Сдѣлавшись эмигрантомъ въ эпоху революціи 1789 года, онъ отправился искать службы у Англичанъ, но въ странахъ отдаленныхъ, гдѣ надѣялся не встрѣтить уже полета французскихъ орловъ. Онъ равно отличался на войнѣ и въ наукахъ, въ литературѣ и въ астрономіи. Довольно упомянуть, что онъ былъ товарищемъ Майора Ламбтона, сотрудникомъ Бюро, учрежденнаго для опредѣленія долготы мѣстъ, корреспондентомъ и другомъ Лапласа и Лежандра.

Во время ученыхъ трудовъ своихъ онъ имѣлъ случай быть въ Пондишери, нахо-

дившемся тогда во власти Англичанъ. Влюбившись въ одну молодую Француженку, онъ женился на ней. Вскоръ потомъ родился я въ Мадрасѣ, на Коромандельскомъ берегу, подъ сѣнью британскаго знамени, подъ которымъ суждено мнѣ было служить впослѣдствіи.

Когда реставрація снова возвела Бурбоновъ на престолъ, Полковникъ Варренъ поспѣшилъ видѣть свое отечество и переселить туда сына, въ сердцѣ котораго онъ хотѣлъ поддерживать священный огонь любви къ Франціи. Принужденный обстоятельствами немедленно возвратиться въ Индостанъ, онъ оставилъ меня въ Нанси, поручивъ друзьямъ своимъ и материнскимъ попеченіямъ двухъ престарѣлыхъ тетокъ.

И такъ, воспитаніе мое было совершенно французское; но оно не могло заглушить во мнѣ первыхъ впечатлѣній: я все-таки былъ дитя Азіи; первое чувство, которое узналъ я, было какое-то неопредѣленное желаніе, безпрестанно увлекавшее меня туда. При пер-

вомъ пробужденіи, взоры мои съ любовью искали этихъ бронзовыхъ лицъ, которыя усыпляли меня въ колыбели и питали молокомъ своимъ—этихъ людей, тихихъ и простодушныхъ, съ трогательною нѣжностью ухаживавшихъ за мною въ первомъ моемъ дѣтствѣ. Хотя и рано переселили меня въ холодный климатъ Лотарингіи; но я помнилъ еще небо болѣе ясное, болѣе блестящее; слухъ мой требовалъ тихаго, унылаго пѣнія Индійцевъ, или отдаленнаго говора волнъ.

При томъ мнѣ суждено было рости въ разлукѣ съ моимъ семействомъ, сиротою—не знать родительской ласки и нѣжной братской дружбы. Наступилъ возрастъ, въ которомъ эти лишенія съ непреодолимою силою отзывались въ моемъ сердцѣ.

Наконецъ честолюбіе мое видѣло въ мѣстахъ родины моей обширное поле, требующее разработки, на которомъ у меня не было предшественниковъ. Дѣйствительно, что̀ знали тогда, въ 1830 году—да и теперь

что знаютъ объ этихъ обширныхъ странахъ, гдѣ Франція играла весьма значительную роль? Въ продолженіе сорока лѣтъ было ли сдѣлано хотя малѣйшее движеніе къ изслѣдованію политики нашихъ соперниковъ и развитія власти ихъ въ обширнѣйщемъ ихъ владѣніи? Между тѣмъ изслѣдованіе это не составляетъ ли предмета первой важности для Франціи, которая можетъ найдти въ немъ средства для измѣренія силъ своей соперницы? Вопросъ этотъ чрезвычайно занималъ меня, и наконецъ взялъ въ умѣ моемъ перевѣсъ надъ всѣми прочими; посвящая себя разрѣшенію его, я надѣялся принести впослѣдствіи общую пользу.

Хотя прямою цѣлью моею было намѣреніе возвратиться къ моему семейству; однако я предполагалъ въ то же время пуститься и въ дальнѣйшій путь для обозрѣнія мало еще извѣстныхъ мѣстностей Англійской Индіи и собрать всѣ нужныя свѣдѣнія, для извлеченія изъ нихъ, со-временемъ,

политическаго анализа и современной исторіи тамошняго правленія. Твердо рѣшившись выполнить эту мысль, я желалъ имѣть планъ, по которому бы могъ дѣйствовать методически; мнѣ хотѣлось получить его отъ человѣка опытнаго, потомъ заняться приведеніемъ его въ исполненіе съ тѣмъ постоянствомъ и тою смѣлостью, къ которымъ я чувствовалъ себя способнымъ.

Въ Парижѣ имѣлъ я счастіе пользоваться дружбой человѣка, какихъ рѣдко встрѣчаешь въ свѣтѣ—Г-на Ларсонье, казначея Палаты Перовъ—послѣдняго изъ благороднѣйшихъ воиновъ храброй Ирландской бригады, участвовавшей во всѣхъ геройскихъ подвигахъ нашихъ и даровавшей Франціи самую блестящую изъ ея знаменитостей—Маршала Макдональда, Герцога Тарентскаго. Г. Ларсонье понялъ и одобрилъ мое намѣреніе. На другой же день онъ представилъ меня человѣку, который въ то время могъ сообщить мнѣ самыя положительныя

свѣденія и подать самые полезные совѣты относительно лучшаго пути къ достиженію предположенной мною цѣли.

Графъ Дюпон, бывшій долгое время Генераль-Губернаторомъ Французскихъ колоніи въ Индіи, управлявшій ими несовсѣмъ безошибочно, но всегда ревностно, умно и благородно, жилъ тогда въ Парижѣ, удалившись отъ дѣлъ, въ кругу своего блестящаго семейства. Онъ былъ личный врагъ моего отца; но непріязнь эта происходила отъ несогласія въ политическихъ мнѣніяхъ, и никогда не мѣшала взаимному уваженію. Графъ Дюпон принялъ меня очень ласково и пригласилъ къ обѣду. Я очень хорошо помню его почтенное лице, его длинные серебристые волосы, его дрожащія руки, когда ласкалъ онъ своего маленькаго внука, сидѣвшаго у него на колѣняхъ; какъ теперь вижу одушевленныя черты его, глаза, полные огня, и живое выраженіе участія, почти патріотическаго, когда онъ говорилъ объ Индіи. Онъ настоятельно

совѣтовалъ мнѣ не оставлять моего предпріятія: «Это великое и прекрасное поприще—говорилъ онъ—на которое Французы «еще не вступали; оно представляетъ обширные, неразработанные рудники познаній: «это цѣлый міръ для открытій. Тамъ Англичане исполинскою сѣтью опутали огромныя, многочисленныя царства, намъ «еще неизвѣстныя, не смотря на блестящія «преданія людей, каковы Бюсси, Диплейксъ, «Лабурдоне—преданія, къ сожалѣнію, забытыя по нашей странной легкомысленности! «Но для изученія великихъ вопросовъ объ «Индіи, не обращайтесь съ вашими надеждами къ французскому правительству. «Только подъ знаменами Англіи можете вы «достигнуть своей цѣли. Принять какую «бы то ни было должность отъ французскаго правительства въ небольшихъ владѣніяхъ, называемыхъ Пондишери, Карикаль, Шандернагоръ, значило бы утонуть, «подобно насѣкомому, въ каплѣ воды — «окружить вашу жизнь и вашъ умъ ка-

»тайскою стѣною, за которой вы никогда »ничего не могли бы видѣть. Съ другой »стороны, еслибъ вы просили то же пра»вительство послать васъ туда просто въ »качествѣ путешественника, то вы были бы »такъ дурно вознаграждены; средства, вамъ »предоставленныя (въ случаѣ принятія ваше»го вызова) были бы такъ ничтожны, что »вы, по всей вѣроятности, погибли бы отъ »бѣдствій въ какой нибудь дикой пустынѣ, »пораженные холерою, или болѣзнью пе»чени; да еслибъ вы и преодолѣли всѣ эти »препятствія и опасности, то все-таки ни»чего бы не видали: всѣ предметы прохо»дили бы у васъ въ виду, какъ огромная »фантасмагорія. Колеса, которыми при»водится въ движеніе величайшій меха»низмъ англійской власти въ Индіи, оста»лись бы для васъ тайною. Вы не имѣли бы »надежнаго путеводителя въ этомъ лаби»ринтѣ; потому что дивнымъ патріотиз»момъ Англичанъ парализировался бы вся»кой языкъ въ присутствіи иностранца.

„Если хотите проникнуть въ таинства
„Индіи—вамъ надобно сдѣлаться Англича-
„ниномъ. Вашъ отецъ былъ въ англійской
„службѣ; онъ нашелъ щедрыхъ хозяевъ,
„которые хорошо платятъ людямъ, добро-
„совѣстно исполняющимъ свою должность.
„Послѣдуйте примѣру вашего отца; слу-
„жите Англичанамъ ревностно и честно;
„жертвуя, въ случаѣ надобности, вашимъ
„здоровьемъ и вашею жизнію. Потомъ,
„когда возвратитесь благополучно, оста-
„вивъ дѣла службы, можете, не измѣняя че-
„сти, разсказывать что̀ видѣли, для удо-
„вольствія публики и для успѣховъ науки
„въ отношеніи историческомъ и полити-
„ческомъ."

Таковы были совѣты отставнаго Губер-натора. То, что онъ говорилъ о путешествіи на счетъ французскаго правительства, не было ли предсказаніемъ несчастной участи Жакмона, который, два года прежде меня, отправился въ тѣ же самыя страны, подъ покровительствомъ Франціи,

и умеръ чрезъ два года послѣ того, исполняя свою обязанность при недостаточныхъ средствахъ? Планъ Графа Дюпюи казался мнѣ возможнымъ. Отецъ мой дѣйствительно служилъ у Англичанъ; Герцогъ Веллингтонъ былъ его полковникомъ въ войнѣ противъ Типпу-Саиба; они встрѣтились въ Парижѣ въ 1815 году: Герцогъ принялъ его дружески, пригласилъ къ обѣду, и узнавъ отъ отца моего, что онъ оставилъ меня во Франціи для воспитанія, упрекалъ его въ этомъ, и вызвался, еслибъ отецъ захотѣлъ сдѣлать изъ меня Англичанина—быть моимъ покровителемъ и доставить мнѣ впослѣдствіи чинъ подпоручика. Вполнѣ полагаясь на это обѣщаніе, я думалъ, что могу располагать своею судьбою, и съ твердымъ намѣреніемъ готовился ѣхать въ Лондонъ.

Я былъ подобенъ неопытному мышенку Лафонтена; не сомнѣвался ни въ людяхъ, ни въ своемъ счастіи. Родственники мои не въ состояніи были дать мнѣ денегъ на

предпріятіе, которое, впрочемъ, казалось имъ движеніемъ безумія, и я пустился въ кругосвѣтное путешествіе съ пятнадцатью наполеондорами въ кошелькѣ и съ увѣренностію не имѣть никакого пособія на другомъ берегу Ламаншскаго канала, сдѣлавшемся для меня Рубикономъ.

Я никакъ не ожидалъ суроваго пріема, сдѣланнаго мнѣ въ этомъ мрачномъ климатѣ, у народа, не слишкомъ-то гостепріимнаго — что́ бы ни говорили — къ людямъ, которые являются безъ богатства, или безъ сильной рекомендаціи. Правда, ни одинъ народъ не хвалится этою добродѣтелью въ такой степени, какъ Англичане; но всемірное мнѣніе давно уже отняло у нихъ эту славу, и всякой иностранецъ, бѣдный и беззащитный, обстоятельствами занесенный на берега Англіи, дрожа отъ холода подъ суровымъ небомъ ея, испыталъ тамъ нищету, неслыханную въ другихъ мѣстахъ; развѣ только какіе нибудь политическіе виды, или тщеславіе заставляли подать ему по-

мощь. Но я не буду вызывать этихъ грустныхъ воспоминаній; хотя я много пострадалъ въ соприкосновеніи съ толпою, однако-же долженъ признаться, что встрѣчалъ и людей съ превосходными качествами сердца. Я имѣлъ, и теперь еще имѣю въ Англіи истинныхъ друзей, которыхъ всегда буду любить, и для нихъ отъ души мирюсь со всѣми прочими. И такъ миръ прежней Англіи! Съ этихъ поръ буду говорить уже объ ея прекрасной и благородной арміи, одушевленной рыцарствомъ и храбростью, невполнѣ цѣнимой по ея достоинствамъ и оставляемой безъ должныхъ попеченій со стороны отечества, за которое она, съ героическимъ патріотизмомъ, безпрестанно борется съ ужаснымъ климатомъ Остъ-Индіи. Буду также говорить, съ должною похвалою, объ англо-индійскомъ обществѣ, рѣзко отличающемся отъ англійскаго. Вотъ странность, свойственная всякому Британцу: ему непремѣнно надобно перемѣнить мѣсто, быть въ соприкосновеніи съ иностран-

цами, испытать безпокойство путешествій, или быть военнаго братства; тогда только можно извлечь изъ этой незавидной оболочки алмазъ, нерѣдко въ ней скрывающійся. Англичане никогда не бываютъ такъ любезны на своей родинѣ, какъ вдалекѣ отъ нея. Мнѣ кажется, что добрыя качества ихъ въ особенности развиваются подъ военнымъ мундиромъ и подъ лучами тропическаго солнца.

Ноября 1-го 1830 года вышелъ я на берегъ въ Лондонѣ, сохранивъ весьма слабое воспоминаніе объ англійскомъ языкѣ, котораго звуки первые раздавались надъ моею колыбелью. Не буду говорить здѣсь, какъ, вслѣдъ одна за другою, разлетѣлись всѣ мои надежды; какъ, не смотря на самую строгую экономію и на самыя горькія лишенія, въ нѣсколько дней истощились мои слабые ресурсы; какъ два мѣсяца — ноябрь и декабрь, суровые повсюду и несносные въ Лондонѣ—боролся я, всѣми оставленный, съ нищетою и отчаяніемъ; какъ судьба моя по-

стоянно влекла меня въ Азію, и какъ добровольно избѣгалъ я всѣхъ случаевъ возвратиться во Францію. Пропускаю весь этотъ длинный рядъ томительныхъ ощущеній, и переношусь къ 1-му января 1831 года, день, въ который поступилъ я мичманомъ—существомъ земноводнымъ, полуофицеромъ, полуматросомъ — на небольшой купеческій корабль *Аврору*, отплывавшій въ Мадрасъ и Калькутту.

Мачты нашего корабля, уступая напору сильнаго вѣтра, наклонялись и, по видимому, прощались съ Франціею, когда мы шли вдоль милыхъ мнѣ береговъ ея. Глазами, полными слезъ, слѣдилъ я всѣ изгибы ихъ, и видѣлъ, какъ они, мало по малу, исчезали на горизонтѣ. Не буду говорить о моихъ чувствованіяхъ въ эти минуты. Всякій, разстававшійся съ своимъ отечествомъ, или съ своей родиной, испыталъ эти чувства, подобно мнѣ: пусть возобновитъ онъ ихъ въ своей памяти!

Тѣ, которые читали описаніе состоянія

мичмана въ остроумныхъ сочиненіяхъ Мàрріата (Marryat)—въ его романахъ: *Простодушный Петръ* и *Мичманъ Изи*, имѣли бы весьма ложное понятіе, еслибъ думали, что такова жизнь и несчастнаго, носящаго то же самое названіе на купеческомъ кораблѣ. Мичманъ королевскаго флота, описанный Мàрріатомъ, совсѣмъ другое дѣло; онъ ведетъ роскошную жизнь сравнительно съ мичманомъ купеческаго корабля. Съ нимъ поступаютъ какъ съ джентльменомъ; соименникъ же его на купеческомъ кораблѣ терпитъ участь галерника. Насъ было пятеро въ бертъ (berth) или уголкъ, который намъ отвели на пространствѣ шести футовъ длиною, четырехъ шириною и пяти вышиною. Здѣсь находился нашъ столъ и наши тюфяки, служившіе намъ диваномъ; ночью вѣшали мы тутъ наши койки, одну рядомъ съ другой въ два яруса. По-двое ходили мы на вахту вмѣстѣ съ офицерами; служили имъ помощниками, и въ то-же время исполняли, или передавали другимъ ихъ приказа-

нія, и были жертвами ихъ злобы, или дерзости. Кормили насъ хуже, нежели матросовъ (гнилымъ сыромъ и червоточными сухарями), потому что менье надѣялись на наши силы; матросы, видя, что мы не приносили экипажу такой пользы и не имѣли такой опытности, какъ они, презирали насъ; со всѣхъ сторонъ терпѣли мы оскорбленія: надъ нами смѣялись, насъ обкрадывали, даже били, и мы сами дрались между собою. При всемъ томъ я былъ Французъ; а въ низшемъ классѣ Англичанъ и въ среднемъ, необразованномъ классѣ, къ которымъ принадлежали наши матросы, мичманы и даже офицеры, существуетъ непреодолимая, слѣпая и грубая ненависть къ Французамъ. Такимъ образомъ я скоро сдѣлался центральнымъ пунктомъ, куда направлялись самыя гнусныя движенія человѣческаго сердца, куда каждый изливалъ всю свою низкую народную ненависть; я былъ несчастною игрушкою этихъ дѣтей всякаго возраста. Этотъ первый опытъ заставилъ меня сомнѣ-

ваться въ великодушіи англійскаго характера! Въ продолженіе двухъ съ половиною мѣсяцевъ, проходя всякаго рода моральныя и физическія пытки, какія могъ только вынести мой темпераментъ, напрасно искалъ я вокругъ себя состраданія и пріязни.... Но нѣтъ, я былъ бы неблагодаренъ, еслибъ забылъ тебя, мой бѣдный Нептунъ; скоро встрѣтилъ я взоръ, полный любви, всегда устремленный на меня; то была прекрасная ньюфоундланская собака, которая ложилась у ногъ моихъ, когда, послѣ трудовъ, лежалъ я свернувшись въ углу возлѣ шлюпки, въ припадкѣ отчаянія. Сколько разъ, лизавши у меня руки, которыми закрывалъ я лобъ свой, удаляла она отъ меня мрачныя помышленія, предшествующія безумному отчаянію!

Наконецъ полное чувствъ нѣжное сердце девятнадцатилѣтняго юноши не выдержало испытаній. Нервическая горячка заставила меня забыть мои страданія; потомъ таинственное провидѣніе, поставивъ меня у дверей

гроба, произвело совершенную и неожиданную перемѣну въ моемъ положеніи. Главнымъ орудіемъ къ спасенію моему выбрало оно женщину: и есть ли хотя одно человѣколюбивое дѣло, въ которомъ бы не участвовала женщина? Въ пароксизмъ моей болѣзни, когда я былъ въ безпамятствѣ, койку мою перенесли въ steerage — ходъ на высотѣ между деками, ведущій въ каюты путешественниковъ. Здѣсь положили, или, лучше сказать, повѣсили меня, какъ обреченную жертву смерти. Одна англійская дама, проходя въ каютъ-компанію, часто замѣчала меня. Она сжалилась надъ несчастнымъ иностранцемъ, и однажды, съ слезами на глазахъ, горячо, даже съ негодованіемъ, заступилась за меня передъ капитаномъ. Она подвела его къ моей постели; старикъ Самуилъ Оуэнъ былъ храбрый, добрый морякъ; сердце его тронулось моимъ положеніемъ. Съ этого дня за мной ухаживали съ возможною заботливостью, и корабельный портной, снявшій уже мѣрку съ моей койки (въ ту ми-

нуту, когда думали, что я лишился чувствъ) —съ намѣреніемъ сшить погребальный мѣшокъ, въ которомъ должно было *предать меня волнамъ*—трудился напрасно, потому что я выздоровѣлъ. Скоро сдѣлался я любимцемъ капитана (мы обыкновенно любимъ тѣхъ, кого спасли), и обѣдалъ за его столомъ; меня освободили отъ всякой работы и ввели въ каютъ-компанію; экипажъ и офицеры льстили мнѣ. Счастье скоро избаловало меня, и я чуть-было не забылъ единственнаго друга въ несчастіи, бѣднаго Нептуна, съ его добрыми глазами и большими ласковыми лапами.

И вотъ я сдѣлался — сравнительно съ тѣмъ, что былъ прежде—счастливымъ человѣкомъ; но и при лучшемъ положеніи, какая проза, какая скука въ этой корабельной жизни! Каждый часъ слышите вы звонъ колокола, напоминающаго или монастырь, или тюрьму, и призывающаго экипажъ къ однообразнымъ, ежедневнымъ его дѣйствіямъ: къ работѣ, къ обѣду, или на-

конецъ ко сну. Вы не въ состоянiи ничѣмъ заняться — вы томитесь въ смертельной, однако-же неизбѣжной праздности; да и какое занятiе возможно среди этого безпрерывнаго движенiя, этихъ несносныхъ звуковъ, повсюду васъ преслѣдующихъ: хриплые голоса офицеровъ, командующихъ экипажемъ, говоръ пассажировъ, крики матросовъ, трескъ брусьевъ въ декахъ, свистъ вѣтра въ канатахъ, плескъ волнъ — эта повсемѣстная нестройность звуковъ, никогда неумолкающая, неистощимая; прибавьте къ тому несносный запахъ, отъ котораго некуда дѣваться — этотъ ужасный деготь: стряпанье отвратительной кухни; среди этого шума нельзя даже заняться чтенiемъ; день тлиется въ пустыхъ разговорахъ; единственнымъ наслажденiемъ пассажировъ служитъ пища, какъ послѣднее прибѣжище для сокращенiя несноснаго существованiя продолжительностью завтрака, обѣда и ужина.

Вопреки поэтамъ, я готовъ признаться,

вмѣстѣ съ Жакмономъ, что никогда не чувствовалъ меланхолической прелести, находимой многими на открытомъ морѣ: «Чувствую одну только пустоту, ничтожество, отсутствіе мыслей предъ этой картиной, которую другіе не могутъ видѣть безъ восторга, или умиленія. Какую идею безпредѣльности можетъ дать намъ эта ровная и однообразная поверхность, гдѣ ничего не видишь?» потому что о пространствѣ можно сказать то же, что и о времени: если оно пусто, то протяженіе его для насъ неуловимо. Мысль возбуждается только жизнію, движеніемъ. Напрасно утомляю я взоръ свой на этомъ мрачномъ океанѣ; поверхность его не представляетъ никакихъ слѣдовъ; тутъ нѣтъ даже и образа смерти; это зрѣлище ничтожества!

II.

МЫСЪ ДОБРОЙ НАДЕЖДЫ. — РАЗНООБРАЗІЕ НАРОДОПАСЕЛЕНІЯ. — ГОЛЛАНДСКІЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ. — БОШМЕНЫ. — ОПИСАНІЕ СТРАНЫ.

Прошло три мѣсяца со времени отплытія изъ Лондона. На вахтѣ закричали: »земля!« Вотъ Африка, вотъ знаменитый Бурный мысъ, воспѣтый Камоэнсомъ. Мы находимся уже въ томъ теченіи, которое, выходя изъ Мозамбикскаго канала, огибаетъ мысъ Игольный и устремляется, восходя вдоль западнаго берега, къ скаламъ Св. Елены. Мы проходимъ Greenpoint: поворачиваютъ оверштагъ, и мы, въ безмолвіи отъ изумленія, останавливаемся передъ этою величественною природою, этими

колоссальными массами, которыя, по-видимому, говорятъ морю: «Здѣсь ты разобьешься; сюда будешь ты бросать безсильныя, пѣнистыя волны свои.» Смотрите, какъ спитъ на берегу этотъ огромный египетскій Левъ, состоящій изъ двухъ возвышеній, извѣстныхъ подъ названіями Lion's head и Lion's rump (львиная голова и львиная задъ), по сходству, какое представляетъ масса песчаника съ этимъ спящимъ животнымъ. Далѣе вы видите огромный конусъ; высота его казалась бы неизмѣримою, если-бъ не простиралась надъ нимъ громадная куртина, съ вершины которой, отъ юговостока, стремится густой туманъ въ видѣ водопадовъ, рѣдѣющій по мѣрѣ паденія его съ отвѣсныхъ береговъ и образующій скатерть на этомъ *столѣ* боговъ. Это мысъ Доброй Надежды; вотъ и Столовая губа — дивная станція на срединѣ пути между Европою и Азіею, но въ характерѣ своемъ не представляющая ничего общаго ни съ тою, ни съ другою. Она имѣетъ свою отличи-

тельную природу — свои горы, свой климатъ, свои породы людей и животныхъ, различающіяся отъ всѣхъ другихъ въ мірѣ.

Городъ Канъ такъ часто и такъ хорошо былъ описанъ множествомъ другихъ путешественниковъ, что я не буду и распространяться объ немъ. Впрочемъ, когда вамъ назовутъ нѣсколько прямыхъ улицъ, пересѣкаемыхъ прямыми углами; нѣсколько публичныхъ зданій въ греческомъ стилѣ, которыя, по какой-то оригинальной мысли, вздумалось Англичанамъ построить посреди архитектуры однообразно-голландской; нѣсколько каналовъ, совершенно безполезныхъ и довольно вонючихъ; Марсово поле на одномъ концѣ города, а на другомъ прелестное гульбище, усаженное европейскимъ дубомъ, и все это, у подошвы колоссальной групы горъ, рисующееся на синей поверхности моря — вамъ скажутъ все, что только можно сказать объ этомъ городѣ. И такъ я ограничусь немногими замѣча[illegible]ми, мимоходомъ, о [illegible]

людей и животныхъ, исключительно принадлежащихъ къ этой мѣстности, и о нѣкоторыхъ новѣйшихъ измѣненіяхъ въ политическомъ составѣ колоніи.

Народонаселеніе Капа представляетъ чрезвычайную смѣсь: въ 1831 году оно состояло изъ Голландцевъ, весьма многочисленныхъ; изъ Англичанъ, число которыхъ медленно увеличивается, потому что переселеніе ихъ давно уже направилось въ Австралію; изъ готтентотскихъ, кафрскихъ и мозамбикскихъ негровъ; изъ Мадегассовъ, Малайцевъ и метисовъ всѣхъ породъ.

Въ то время, о которомъ говорю, Англичане довольствовались правленіемъ и торговлею; Голландцы владѣли землями и занимались ихъ обработкою. Но потомъ большая часть голландскаго народонаселенія не вытерпѣла англійскаго правленія, и добровольно удалилась. Оставивъ поля своихъ предковъ, не заботясь о передачѣ ихъ новымъ владѣльцамъ и не требуя за нихъ никакого вознагражденія, Голландцы переселились

большими толпами—и, какъ въ Портъ-Наталъ, на восточномъ берегу Африки, такъ и по берегу Оранжевой рѣки, на сѣверъ отъ Graham's town, основали союзную республику; но Англія не признаетъ ея независимости, а Голландія, не смотря на доброе желаніе свое, не въ состояніи ей покровительствовать. Долго было бы входить въ описаніе оскорбленій, нанесенныхъ Голландцамъ; но можно себѣ представить, до какой степени были притѣсняемы эти несчастные люди, если уже рѣшились они сдѣлать подобное пожертвованіе. Такое положеніе дѣлъ остановило успѣхи колоніи и нанесло ей вредъ на будущее время, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока она будетъ находиться подъ владычествомъ Англіи. Въ послѣднее время, т. е. въ началѣ 1842 года, правительству легко было овладѣть самымъ городомъ Портъ-Наталемъ; но всѣ попытки подчинить тамошнихъ переселенцевъ англійскимъ законамъ, не ограничиваясь однимъ

только содержаніемъ гарнизона въ ихъ столицѣ, скоро бы довели до опустошительной войны, въ которой Англичане, при всемъ превосходствѣ силъ и организаціи войска, едвали имѣли бы успѣхъ. Подобно Аравитянамъ сѣверной Африки, голландскіе наѣздники, Boers, ловко избѣгаютъ дѣйствій регулярной арміи. На неутомимыхъ лошадяхъ своихъ, вооруженные длинными карабинами, изъ которыхъ стрѣляютъ съ чрезвычайною ловкостью, они всегда могутъ удобно держаться внѣ мушкетныхъ выстрѣловъ инфантеріи, истребляя цѣлые ряды британскаго войска. Стрѣляя въ разсыпную, они никогда нейдутъ колоннами противъ артиллеріи, и она совершенно для нихъ неопасна. Если бы—какъ, кажется, и хотятъ теперь сдѣлать — прислали изъ метрополіи достаточное число кавалеріи для уничтоженія всякаго сопротивленія, то позади голландскихъ колонистовъ простираются африканскія пустыни, гдѣ они могутъ укрываться отъ всякаго преслѣдо-

ванія. У нихъ разведены многочисленныя стада на плодородныхъ лугахъ, разстилающихся на неизмѣримомъ пространствѣ, и потому безполезно было бы искать возможности побѣдить ихъ голодомъ; еще безполезнѣе было бы стараться прервать подвозъ военныхъ припасовъ, необходимыхъ имъ для защиты себя отъ дикихъ народовъ. На границѣ, открытой слишкомъ на двѣсти миль, нельзя было остановить продажу англійскими купцами ружей, пороха и даже пушекъ Кафрамъ, въ то самое время, когда правительство вело съ ними опустошительную войну; тѣмъ болѣе нельзя будетъ остановить Голландцевъ отъ доставленія пособій своимъ единоземцамъ. Слѣдовательно переселеніе, такимъ образомъ составленное и покровительствуемое обстоятельствами и природою, непобѣдимо. Его можно возвратить обѣщаніями и миролюбіемъ; но если захотятъ преодолѣть его силою, то черезъ это раззорятъ колонію и останутся съ однимъ безчестьемъ.

Нѣсколько англійскихъ миссіонеровъ, соединившихся, подъ именемъ Протестантскаго Комитета, для покровительства туземцамъ, забывая мирное призваніе свое, правда, предлагали довольно дѣйствительное средство или истребить, или покорить это населеніе, а именно: пригласить всѣхъ Кафровъ и всѣ языческія племена, напасть на переселенцевъ и побить ихъ наголову. Къ счастью, Сэръ Джорджъ Непиръ, нынѣшній Губернаторъ колоніи, не принялъ этого, вовсе не евангельскаго совѣта, впрочемъ, весьма неразсчетливаго и для Англичанъ, потому что оружіе, которое дали бы они въ руки этимъ варварамъ, вскорѣ по истребленіи Голландцевъ, было бы обращено противъ нихъ самихъ.

Готтентоты, туземцы этой оконечности Африки, составляютъ третью отрасль народонаселенія, разновидность породы Негровъ. Цвѣтъ кожи ихъ оливково-желтый; волосы черные и мягкіе, губы толстыя. Въ этой породѣ всего поразительнѣе необык-

новенное тѣлосложеніе у женщинъ; между тѣмъ какъ у мужчинъ типъ человѣка не отличается отъ нашего, у женщинъ, напротивъ, съ наступленіемъ совершеннолѣтняго возраста, нѣкоторыя формы тѣла дѣлаются чудовищной величины, а руки и ноги остаются тонкими; отъ чего все тѣло принимаетъ чрезвычайно безобразный видъ. Не буду говорить о Венерѣ готтентотской; объ ней много уже было писано: извѣстно, что она представляетъ собою все, что только есть унизительнаго для человѣчества. Готтентоты этой породы слабоумны; ихъ употребляютъ преимущественно для земледѣльческихъ работъ и для пастьбы скота. Одежда ихъ довольно живописна и имѣетъ видъ чего-то неконченнаго, что̀ очень хорошо согласуется съ ихъ странною физіономіею. Мужчины и женщины носятъ одинакія шляпы, родъ китайскаго павильона: это низкій конусъ съ остроконечною верхушкою, съ весьма широкимъ основаніемъ и съ опущенными полями.

Наконецъ въ этой части Африки есть еще порода людей, годъ отъ года все болѣе исчезающихъ. Они не живутъ ни въ городахъ, ни въ деревняхъ, но попарно скитаются въ пустыняхъ, или прячутся въ ущельяхъ скалъ, и составляютъ послѣднюю степень разновидностей человѣчества, послѣднее звено между человѣкомъ и животнымъ. Эта порода приближается къ готтентотскому типу цвѣтомъ своимъ и образованіемъ у женщинъ извѣстной части тѣла, въ которой, такъ-же какъ и у африканскихъ овецъ, скопился, по-видимому, весь жиръ. Но люди эти весьма малы ростомъ; мужчины невыше четырехъ футовъ. Они, кажется, неспособны къ принятію воспитанія; вкусомъ, наклонностями и образомъ жизни уподобляются второкласнымъ хищнымъ птицамъ; питаются преимущественно падалью, червяками, кузнечиками, жабами. Единственная промышленность ихъ состоитъ въ дѣланіи луковъ и стрѣлъ, которыя умѣютъ они напитыват

ядомъ. Порода эта извѣстна подъ именемъ *бушменовъ* или *бошменовъ*. * „То нищіе, то „воры и грабители, всегда вѣроломные и „жестокіе, даже безъ всякой пользы для „себя, подобно гіенѣ, они изъявляютъ пріятныя ощущенія при видѣ труповъ и „крови.“ (*Мальтъ-Брюнъ*).

Наконецъ послѣднюю достопримѣчательность Капа составляетъ порода барановъ, разновидность варварійской породы, съ толстымъ хвостомъ. Этотъ хвостъ, состоящій изъ клѣтчатки, наполненной жиромъ, дѣлается чрезвычайно толстымъ. Онъ имѣетъ видъ угла, котораго острый конецъ проходитъ между ногъ животнаго, чрезвычайно затрудняетъ его на ходу, утомляя своею тяжестью, и не даетъ ему бѣгать.

Я воспользовался сѣвернымъ вѣтромъ, который дулъ нѣсколько часовъ и поднялъ на это время туманный покровъ съ Столовой горы. Съ немногими спутниками от-

* То есть люди кустовъ.

правился я на эту знаменитую гору. Подвигъ нашъ продолжался четыре часа; но не болѣе нѣсколькихъ минутъ досталось намъ наслаждаться дивною панорамою, открывающеюся съ этой высоты, потому что возвращеніе юговосточнаго вѣтра могло быть для насъ пагубнымъ: онъ-то и приноситъ, въ нѣсколько минутъ, облака густаго тумана, называемаго скатертью. Въ то время на горѣ нельзя уже различить ни одного предмета, и невозможно найдти хода въ узкій оврагъ, который ведетъ на высоту и служитъ единственнымъ путемъ съ нея. Тогда положеніе ваше дѣлается чрезвычайно затруднительнымъ, и множество путешественниковъ погибло отъ этого, потому что, кромѣ оврага, вершина Столовой горы окружена со всѣхъ сторонъ отвѣсною крутизною въ нѣсколько сотъ футовъ вышины.

Я былъ также въ двухъ знаменитыхъ виноградникахъ, производящихъ констанцкое вино. Хозяева, Гг. Клòути и Кòлинъ,

встрѣтили насъ съ истинно-голландскимъ гостепріимствомъ. Впослѣдствіи разведенъ здѣсь третій виноградникъ, принадлежащій Гг. Ванъ-Ренненъ. Лозы, производящія это вино, первоначально вывезены изъ Гіенны и Бургундіи. Секретъ приготовленія его очень простъ: винограду даютъ сохнуть на кистяхъ до тѣхъ поръ, пока въ немъ останется третья часть сока, и тогда выжимаютъ его. Въ нашихъ влажныхъ климатахъ нельзя было бы приготовлять вино по этому способу.

Чрезвычайно любопытна прогулка отъ Капъ-Тоуна до Большой Констанціи, чрезъ Ньюлендсъ. Дорога идетъ по протяженію цѣпи Столовой горы. Отраженіе горъ, разливающее свой мѣдный цвѣтъ на всю окрестность, ихъ странныя, дикія и грозныя формы, ни ручейка воды, въ которомъ бы отражалась лазурь небесная для одушевленія этой дикой картины; уединеніе и самыя виллы, столь изящныя, столь живописно скрывающіяся въ зелени деревъ, но гдѣ не-

замѣтно никакого движенія, неслышно никакого звука подъ утомительно-знойными лучами солнца: все это представляется вамъ какъ будто въ сновидѣніи, но въ сновидѣніи нимало неувлекательномъ. По крайней мѣрѣ, я не выбралъ бы Африки своимъ отечествомъ; поставить въ ней на нѣсколько дней шатеръ путешественника—вотъ все, что̀ могъ бы я сдѣлать. Скалы и пески господствуютъ повсюду; воды нигдѣ не видишь, развѣ только съ береговъ моря, которые здѣсь непривлекательны. Волны выбрасываютъ на нихъ множество труповъ; прибрежье покрыто вонючею нечистотою и испаряетъ заразительные міазмы; поля отдѣлены одно отъ другаго пустынями; «разбросанные и тощіе луга нигдѣ не представляютъ густой, роскошной зелени; въ «лѣсахъ нѣтъ ни усладительной свѣжести, «ни торжественнаго мрака; природа всегда «величественна, нерѣдко сурова и ужасна; «но никогда не улыбается; въ ней больше при- «хотей, чѣмъ прелести.» (*Мальтъ-Брюнъ*).

III.

Игольный мысъ. — Прибытіе въ Мадрасъ. — Опасная переправа. — Описаніе Мадраса; народъ; мечеть. — Столичное общество; бука: пукино-новъ гулянье; смѣлость хищныхъ птицъ.

Марта 9-го 1831 года, въ прелестнѣйшую погоду, мы снова сѣли на корабль; чрезъ нѣсколько дней послѣ того мы огибали уже мысъ Игольный и терпѣли качку на одномъ изъ самыхъ бурныхъ морей: корабль нашъ то поднимался на хребты валовъ, то спускался въ бездну. Жакмонъ полагаетъ, что валы никогда не бываютъ здѣсь выше 20 или 30 футовъ надъ горизонтомъ, и настолько же ниже его; но онъ говорилъ это въ то время, когда корабль не обогнулъ еще мыса. Дивное зрѣ-

лице представляется вамъ, когда съ кормы корабля смотрите, какъ валъ убѣгаетъ подъ вами, вырывая пропасть, или образуя гору въ томъ самомъ мѣстѣ, отъ котораго вы только-что удалились. Но это изумленіе, сначала смѣшанное со страхомъ, скоро освобождается отъ него, когда вы видите, съ какою легкостью, съ какимъ искусствомъ, корабль вашъ, какъ птица, предвѣстница бури, скользитъ по поверхности моря и переносится чрезъ его волнующіяся пучины.

Погода постоянно благопріятствовала намъ; прошло шесть недѣль со времени отплытія нашего изъ Африки, и скоро открылся на горизонтѣ островъ Цейланъ. Въ прекрасный вечеръ видѣли мы издали Адамову гору; вѣтеръ, дувшій съ земли, приносилъ намъ прибрежныя благоуханія, и мы жалѣли, что не могли пристать къ этому очаровательному острову. Чрезъ два дня послѣ того мы были уже на высотѣ Порто-Ново; видѣли Гуделуръ; потомъ

слѣдовалъ длинный рядъ кокосовыхъ деревъ; далѣе Пондишери, съ его прелестнымъ мѣстоположеніемъ, дремлющій при шумѣ волнъ своего буруна, на берегу лазурнаго моря; Садрасъ, съ его рощами и пагодами, до половины затопленными водою — наконецъ представилось намъ множество огней среди темной ночи; это, безъ сомнѣнія, Мадрасъ. Мы стали на якорь между двухъ кораблей, которыхъ видѣли только профиль, и тогда какъ всѣ другіе спали, я грустно размышлялъ о завтрашнемъ днѣ, который приведетъ меня къ цѣли моего путешествія.

Вдругъ чья-то рука слегка пожала мнѣ плечо: «О чемъ думаете вы, Варренъ? о »вашемъ семействѣ; о томъ, какъ васъ »примутъ? Не безпокойтесь, любезный »другъ; если вамъ не посчастливится на ро»динѣ, то воротитесь ко мнѣ на корабль; »*Аврора* къ вашимъ услугамъ; она доста»витъ васъ, если угодно, къ берегамъ *пре»красной Франціи.*» Это былъ голосъ ста-

рика Самуила Оуэна. Съ слезами на глазахъ благодарилъ я добраго капитана, и, изъ благодарности къ нему, полюбилъ народъ, котораго былъ онъ столь благороднымъ представителемъ.

Мая 1-го 1831 года предъ разсвѣтомъ заснулъ я на одномъ изъ курятниковъ на палубѣ; внезапно разбудили меня голоса, раздававшіеся съ моря. Посмотрѣвъ черезъ бортъ, дѣйствительно увидѣлъ я двухъ человѣкъ на морѣ—одного присѣвшаго на корточки, а другаго верхомъ на чемъ-то въ родѣ челнока, весьма длиннаго, чрезвычайно узкаго и плоскаго. У каждаго было по веслу; они управляли этимъ ничтожнымъ челнокомъ, какъ животнымъ, на которомъ бы ѣхали верхомъ: то былъ *катимаранъ*. Эти странные челноки, сдѣланные изъ двухъ или трехъ брусьевъ, соединенныхъ въ видѣ плота, переплываютъ черезъ бурунъ, тогда какъ всякія другія лодки опрокидываются, и люди, плавающіе на катимаранахъ, рискуютъ такимъ образомъ жизнью, въ надеждѣ по-

лучить нѣсколько сентимовъ за то, что доставятъ вамъ письма съ берегу отъ вашихъ друзей, или продадутъ вамъ нѣсколько плодовъ, или рыбы, болѣе или менѣе свѣжей. Одному изъ гребцовъ бросили веревку; катимаранъ причалилъ, и оба земляка мои, всходя на корабль съ быстротою двухъ обезьянъ, въ одну минуту очутились на палубѣ. Это были два бронзовые геркулеса, голые какъ ладонь; на нихъ ничего не было, кромѣ *лангути*, маленькаго лоскутка, привязаннаго спереди. Я немного удивился этому первому явленію и такому легкому костюму; но впослѣдствіи цвѣтъ тѣла Индійцевъ казался мнѣ достаточною одеждою. Было бы только на нихъ *лангути*— они имѣли для меня видъ людей, одѣтыхъ въ черное платье, и больше ничего. Потомъ взоры мои обратились къ прибрежью. Мадрасскій портъ, когда смотришь на него съ рейды, представляетъ весьма замѣчательный видъ. «Великолѣпіе зданій, увеличиваемое «дѣйствіемъ оптики; высокія *верандахи*;

»кровли совершенно плоскія; бѣлыя и высокія »колоннады, рисующіяся на чистѣйшей лазури неба; все это, увѣнчанное величественною массою крѣпостныхъ зданій; »шумъ пѣнистаго моря, бросающаго разъяренныя волны свои на необъятномъ для »взора пространствѣ береговъ, разнообразіе перевозныхъ судовъ, разсѣкающихъ поверхность воды; собравшіяся тамъ и здѣсь »по прибрежью групы людей, черныхъ и »занятыхъ работою—все наперерывъ живо »поражаетъ путешественника, жаждущаго »новизны.» *

Вниманіе мое, устремленное на эти берега, по-видимому, фантастическіе, производившіе на меня, не знаю почему, дѣйствіе миража—прервано было прибытіемъ нѣсколькихъ *шелингъ* или *массулаховъ*, явившихся для перевоза насъ на берегъ: это большія барки, безъ палубы, имѣющія видъ раковины, сдѣланныя изъ кожи и коры; въ нихъ

* *Oriental annual*, traduction de M. Auguste Urbain.

нѣтъ ни гвоздей, ни клиньевъ. Части короба грубо сшиты веревками изъ *каро* — родъ пеньки, сдираемой съ кокосовыхъ орѣховъ. Въ такой баркѣ путешественникъ, желающій выйдти на берегъ въ Мадрасъ, долженъ, подвергая жизнь свою опасности, пуститься по бушующимъ волнамъ — черезъ этотъ страшный бурунъ, простирающійся вдоль всего Коромандельскаго берега, но здѣсь свирѣпствующій съ бо̀льшею силою, нежели въ другихъ мѣстахъ. Всякая европейская барка погибла бы въ немъ въ нѣсколько секундъ. Съ капитаномъ Оуэномъ сошелъ я въ первую шелингу, приблизившуюся къ кораблю. На ней было девятнадцать гребцовъ; одинъ изъ нихъ кормчій, управлявшій рулемъ и распоряжавшій всѣми движеніями. Онъ былъ въ то-же время и начальникъ хора пѣвчихъ; потому что, какъ скоро ударили въ весла, наши лодочники начали отвратительное пѣніе, смѣсь малабарскаго съ индостанскимъ; напѣвы ихъ странны и монотонны; стихи съ риѳмами; кормчій поетъ

первый стихъ; за нимъ всѣ повторяютъ хоромъ; потомъ онъ поетъ другой стихъ, и хоръ также повторяетъ.

Вотъ мы приближаемся къ тремъ параллельнымъ пѣнистымъ валамъ, которые, одинъ за другимъ, съ ревомъ разбиваются на берегу; но лишь только исчезаетъ первый изъ нихъ, какъ появляется уже, позади двухъ другихъ, четвертый валъ, съ ужаснымъ шумомъ подымающійся изъ глубины моря вслѣдъ за предыдущими. Искуство гребцовъ состоитъ въ томъ, чтобъ каждый разъ направлять конецъ барки отвѣсно къ приближающемуся валу: такимъ образомъ валъ пересѣкается и разливается вправо и влѣво, покрывая васъ пѣною, и подымаетъ барку, которая, какъ коромысло на перевѣсѣ, наклоняется впередъ, потомъ назадъ. Вы вскрикиваете, и первый валъ остался уже позади васъ. Но теперь настала минута величайшей опасности; кормчій, выходя изъ себя, кричитъ и топаетъ: это настоящая пиѳія въ изступленіи. Гребцы от-

вѣчаютъ крикомъ на крикъ, со всего размаха дѣйствуютъ веслами и съ ужасомъ оглядываются назадъ; они также внѣ себя — дѣло идетъ о жизни! Во́-время ли ударите вы въ отвѣсъ? Готовы ли вы встрѣтить непріятеля концомъ шелинги! Если онъ ударитъ на васъ съ боку; то въ одну секунду отъ шелинги вашей останется нѣсколько лоскутьевъ кожи и обломковъ коры, вертящихся надъ бездною. Но у васъ есть еще надежда: видите-ли, съ правой и лѣвой стороны, какъ будто соломины, носящіяся въ пѣнѣ, неустрашимые катимараны, которые кажутся отсюда птицами — предвѣстницами бури? Это смѣлые водолазы, готовые спасти васъ, если только окулы не предупредятъ ихъ. По крайней мѣрѣ, четыре раза выдерживаете вы тѣ-же пытки, ощущаете тотъ-же ужасъ; наконецъ васъ выбрасываетъ на песокъ, откуда гребцы мгновенно уносятъ васъ на рукахъ и кладутъ на прибрежье, все еще въ трепетѣ отъ страха, благодаря Бога за спасеніе, и съ радо-

стью увѣряя васъ, что вы совершенно безопасны.

Тотчасъ послѣ нашего прибытія въ городъ, капитанъ представилъ меня Г-мъ Арботнотъ (Arbuthnot), хозяевамъ одного знаменитаго коммерческаго дома, отъ котораго я долженъ былъ получить извѣстіе о моемъ семействѣ. Отъ нихъ, къ величайшему удивленію моему, узналъ я, что онѣ опекуны мои и что въ рукахъ ихъ находится небольшая сумма денегъ, частица наслѣдства послѣ отца моего. И такъ я имѣлъ возможность выйдти на нѣкоторое время изъ зависимости, казавшейся мнѣ неизбѣжною и грозною, тѣмъ болѣе, что недавній опытъ мой научилъ меня бояться ея. Обезпеченный съ этой стороны, я съ меньшимъ безпокойствомъ и съ большею наблюдательностью смотрѣлъ на все, меня окружавшее. Взоры мои съ изумленіемъ и восторгомъ останавливались на всѣхъ предметахъ, столь новыхъ, столь удивительныхъ, столь различныхъ отъ всего европейскаго. Вотъ на-

конецъ та земля, къ которой стремились мои желанія съ самаго перваго дѣтства моего, и я достигъ до нея, преодолѣвъ всѣ препятствія; эта первая побѣда заставляла сердце мое биться радостью и надеждою.

»Какой новый восторгъ—говоритъ Жак»монъ—какое простодушное удивленіе ощу»щаете вы, когда въ первый разъ выходи»те на тропическій берегъ! Какое глубокое »впечатлѣніе оставляетъ въ душѣ человѣка, »чувствительнаго къ красотамъ природы, »первая картина, на которой остановилъ »онъ свое вниманіе въ экваторіальномъ »мірѣ!«—»Есть что-то великое, могучее— »говоритъ Гумбольдтъ — въ томъ впеча»тлѣніи, которое производитъ природа Ин»діи, такъ что, проведя здѣсь нѣсколько »мѣсяцевъ, думаешь, что прожилъ нѣсколь»ко лѣтъ. Дѣйствительно, здѣсь все пред»ставляется новымъ и чудеснымъ. Среди »полей, въ густотѣ лѣсовъ, исчезаютъ по»чти всѣ воспоминанія объ европейской »природѣ; потому что характеръ ландшаф-

„та опредѣляется преимущественно расти-
„тельностью: она-то и дѣйствуетъ на насъ
„массою формъ, ихъ контрастомъ и яр-
„костью цвѣтовъ. Чѣмъ сильнѣе новыя впе-
„чатлѣнія, тѣмъ скорѣе ослабляются ими
„прежнія: сила придаетъ имъ видъ долго-
„временности. Подъ прелестнымъ небомъ
„юга, свѣтъ и магическое сліяніе цвѣтовъ въ
„воздухѣ украшаютъ и самую обнаженную
„землю. Солнце не только освѣщаетъ, но
„и наводитъ колоритъ на предметы; оно
„окружаетъ ихъ легкими парами, которые,
„не мѣшая прозрачности воздуха, дѣлаютъ
„оттѣнки болѣе гармоническими, смягчаютъ
„дѣйствіе свѣта и разливаютъ въ приро-
„дѣ спокойствіе, отражающееся въ душѣ
„нашей."

Послѣ роскошнаго завтрака, за которымъ въ первый разъ я ѣлъ ароматическія кушанья и плоды Индіи, узналъ я отъ своихъ бугостепріимныхъ опекуновъ, что пока будутъ дѣлаться приготовленія къ путешествію моему въ Пондишери, гдѣ я долженъ

былъ найдти одну изъ сестеръ моихъ—мнѣ дадутъ помѣщеніе и все содержаніе на великолѣпной виллѣ, занимаемой Г-жи Àрботнотъ въ окрестностяхъ Мадраса. Дѣйствительно, черезъ часъ времени, съ наслажденіемъ проведеннаго мною у окна, открытаго съ прохладной стороны, въ обозрѣніи буруна, кораблей на рейдѣ и движеній на пристани, пришли доложить, что кабріолетъ ожидаетъ насъ. Я сѣлъ въ него съ Эдуардомъ Àрботнотъ, и въ первый разъ ѣхалъ по загороднымъ аллеямъ своей родины.

Мадрасъ дѣлится на двѣ отличительныя части: *бѣлый городъ* и *черный городъ*. Онъ неправиленъ и чрезвычайно страненъ. Это Европа и Азія, раздѣленныя площадью. Казармы, домы съ плоскими кровлями въ испанскомъ вкусѣ, по большой части, окруженные небольшими садами и раздѣленные красивыми улицами, осѣненными тѣнью высокихъ деревъ; дворецъ, много церквей, нѣсколько зданій, построенныхъ по прекраснѣйшимъ образцамъ греческой архитекту-

ры; наконецъ величественная крѣпость съ ея гласисами, амбразурами, пушками; говоръ, который, ослабѣвая, преслѣдуетъ васъ на пространствѣ почти цѣлаго льё: вотъ *бѣлый городъ*. Далѣе огромная деревня, гдѣ все кипитъ жизнію; убогія хижины, тѣсно построенныя одна возлѣ другой; минареты, пагоды, мечети; въ одномъ мѣстѣ — цѣлый рядъ домовъ въ португальскомъ вкусѣ; въ другомъ—одинъ только домъ между хижинами, покрытый черепицею, но построенный въ одинъ этажъ и раскрашенный вдоль полосами разныхъ цвѣтовъ; надъ кровлями домовъ кокосовыя деревья возвышаютъ свои роскошныя вершины; тутъ вы видите тамариндъ, пипуэль, священное фиговое дерево, упирающееся въ землю своими могучими корнями, образующее своды, разливающее обширными вѣтвями своими тѣнь и свѣжесть и призывающее къ отдохновенію; народъ бронзоваго цвѣта, который суетится, спитъ, работаетъ, куритъ, дѣлаетъ

свои омовенія, и все это посреди улицы: вотъ *черный городъ.* Наконецъ аллеи, длиною своею теряющіяся изъ вида—широкія, усаженныя прекраснѣйшими деревьями; длинный рядъ дворцовъ дорическихъ, іоническихъ, коринѳскихъ; это аѳинскіе храмы, защищаемые отъ шума и пыли луговинами, которыя украшены рощами и цвѣтниками: вотъ the Gardens — прелестнѣйшіе загородные домы Мадраса.

Вилла, занимаемая Г-жи Арботнотъ, принадлежитъ къ числу прекраснѣйшихъ въ окрестности. Здѣсь нашелъ я цѣлую колонію такихъ же мимолетныхъ птицъ, какъ и я. Тутъ были вновь прибывшіе на корабляхъ странники, на время остановившіеся въ Мадрасѣ и переѣзжающіе съ одной индійской станціи на другую; больные, пріѣхавшіе сюда пользоваться цѣлительнымъ воздухомъ моря. Это былъ небольшой каравансарай, гдѣ каждый имѣлъ въ своемъ распоряженіи, кромѣ общей залы, спальню, особую комнату для ванны, двухъ или трехъ

служителей, всегда готовыхъ явиться къ вамъ, всегда готовыхъ подать вамъ все, чего вздумаете спросить: вина, плодовъ, кофе, ликеру, сигаръ, словомъ: вы пользуетесь всѣми удобствами роскошной жизни. Дворы были наполнены, луговины покрыты лошадьми и палатками для прислуги посѣтителей, царски угощаемыхъ. Но, къ сожалѣнію, этотъ золотой вѣкъ прошелъ! Во время продолжительнаго пребыванія моего въ Индіи, я былъ свидѣтелемъ его упадка. Выгоды торговли теперь недостаточны для поддержанія этого роскошнаго гостепріимства, и при томъ добрыя преданія умолкаютъ и забываются по мѣрѣ увеличенія гражданскихъ обществъ.

При послѣднемъ возвращеніи моемъ въ Мадрасъ, въ январѣ 1840 года, мнѣ грустно было видѣть перемѣну, происшедшую въ общественныхъ сношеніяхъ. Люди хитрые, недоброжелательные (святоши — какъ ихъ здѣсь называютъ), какъ зараза, распространились по всему обществу. Всѣмъ овладѣлъ

методизмъ, т. е. мрачный фанатизмъ—извинительный, когда онъ непритворенъ, но отвратительный, когда служитъ только маскою для прикрытія корыстолюбія, или гордости. Торговый классъ людей и высшіе чиновники, гражданскіе и военные, желающіе сберечь почти весь свой барышъ, или почти все огромное свое жалованье, охотно надѣваютъ эту личину, съ намѣреніемъ избѣгнуть обязанности содѣйствовать общественнымъ удовольствіямъ и отказаться отъ разорительнаго гостепріимства, котораго прежде, можно сказать, требовали отъ нихъ. Вмѣсто обѣдовъ и баловъ, стоившихъ имъ дорого, нынѣ они угощаютъ васъ назидательными разговорами, которые ничего имъ не стоятъ. Молодые люди, желающіе отличиться, надѣваютъ такую же личину — хотя она къ нимъ еще менѣе пристала—для того чтобъ угождать сильнымъ и получать отъ нихъ мѣста; выходитъ, что теперь въ Мадрасѣ приглашеніе къ обѣду, или даже на вечеръ, если только не остережешься, есть настоя-

щая ловушка. Тотчасъ послѣ обѣда, или передъ десертомъ, хозяинъ дома заставляетъ васъ искупить ваши удовольствія, занимая ваше вниманіе, по крайней мѣрѣ, цѣлый часъ, какою-то нравоучительною рѣчью въ молитвенномъ тонѣ, съ речитативомъ въ духѣ круглоголовыхъ пуританъ кромвелева времени. При первыхъ посѣщеніяхъ моихъ въ Мадрасъ, въ 1831 году, я жаловался на молчаливость Англичанъ; но теперь—подобно отцу нѣмой въ комедіи Мольера: »*Лекарь по неволѣ*»—признаюсь, предпочитаю тогдашнюю ихъ молчаливость нынѣшней болтовнѣ, и охотно сдѣлалъ бы ихъ, попрежнему, нѣмыми.

Чтобъ нанести послѣдній ударъ старинному гостепріимству, жители президентствъ употребили довольно дѣйствительное средство: учредили клубъ, гдѣ всякой иностранецъ, всякой, приставшій къ берегу, всякой, путешествующій по внутреннимъ странамъ, можетъ найдти, на свой счетъ, и удобное помѣщеніе и хорошій столъ. Впрочемъ, эти неблагопріятныя перемѣны замѣтны только въ

столицахъ; но во внутреннихъ странахъ гостепріимство повсюду сохранилось съ прежнимъ радушіемъ. Это еще благодатная земля, гдѣ сердца такъ-же горячи, какъ и солнце.

По пріѣздѣ въ виллу Гг. Арботнотъ, мы вошли въ домъ по прекрасной лѣстницѣ, ведущей съ двухъ сторонъ и оканчивающейся греческимъ портикомъ, изящная колоннада котораго простиралась вокругъ всего зданія, образуя крытую галлерею или *верандахъ*. Надъ этой колоннадой находилась другая, совершенно ей симметрическая, но болѣе легкая, которая окружала верхній этажъ. Сначала ввели меня въ большую восьми-угольную залу съ восьмью дверями или окнами до самаго пола; всѣ онѣ были закрыты жалузи, сквозь которыя морской вѣтеръ приносилъ пріятную прохладу. Посреди комнаты стоялъ диванъ, а на двухъ противоположныхъ сторонахъ по софѣ, одна противъ другой. Здѣсь вообще держатъ мало мебели, по причинѣ множества насѣкомыхъ, привлекаемыхъ ею, особливо мустиковъ.

Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій обществу, собравшемуся въ залѣ, я попросилъ позволенія удалиться въ назначенное мнѣ помѣщеніе. Оно состояло изъ залы, спальни и комнаты для ванны. Изъ пяти или шести оконъ открывался вдали прелестнѣйшій видъ на рѣку Адджааръ и на всю сосѣдственную окрестность; а подъ самыми окнами роскошный цвѣтникъ украшался дивными кустами розъ, гераніевъ, миртовъ, туберозъ, и наполнялъ воздухъ благоуханіемъ. Середина, или, лучше сказать, половина спальни занята была огромною кроватью, футовъ восьми съ каждой стороны и фута въ три вышиною. На ремняхъ постланъ былъ матрацъ чрезвычайно жесткій, а вмѣсто простыни и одѣяла—бѣлая соломенная рогожка тонины необыкновенной. Зеленый газовый пологъ, легкій и прозрачный, повѣшенный надъ кроватью, окружалъ ее со всѣхъ сторонъ, для защиты спящаго отъ мошекъ. Уборный столъ, снабженный всѣми вещами, необходимыми для чистоты самой утонченной, одни

кресла, нѣсколько стульевъ и письменный столъ дополняли меблировку. Взявши ванну, я почувствовалъ необходимость отдохнуть. Надобно было писать къ моимъ сестрамъ, предувѣдомить ихъ о пріѣздѣ брата, котораго существованіе до сихъ поръ было для нихъ мечтою, который, быть можетъ, попроситъ у нихъ продолжительнаго гостепріимства, и который не имѣлъ болѣе другаго отечества, кромѣ земли, куда теперь присталъ и гдѣ намѣренъ былъ устроить свою будущность.

Нѣсколько уже часовъ сидѣлъ я за письменнымъ столомъ, какъ вдругъ послышался пронзительный крикъ, по-видимому, съ того самаго стола, на которомъ я писалъ. Поднявъ глаза, я увидѣлъ двухъ маленькихъ бѣлокъ, только-что вбѣжавшихъ въ одно изъ оконъ (это сѣрая порода, меньше нашей, съ тремя черными полосками на спинѣ). Онѣ дрались, и столъ мой служилъ имъ полемъ битвы. Послѣ нѣсколькихъ секундъ драки, онѣ бросились одна за другой по ко

мнатѣ, и исчезли въ окно. Этотъ случай заставилъ меня бросить взглядъ вокругъ всей комнаты, и я удивился множеству насѣкомыхъ и пресмыкающихся всякаго рода, въ ней поселившихся. Ящерицы всѣхъ видовъ и всѣхъ цвѣтовъ шумѣли, бѣгали по стѣнамъ и потолку, гонялись за мухами; бѣлки безпрестанно вбѣгали и убѣгали; онѣ были здѣсь совершенно какъ дома; иногда большой тарантулъ быстро проползалъ по полу; наконецъ трутни, шмели и мустики пѣли хоромъ на всѣ тоны. Долго оставалось во мнѣ европейское предубѣжденіе противъ этого разнохарактернаго общества; но проживши нѣсколько лѣтъ въ Индіи, пріучаешься къ этой неугомонной и говорливой вокругъ себя жизни, какъ привыкаешь въ Европѣ къ пѣнію канарейки въ комнатѣ, еще болѣе утомительному.

Я узналъ, что приготовленія къ путешествію моему въ Пондишери будутъ продолжаться три дня. При всемъ сожалѣніи объ этой остановкѣ, я рѣшился воспользоваться

ею, сколько можно было, для обозрѣнія Мадраса, съ тѣмъ чтобъ начать здѣсь изученіе этой обширной индійской мозаики, хорошенько вглядѣться въ здѣшніе странные обычаи, въ эти мѣстные оттѣнки, столь рѣзкіе, какъ между народомъ-завоевателемъ, такъ и между завоеванными племенами. Наблюденія мои началъ я въ тотъ же вечеръ за обѣдомъ; въ это время Англичанинъ дѣлается наиболѣе общежительнымъ и является съ самой пріятной стороны своей; вино возбуждаетъ въ немъ минутное простодушіе, несвойственное его природѣ.

Домы этихъ князей-купцовъ въ Мадрасѣ и Калькуттѣ, когда освѣщены для поздняго обѣда, представляютъ зрѣлище чего-то грандіознаго и какого-то чрезвычайнаго блеска. Залы всегда бываютъ обширныя. Надобно больше воздуха въ этомъ палящемъ климатѣ, и потому потолки очень высоки, всѣ двери отворены и задернуты только занавѣсомъ изъ газовой, или изъ легкой бамбуковой ткани, чтобъ не впу-

скать летучихъ мышей, господствующихъ въ атмосферѣ по захожденіи солнца. На стѣнахъ вообще бѣлая штукатурка изъ толченыхъ раковинъ съ чудеснымъ отраженіемъ. По стѣнамъ, на нѣкоторомъ разстояніи, канделабры, въ которыхъ по-нѣскольку стеклянныхъ ламнъ, гдѣ горитъ кокосовое масло и откуда по всей комнатѣ разливаются потоки свѣта. Полъ покрытъ рогожками изъ калькутскаго тростника, тонкими, блестящими и лакированными; съ непривычки непріятно ходить по нимъ, но потомъ вы находите, что онѣ превосходны по своей свѣжести. Мебели немного, но она самаго великолѣпнаго изящества. Разнообразіе многочисленной прислуги, ея важный и почтительный видъ придаютъ столько величія этимъ жилищамъ, что вы какъ будто во дворцѣ. Вхóдите въ обѣденную залу: столъ ломится подъ тяжестью кушанья; на нѣсколько футовъ надъ нимъ повѣшенъ огромный и массивный вѣеръ, движущійся какъ маятникъ: это *пункахъ*. До

прибытія посѣтителей въ залу, колебаніе его едва примѣтно; но какъ скоро сѣли за столъ, служитель приводитъ его въ движеніе. Волненіе, производимое имъ въ атмосферѣ, обвѣвая васъ воздухомъ, предохраняетъ отъ пота, или прогоняетъ его, по мѣрѣ того, какъ онъ выступаетъ. Это большое успокоеніе, когда устанешь, прохаживаясь изъ одной комнаты въ другую, и если вы провели нѣсколько минутъ внѣ того круга, въ которомъ дѣйствуетъ вѣеръ, то тѣмъ болѣе цѣните его благотворное вліяніе; но за то и находите его почти во всѣхъ комнатахъ, потому что онъ составляетъ здѣсь необходимую мебель въ домѣ. Позади каждаго стула стоитъ лакей въ чалмѣ, съ густою бородою и усами, сложивъ руки крестомъ на груди. Онъ опускаетъ ихъ, лишь только вы сядете, чтобъ поближе пододвинуть васъ къ столу, развернуть и разостлать салфетку вамъ на колѣни, по обычаю восточной лѣни.

На столѣ свѣчи горятъ подъ прекрасный-

шими стеклянными колпаками, надѣтыми на подсвѣчники. Сверху накладывается на нихъ крышка съ отверстіями и защищаетъ огонь отъ вѣтра, производимаго движеніемъ *пункаха*. Передъ каждымъ приборомъ нѣсколько рюмокъ различной величины, для различныхъ сортовъ вина. Надъ каждой рюмкой серебряная крышка въ видѣ китайской шапки — необходимая предосторожность противъ мухъ и насѣкомыхъ, потому что иногда цѣлое облако кузнечиковъ, или крылатыхъ муравьевъ спускается на столъ и въ нѣсколько мгновеній все портитъ. Ѣдятъ на тарелкахъ съ двойнымъ дномъ, гдѣ налита горячая вода, вѣроятно, потому что не имѣютъ довольно апетита употреблять простывшее кушанье; между тѣмъ, увлекаясь, при каждомъ блюдѣ, пряностями, которыми все приправлено, встаютъ изъ-за стола съ переполненнымъ желудкомъ.

Если вы Французъ, то удивитесь множеству вина и пива, какое выпиваютъ

молодыя Англичанки, по-видимому, столь блѣдныя и нѣжныя. Я не могъ довольно надивиться, видя, какъ моя хорошенькая сосѣдка преспокойно выпила полторы бутылки крѣпкаго пива, не забывая при томъ и бордоскаго, и заключила тѣмъ, что за десертомъ выпила еще пять или шесть рюмокъ шампанскаго, довольно крѣпкаго. Отъ этого, казалось, у нея развязался только языкъ и оживились глаза. Сначала я думалъ, что она, можетъ быть, служитъ исключеніемъ; но впослѣдствіи имѣлъ случай убѣдиться, что она была представительницею общаго обычая. Такимъ-то образомъ большая часть англійскихъ дамъ побѣждаютъ утомленіе ума и тѣла, производимое климатомъ. Скоро, однако-же, такая неумѣренность разстроиваетъ ихъ здоровье: тогда надобно каждой изъ нихъ, въ свою очередь, разстаться съ мужемъ и возвратиться съ дѣтьми въ Европу. Но пагубная привычка уже сдѣлана: путешествіе на кораблѣ увеличиваетъ ее, съ лѣтами она

усиливается, и наконецъ эти созданія, которыя вышли прелестными и чистыми изъ подъ родительскаго крова, удовлетворяютъ страсть эту одною водкой.

Къ концу обѣда приносятъ *гукахъ*, привлекающій вниманіе иностранца своимъ изяществомъ и клокотаньемъ, какое производитъ воздухъ, проходя сквозь воду. У тѣхъ, кто куритъ, есть особенный слуга, называемый *гукабадаръ*, котораго единственная должность состоитъ въ томъ, чтобъ приготовлять и носить этотъ приборъ вездѣ, куда господинъ его отправляется обѣдать. Приборъ состоитъ изъ большаго металлическаго колокола рельефной работы, но чаще хрустальнаго, до половины наполненнаго водой; въ этотъ колоколъ вставляются два чубука—одинъ прямой съ серебрянымъ пріемникомъ, другой гибкій, доходящій, по небольшому, весьма узкому ковру, до самаго стула, на которомъ сидитъ тотъ, кто куритъ; на округленномъ концѣ ковра ставится колоколъ. Гибкій чубукъ состоитъ

изъ длинной, желѣзно-проволочной спирали въ берестѣ, обвитой шелкомъ, или покрытой драгоцѣнною тканью, и оканчивается золотою, или серебряною обдѣлкою съ богатою насѣчкой.

Передъ тѣмъ, какъ курить, всегда наливаютъ немного розовой воды въ чубукъ. *Годокъ*, родъ сухаго тѣста, которое курятъ, состоитъ изъ розовыхъ листьевъ, леденца, опіума и дикихъ сушеныхъ яблоковъ; табаку или совсѣмъ не кладутъ, или очень мало. Составъ этотъ не можетъ куриться одинъ; »должно поддерживать горѣніе его посредствомъ нѣсколькихъ шариковъ изъ угольной пыли и рисовой муки, ярко горящихъ, когда ихъ зажгутъ, и покрывающихъ поверхность годока.« *(Жакмонъ.)* Если *шиллумъ* (составъ, чѣмъ набиваютъ *гукахъ*) хорошо приготовленъ, то онъ издаетъ ароматическій запахъ, который былъ бы, можетъ быть, слишкомъ силенъ въ Европѣ, въ нашихъ затворенныхъ комнатахъ; но въ обширныхъ залахъ Индіи,

развѣваемый дѣйствіемъ *пункаха*, онъ чрезвычайно пріятенъ.

Это единственный способъ курить, позволяемый за столомъ: онъ нетолько вездѣ принятъ здѣсь, но нерѣдко вы видите, что и дама не отказывается взять чубукъ у своего сосѣда и немного покурить. Туземныя женщины, отъ царицы до невольницы, проводятъ жизнь свою въ куреніи, прерываемомъ только сномъ, туалетомъ, молитвою и пищею. Привычка къ *гукаху* всегда дѣлается страстью; это необходимость, безпрестанно ощущаемая, которой надобно удовлетворить послѣ сна, послѣ завтрака, обѣда и ужина; надобно также курить, чтобъ заснуть: и это одно изъ самыхъ упоительныхъ наслажденій.

За обѣдомъ слѣдуетъ вечеръ—безъ разговора, не говорю уже, общаго, но даже и частнаго—вечеръ очень короткій, и въ то же время очень продолжительный. Послѣ кофе всѣ расходятся въ десять часовъ, потому что Англичане не умѣютъ вести раз-

говора; они говорятъ тогда только, когда имъ *надобно* что́ нибудь сказать другъ другу; но никогда не находятъ они—внѣ матеріальной жизни, или внѣ политики, о которой рѣдко заходитъ рѣчь—предмета, надъ которымъ бы умъ могъ изощряться пріятнымъ разсказомъ. Разговоръ есть исключительная принадлежность Французовъ.

На другой день, передъ восхожденіемъ солнца, я долго прогуливался по *черному* городу. Мнѣ хотѣлось ближе вглядѣться въ этотъ большой человѣческій муравейникъ, мимоѣздомъ видѣнный мною наканунѣ — быть среди его внутренней жизни, застать его при первомъ пробужденіи. Мнѣ также нетерпѣливо хотѣлось знать, что́ такое мечеть и пагодъ; я читалъ многія описанія этихъ зданій, но не имѣлъ опредѣлительнаго объ нихъ понятія.

На разсвѣтѣ большая часть народонаселенія, бѣдняки всѣхъ сословій, художники, ремесленники, поденщики, спали на открытомъ воздухѣ, на рогожахъ и еще болѣе на

голой землѣ, каждый у дверей своего дома. Чалма служитъ подушкою мужчинамъ, а женщинамъ—ихъ косы. Каждый спитъ, покрывъ лице концемъ своей одежды, чтобъ защититься отъ росы и насѣкомыхъ. Мужъ и жена завертываются въ одинъ и тотъ же лоскутъ полотна, днемъ замѣняющій юбку женѣ, а ночью одѣяло обоимъ. Иногда двѣ, или три четы обоего пола, принадлежащія къ тому-же семейству, ложатся такимъ образомъ одна возлѣ другой. По мѣрѣ наступленія дня, начинаютъ пробуждаться, скидаютъ съ себя свои саваны и одѣваются, что̀ также дѣлается на открытомъ воздухѣ. Жена идетъ за водою и обливаетъ ею голову и плеча своего мужа, присѣвшаго на корточки; она моетъ, натираетъ его, нѣсколько разъ намазывая все тѣло масломъ, расчесываетъ и заплетаетъ ему волосы, всегда очень длинные и нерѣдко собранные въ одинъ пучекъ на маковкѣ; наконецъ, смотря по тому, принадлежитъ ли онъ къ сектѣ Вишну, или Шива,

проводитъ у него на лбу разныя черты, вдоль, или поперегъ, бѣлыя, желтыя и красныя, цвѣтовъ чрезвычайно яркихъ, для означенія его касты.

Послѣ того Индіецъ, какъ господинъ и хозяинъ, садится на корточки, подобно обезьянѣ, на порогѣ своего дома и преважно куритъ свой гукахъ. Жена, или, лучше сказать, жены, потому что ихъ бываетъ обыкновенно по-нѣскольку, прежде нежели займутся своимъ туалетомъ, выметаютъ домъ и ту часть улицы, которая служила имъ спальнею; потомъ опрыскиваютъ его и намазываютъ стѣны коровьимъ пометомъ, разведеннымъ въ водѣ. Обычай этотъ происходитъ отъ двухъ причинъ: вопервыхъ, корова есть священное животное для Индійца, слѣдовательно вода эта служитъ ему очистительною водою; во вторыхъ — для здоровья, потому что жидкость эта уничтожаетъ міазмы и истребляетъ насѣкомыхъ.

Посреди этихъ групъ и надъ ними, передъ порогомъ каждаго дома, возвышается

кокосовое дерево, священная смоковница возноситъ свою благородную вершину, нарядныя мимозы наклоняютъ свои легкіе листья. Какое богатство, какая красота природы! какая бѣдность, какая нищета въ людяхъ! Дѣти обоего пола, безъ всякаго присмотра, валяются, ползаютъ по землѣ, или бѣгаютъ голые до девяти или десятилѣтняго возраста. Они играютъ между собою, но чрезвычайно мирно, спокойно, безъ улыбки и рѣзвости. Почти у каждаго изъ нихъ большое брюхо, что̀ происходитъ отъ риса, которымъ они питаются; у всѣхъ большіе серебряные браслеты на рукахъ и ногахъ. Они боязливы, какъ дикія животныя, и съ крикомъ убѣгаютъ при видѣ иностранца.

Наконецъ раздается пушечный выстрѣлъ съ крѣпости Св. Георгія, возвѣщающій восхожденіе солнца. Въ то-же мгновеніе звонкіе голоса раздаются въ воздухѣ. Съ высоты каждой мечети муэдзинъ призываетъ правовѣрныхъ къ азану (молитвѣ) слѣдую-

щими извѣстными словами: *Ла Аллахъ илъ Аллахъ, Магоммедъ Рюссуль уллахъ!* »Нѣтъ другаго Бога, кромѣ Бога, и Магометъ пророкъ его.« Я пошелъ, вмѣстѣ съ правовѣрными, къ ближайшей мечети. Она представила мнѣ собою простой и первобытный типъ этого рода религіозныхъ зданій, воздвигнутыхъ по обычному ихъ плану: большой четыреугольный дворъ, или піацца, съ внутреннею галлереею, возвышающеюся на нѣсколько ступеней надъ тремя боковыми; посрединѣ бассейнъ для омовеній—необходимаго приготовленія къ молитвѣ; противъ воротъ самый храмъ—обширное зданіе на столбахъ; кровля сдѣлана террассою; на ней огромный куполъ, которому еще болѣе придаютъ громадности два купола меньшаго размѣра, находящіеся по обѣимъ сторонамъ его. Корпусъ этого зданія состоитъ изъ прямоугольной залы, построенной изъ кирпича; наибольшая длина ея устроена перпендикулярно къ той линіи, которая, отъ центра бассейна для омовеній, повела бы къ

кааба, гробу пророка въ Мединѣ. У этого прямоугольника не выведено одной стѣны, съ намѣреніемъ открыть ту сторону, въ которую правовѣрные, во время молитвы, обращаютъ лице къ священному для нихъ мѣсту. У двухъ внѣшнихъ угловъ фасада этого зданія возвышаются два столба, по арабски *минаръ*, отъ чего и происходитъ слово минаретъ. Внутри одного изъ минаровъ устроена круглая лѣстница, ведущая на платформу, служащую кровлею мечети. Платформа эта обведена парапетомъ въ мавританскомъ стилѣ, отдѣланнымъ болѣе или менѣе богато, но всегда съ изящнымъ вкусомъ. Минары возвышаются надъ террасою и парапетомъ, закругляются въ видѣ шара, потомъ съуживаются, снова закругляются и оканчиваются шпилемъ. Эти двѣ колонны, легкія и красивыя, всегда придаютъ болѣе прелести картинѣ.

Пагоды также имѣютъ общій типъ: это небольшой четыреугольный храмъ въ видѣ митры, или, лучше сказать, четыреугольной

усѣченной пирамиды, съ плоскою кровлею и съ шестью придѣлами по бокамъ. Каждая наклоненная плоскость этой пирамиды богато изваяна рельефами. Вы видите рядъ странныхъ фигуръ и групъ, нерѣдко самой возмутительной непристойности, въ которыхъ преобладаетъ изображеніе дѣтородной части мужескаго тѣла. Вообще передъ пагодами устроены ступени, ведущія къ берегу рѣки, или къ священному колодцу, близъ котораго построенъ храмъ и въ которомъ Индусы должны обмываться отъ физической и моральной нечистоты, приступая къ молитвѣ. Брамины пользуются этими очистительными водами, какъ источникомъ дохода, налагая подати на кающихся. Неподалеку отъ этихъ ступеней всегда видите вы нѣсколько несчастныхъ фанатиковъ, валяющихся въ пыли, покрытыхъ пепломъ и искупающихъ грѣхи свои самою отвратительною нечистотою.

Послѣ прогулки, столь любопытной и полной совершенно новыхъ ощущеній, не

безъ труда отыскалъ я дорогу въ виллу, куда воротился въ девять часовъ утра. Меня тотчасъ схватили *наокары*, или служители моего хозяина, и заставили отказаться отъ прежней стыдливости при туалетныхъ тайнахъ. Не смотря на мое сопротивленіе, меня въ минуту раздѣли, вымыли, вытерли и одѣли въ чистое бѣлье, для меня приготовленное. Я не успѣлъ еще опомниться отъ этого общаго здѣсь обычая, какъ сидѣлъ уже за настоящимъ англо-индійскимъ завтракомъ. Столъ уставленъ былъ превосходною рыбою, рисомъ, кари, яицами, бѣлымъ и ситнымъ хлѣбомъ, муффинами и жаркими. Чайникъ, какъ всегда водится, занималъ почетное мѣсто передъ гостепріимнымъ хозяиномъ; но только ароматическій напитокъ, которымъ онъ былъ наполненъ, далеко нейдетъ въ сравненіе съ настоемъ сухихъ, выдохнувшихся листьевъ, привозимыхъ къ намъ на сѣверъ. Кофе-же, напротивъ, не являлся на столѣ: его скромно подносили въ маленькихъ чашкахъ, по-видимому, въ знакъ его уни-

женности, и онъ, дѣйствительно, очень дуренъ у Англичанъ, какъ будто сажа, разведенная въ горячей водѣ. Вода и сливочное масло охлаждаются здѣсь селитрою. Кушанья было вдвое больше того, сколько могли мы съѣсть: излишекъ идетъ въ чистую потерю, въ пользу вороновъ и шакаловъ, потому что прислуга ни за что насвѣтѣ не дотронется до оставшихся блюдъ.

Разговоръ шелъ объ одномъ предметѣ, все о томъ же, о чемъ говорили почти за всѣми обѣдами, на которыхъ случалось мнѣ быть въ продолженіе девяти съ половиною лѣтъ моего пребыванія въ Индіи: о трудностяхъ настоящаго времени и о невозможности скоро разбогатѣть, какъ бывало въ прежнія счастливыя времена, когда рудники индійскаго богатства не были еще предметомъ столь сильнаго соперничества и, при первой разработкѣ ихъ, осыпали золотомъ европейскихъ искателей приключеній. Слушая этихъ господъ, подумаешь, что они едва имѣютъ чѣмъ существовать. Но что значитъ суще-

ствовать по ихъ понятіямъ? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ Жакмонъ: «имѣть верхо-«вую лошадь, кабріолетъ, домъ для себя «одного; любовницу Индіянку; выпивать «каждый день по бутылкѣ вина, одну или «двѣ бутылки пива, и при томъ не пить «другой воды, кромѣ зельцерской. Само со-«бою разумѣется, что въ такомъ жаркомъ «климатѣ нужна многочисленная прислуга; «надобно три или четыре раза въ день пе-«ремѣнить бѣлье, а поддержка и мытье его «стоятъ дорого.»

«Всѣ Англичане, переселяющіеся въ Ин-«дію, думаютъ, что они дѣлаютъ этимъ «большое пожертвованіе и имѣютъ право «на огромное вознагражденіе. Ни въ какой «другой части свѣта не объявляютъ они «столько требованій на богатство и изо-«биліе, какъ здѣсь. Это надменное стре-«мленіе къ богатству — у многихъ людей, «ничтожествомъ своимъ поставленныхъ «въ весьма тѣсные предѣлы правъ и спо-«собовъ отличиться въ свѣтѣ — прини-

»маетъ видъ какой-то дерзости.« Стремленіе это можетъ быть однако-же и полезно, возбуждая въ людяхъ усилія перейдти отъ низшаго состоянія къ высшему. Оно не благопріятствуетъ только счастію людей, отдѣльно взятыхъ, но возвышаетъ энергію цѣлой націи.

Послѣ завтрака являются *гукабадары*; каждый изъ нихъ разстилаетъ, позади своего господина, обычный небольшой коверъ, почтительно ставитъ на него *гукахъ* и подаетъ чубукъ. Съ этой минуты вы начинаете сожалѣть даже о прекратившемся монотонномъ разговорѣ. Хорошо еще, если вы будете въ кругу охотниковъ; тогда разговоръ оживится на нѣсколько минутъ замѣчаніями о лошадяхъ и собакахъ; но и тутъ онъ скоро умолкнетъ въ дыму и клокотаньи *гукаха*. Каждый отдѣльно садится въ уголъ софы, или на стулъ съ высокой спинкой, положивъ ноги на табуретъ, или даже на столъ; съ полузакрытыми глазами и отягченною головою читаетъ, не понимая всего смысла,

романъ, или журналъ, до тѣхъ поръ, пока выкурится весь *шиллумъ* и выпадетъ изъ руки чубукъ, попадающій въ руку гукабадара, стоящаго на-сторожѣ и уносящаго приборъ неслышными кошачьими шагами, между тѣмъ какъ господинъ его часа на два погружается въ самый сладкій сонъ.

Пребываніе въ Мадрасѣ, такъ-же какъ въ Бомбаѣ и Калькуттѣ, несносно для молодыхъ людей. Очень жаль, что они, среди раззорительныхъ прихотей столицы, должны вступать въ индійскій образъ жизни. Здѣсь-то образуются ихъ понятія о существованіи, на которое Европейцы имѣютъ право въ Индіи, и здѣсь-то рѣшается несчастная будущность многихъ изъ нихъ, безумно вдающихся въ неоплатные долги. Правительство заботится объ устраненіи этого неудобства, отдавая молодыхъ кадетовъ, тотчасъ по прибытіи въ Индію, подъ присмотръ опытнаго офицера, обязаннаго служить имъ наставникомъ и не терять ихъ изъ вида до самаго отправленія въ полкъ. Къ несчастію,

они обыкновенно попадають къ человѣку болѣзненному и мрачному; онъ не можетъ уже выносить ихъ веселости, и столько-же избѣгаетъ ихъ общества, сколько и они удаляются отъ него. Выходитъ, что всего чаще онъ даетъ имъ полную свободу, всегда опасную, употребляемую ими во зло, ко вреду здоровья, или къ разстройству состоянія.

Чувствуя въ себѣ еще европейскую дѣятельность, я посвятилъ этотъ день дѣламъ и Индійскому языку, изученіе котораго началъ еще на кораблѣ. Въ шесть часовъ Г. Эдуардъ Арботнотъ вошелъ ко мнѣ и предложилъ ѣхать съ нимъ въ кабріолетѣ на публичное гулянье, называемое *бѣгъ*, простирающееся по прелестному прибрежью, вдоль эспланады, до морскаго берега, между крѣпостью и *чернымъ* городомъ. Здѣсь-то каждый вечеръ собирается все общество Мадраса и его окрестностей, для того только, чтобъ посмотрѣть другъ на друга и самымъ глупымъ образомъ провести время.

Трудно представить себѣ что нибудь нелѣпѣе и однообразнѣе этого. »Сотня каретъ, »почти все европейскихъ, открытыя коляс»ки и экипажи, называемые *богэ* (boghei), »тянутся въ линію другъ за другомъ. У »каретъ, въ двѣ лошади, кучера Индій»цы, одѣтые въ бѣлое платье. Позади бѣ»гутъ, держась за ресоры, два жалкие ко»нюха, называемые *сэсъ* или *гореуала*. Въ »рукахъ у нихъ по метелкѣ изъ лошади»наго хвоста для смахиванія мухъ съ ло»шадей; они-же держатъ послѣднихъ и »подъ-уздцы, когда карета останавливает»ся. Въ каретахъ видите вы людей, одѣ»тыхъ въ черные фраки и бѣлые жилеты; »это гражданскіе чиновники, получающіе »огромное жалованье; *богэ* есть принад»лежность военныхъ, одѣтыхъ въ крас»ные мундиры, и *топа*, т. е. мулатовъ. »Прогуливающихся верхомъ мужчинъ о»чень много; они обыкновенно галопи»руютъ часа два, каждый отдѣльно, или »попарно. Дамы ѣздятъ верхомъ только

»поутру.» (*Жакмонъ*). Присутствіе нѣсколькихъ туземцевъ нимало не придаетъ этому собранію живописнаго вида, потому что они измѣнили свое національное убранство и подражаютъ Европейцамъ.

Около получаса довольно еще свѣтло, такъ что можно распознавать лица знакомыхъ людей. Сумерекъ здѣсь не бываетъ, какъ у насъ въ лѣтніе дни; тотчасъ по захожденіи солнца наступаетъ глубокая темнота. По пріѣздѣ на *бпгъ*, экипажи слѣдуютъ шагомъ одинъ за другимъ; стараются ѣхать противъ теченія воздуха, и такимъ образомъ разсѣкать его, когда нѣтъ свѣжаго морскаго вѣтра. Для Европейца, въ первый разъ вышедшаго на берегъ Индіи, странно видѣть множество дамъ въ пышномъ вечернемъ нарядѣ, прогуливающихся въ открытыхъ колясках и даже въ *богэ*. Это дѣлается потому, что съ бѣга, въ 8 часовъ, всѣ отправляются къ обѣду, за которымъ надобно блистать, слѣдовательно туалетомъ должно заняться прежде гулянья. Вы также будете уди-

вляться блѣдности женщинъ и томному виду ихъ. Посмотрите—вотъ ѣдетъ молодая англо-индійская мать семейства: съ какою скукою и утомленіемъ раскинулась она въ углу своего экипажа. Положивъ ноги на переднюю подушку, если это коляска, или на *Splash-board*, если это *богэ*, она лежитъ, какъ на софѣ; не приподнимется даже взглянуть на кабріолетъ, или паланкинъ о четырехъ колесахъ, который везутъ два огромные вола и въ которомъ прогуливаются ея дѣти; едва улыбается она своему старшему сыну, маленькому мальчику, ѣдущему верхомъ на клеперѣ, въ сопровожденіи двухъ или трехъ пѣшихъ служителей. Не ищите румянца на лицахъ всѣхъ этихъ женщинъ; онѣ бѣлы, какъ легкія кисейныя ихъ платья: подумаешь, что это привидѣнія, нарядившіяся въ костюмы живыхъ.

Въ первое время пребыванія моего въ Индіи я не зналъ, куда дѣваться отъ мустиковъ. Ужаливая то лице, то руки, то ноги, они безпрестанно безпокоятъ васъ и заставляютъ

разыгрывать басню: *Левъ и Комаръ*. Ужаленіе было бы еще сносно, еслибъ непріятель нападалъ на васъ въ молчаніи; но онъ истощаетъ всякое терпѣніе своимъ невыносимымъ жужжаньемъ, продолжающимся съ полчаса, какъ прелюдія къ вашей пыткѣ, объявляющая, что васъ ужалятъ, тогда какъ вы не имѣете никакого средства защитигься. Къ счастію, пытка эта непродолжительна: чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ—отъ того ли, что кровь утрачиваетъ свою чистоту, или отъ того, что грубѣетъ тѣло—нападенія дѣлаются рѣже, или становятся сноснѣе.

Поутру, на третій день, меня разбудили пронзительные крики нѣсколькихъ сотъ вороновъ, сидѣвшихъ на деревьяхъ надъ моимъ окномъ. Я всталъ и подошелъ къ окну узнать причину столь жестокихъ преній. Одинъ изъ всей этой стаи, по-видимому, страдалъ отъ болѣзни; вѣроятно, онъ слишкомъ много позавтракалъ въ этотъ день. Но какая бы ни была тому причина, товарищи рѣшились прекратить его страданія

смертью, и общими силами убивали его. Индійскій воронъ нападаетъ на всякаго страждущаго, неимѣющаго силъ защищаться, какой бы породы тотъ ни былъ, даже его собственной. Онъ садится на спину больнаго, или смертельно раненаго буйвола, и рветъ мясо его, когда еще животное на ногахъ. Число этихъ птицъ простирается до невѣроятнаго множества, особливо вдоль берега — въ Мадрасѣ, Пондишери, Калькуттѣ. Онѣ такъ смѣлы, что вырываютъ кусокъ пирога у ребенка, не смотря на его крикъ. Коршуны и ястреба не уступаютъ имъ въ смѣлости. Когда несутъ мясо солдатамъ въ казармы, то они спускаются на корзины, и всегда уносятъ нѣсколько кусковъ. Всѣ эти птицы очень полезны въ странѣ, гдѣ разложеніе дѣлается чрезвычайно скоро, и потому ихъ не истребляютъ: имъ даже покровительствуютъ самые законы—что́ и способствуетъ ихъ размноженію и смѣлости.

IV.

ПАЛАНКИНЪ. — МАДРАСЪ. — ПОНДИШЕРИ. —

Наконецъ, благодаря попеченіямъ моихъ хозяевъ, кончились всѣ приготовленія къ первому путешествію моему въ Индіи, которое должно было привести меня въ Пондишери, въ кругъ моего семейства. Послѣ прощальнаго завтрака—за которымъ, съ чувствомъ истинной благодарности, разставался я съ добрымъ капитаномъ *Оуеномъ*, моимъ начальникомъ и покровителемъ на кораблѣ *Аврора* — нашелъ я дорожный экипажъ мой въ готовности подъ портикомъ виллы. Самое помѣщеніе, какъ для меня, такъ и для

моей путевой поклажи, видомъ своимъ было похоже на гробъ: это носилки, или, лучше сказать, кузовъ на носилкахъ, известный подъ именемъ паланкина, устроенный больше для леживанья, нежели для сиденья, такъ, чтобы полулежачее положеніе путешествующаго было самое удобное и спокойное. Рамы, отворяющіяся съ боковъ, служатъ въ то-же время и окнами и дверцами. Тому, кто самъ не путешествовалъ въ Индіи, трудно было бы придумать всѣ удобства, соединенныя изобрѣтательностью и опытностью въ этомъ маленькомъ походномъ домикѣ. Для Индійца это то-же, что раковина для улитки; тутъ осуществилъ онъ известное изрѣченіе древняго философа: «omnia mea mecum porto» *(все свое съ собой ношу)*; при томъ еще онъ не самъ и несетъ все это. Ящики, сдѣланные надъ вашими ногами въ боковыхъ стѣнкахъ, служатъ въ то-же время и ларчикомъ и буфетомъ, конторкой и библіотекой; это цѣлая кладовая, въ которой вы все найдете, отъ чайника

до погребца съ напитками. На внѣшнемъ сводѣ потолка утвержденъ тяжелый чемоданъ, гдѣ помѣщается весь вашъ гардеробъ; внутри растянуты сѣтки для бѣлья; по бокамъ, между краснымъ сафьяннымъ тюфякомъ, на которымъ вы покоитесь, и тростникомъ, составляющимъ кузовъ экипажа, у васъ цѣлый арсеналъ—ружье, сабля и пистолеты. Къ обоимъ концамъ паланкина придѣланы два толстые бамбука, прочно оплетенные желѣзною проволокою, проходящею по всѣмъ частямъ кузова. Нагруженный, онъ вѣситъ, по крайней мѣрѣ, 100 килограммовъ*, не считая путешественника. При паланкинѣ всегда находится двѣ или три пары тростниковыхъ корзинъ съ крышками, круглыхъ и очень широкихъ, извѣстныхъ подъ именемъ *петарахъ*: это кухня, погребъ и хлѣбня, которые также должны вамъ сопутствовать. Корзины эти расположены попарно, каждая отдѣльно въ сѣткѣ, и повѣшены на обоихъ концахъ длиннаго и гиб-

* Шесть пудъ. *Изд.*

каго бамбука, который качается на плечахъ носильщика, называемаго *кдурикара* или *кдуривала*.

Носильщиковъ *(боайги* или *баги)* тринадцать человѣкъ; одинъ изъ нихъ *массальши*, т. е. факельщикъ. Изъ этихъ тринадцати человѣкъ шестеро несутъ паланкинъ, то на одномъ плечѣ, то на другомъ — трое у передняго бамбука и трое у задняго, такъ, что на каждой сторонѣ по три человѣка, одинъ позади другаго. Шестеро прочихъ и *массальши* бѣгутъ по обѣимъ сторонамъ и смѣняютъ носильщиковъ каждыя двѣ или три минуты. Факелъ (массаль) состоитъ изъ свертка тряпицъ въ метръ * длиною, напитаннаго смолой, дегтемъ и другими горючими веществами: *массальши* держитъ его въ одной рукѣ, а въ другой несетъ жестяной сосудъ съ масломъ, и каждую минуту льетъ по-немногу на огонь.

Получивъ приказъ отправиться въ путь, носильщики начинаютъ одѣваться. Одежду

* Метръ — $22\frac{1}{2}$ вершка. *Изд.*

ихъ составляетъ длинный до самыхъ пятокъ, бѣлый полотняный плащъ. Во время отдыха они спятъ на землѣ, завернувшись въ него. Напротивъ же, какъ скоро идутъ въ путь, то поднимаютъ концы своего длиннаго плаща, и, весьма ловко обвертывая имъ ноги, дѣлаютъ изъ него родъ короткихъ панталонъ, которыя не мѣшаютъ ихъ движеніямъ. Два длинные и узкіе шарфа изъ толстой кисеи, обыкновенно синей, или красной, служащіе—одинъ поясомъ, а другой чалмою, дополняютъ нарядъ. Пробѣгая безостановочно пять или шесть льe, они находятъ большое пособіе въ томъ, что крѣпко подпоясываются: отъ этого сосредоточивается сила, мускулы имѣютъ точку опоры и легкія меньше подвержены одышкѣ. Они стягиваютъ другъ другу поясомъ не только поясницу, но и ляшки, оставляя колѣна свободными; потомъ плотно обвиваютъ голову чалмою. По окончаніи главныхъ приготовленій къ походу, каждый изъ нихъ засовываетъ свой неболь-

ной узелъ съ поклажею, свои туфли и палку (неразлучную спутницу) за проволоку паланкина, и вотъ они готовы бѣжать, если угодно, десять льё въ одну ночь.

Садясь въ паланкинъ—этотъ изнѣживающій васъ экипажъ — будьте совершенно покойны насчетъ вашихъ проводниковъ и носильщиковъ; будете ли вы молодая женщина безъ мужа, съ ребенкомъ, или молодая дѣвушка безъ покровителя—смѣло садитесь и пускайтесь въ путь, хотя бы то было на 100 льё, въ мѣстахъ, гдѣ бы не встрѣтили вы ни одного привѣтливаго взгляда: во всѣхъ отношеніяхъ найдете вы примѣрное благодушіе, непритворную покорность, увеличивающуюся по мѣрѣ вашей надобности въ ней, и честность, которая будетъ тѣмъ безкорыстнѣе, чѣмъ слабѣе ваши средства къ защищенію себя: самый ничтожный предметъ, такъ-же какъ и самый драгоцѣнный, найдется въ вашемъ паланкинѣ, по окончаніи путешествія. Необыкновенно видѣть столь непоколебимую и постоянную чест-

ность, безъ исключенія, во всѣхъ людяхъ одного и того же класса, въ носильщикахъ, раздѣленныхъ на нѣсколько кастъ, со всѣми возможными оттѣнками религіи. Честность эта имѣетъ однако-же чрезвычайно странныя отступленія: противъ существа беззащитнаго—больнаго, женщины, ребенка—она всегда и вполнѣ одинакова и не знаетъ предѣловъ; путешествіе совершится обыкновеннымъ порядкомъ, въ назначенное время; вамъ не встрѣтится ни малѣйшаго затрудненія; но если вы мужчина, если вы сильны, молоды, отважны, если говорите хотя немного на туземномъ языкѣ—то, для сохраненія правъ вашихъ, для точнаго исполненія всѣхъ, заранѣе положенныхъ условій относительно подробностей, распредѣленія пути и быстроты хода, готовьтесь къ безпрестанной борьбѣ съ хитростью и утонченными уловками самаго лживаго изъ всѣхъ народовъ. Безстрастіе, свойственное характеру Индійцевъ, служитъ для нихъ вѣрнымъ оружіемъ противъ Европейцевъ; мще-

ніе ихъ—есть мщеніе бѣднаго противъ богатаго. Каждый день готовятся вамъ новыя хитрости: напримѣръ, съ видомъ совершеннаго простодушія вамъ говорятъ, что невозможно идти далѣе. Тутъ-то и должна начаться борьба. Для убѣжденія васъ употребляютъ всѣ средства, отъ лести и униженной покорности до самой невыносимой дерзости. Нѣсколько пощечинъ, данныхъ, со всѣмъ благородствомъ и достоинствомъ повелителя, наиболѣе запальчивымъ изъ нихъ и особливо старшему, который всегда отвѣчаетъ за другихъ и обязанъ поддерживать порядокъ въ артели — служатъ тогда единственнымъ средствомъ къ возстановленію подчиненности; но не должно употреблять во зло этого средства. Бить своихъ *баги* была бы самая дурная система; они тотчасъ бы убѣжали, и вы остались бы тогда одни, можетъ быть, въ лѣсу, вдалекѣ отъ всякаго жилища и отъ всякаго пособія. «Вліяніе моральной «силы вашей должно подчинять ихъ, и

»кромѣ нѣсколькихъ, довольно легкихъ вы-
»говоровъ—къ ней одной должны вы при-
»бѣгать для удержанія ихъ въ повино-
»веніи. * »

Лишь только путешественникъ спокойно усядется въ паланкинъ, носильщики пускаются въ путь легкимъ бѣгомъ. Шаги ихъ соразмѣряются довольно монотоннымъ напѣвомъ каждаго изъ нихъ поочередно, и всякой періодъ оканчивается восклицаніемъ, которое повторяется хоромъ всей артели. Понятно, что строгая точность въ соразмѣреніи времени требуется тамъ, гдѣ столько ногъ бѣгутъ весьма близко одна отъ другой, и гдѣ одинъ неосторожный шагъ можетъ уронить всѣхъ; и потому за малѣйшую ошибку въ размѣрѣ ближайшій сосѣдъ наказываетъ виноватаго ударомъ.

Нѣкто Г. Мѐкензи, жившій въ домѣ Гг. Арботнотъ, далъ мнѣ свою артель носиль-

* Изъ статьи Г. Монтолонъ де Семононъ, напечатанной въ *Revue des Deux Mondes*.

щиковъ * на первыя шесть льё; почему мнѣ и можно было заранѣе послать своихъ *баги* на одну станцію впередъ, такимъ образомъ быть въ дорогѣ всю ночь и утро до 10-ти часовъ; въ это время прибылъ я въ Садрасъ, нѣкогда значительный городъ на берегу моря, почти на половинѣ пути въ Пондишери.

Садрасъ или Садраспатамъ, при устьѣ рѣки Палоръ, былъ прежде многолюдный городъ и центръ весьма дѣятельной торговли, пришедшей нынѣ въ упадокъ отъ соперничества англійскихъ мануфактуръ. Онъ былъ опустошенъ во время войны въ Карнатикѣ, и теперь колючій кустарникъ заступилъ мѣсто прелестныхъ пальмовыхъ, кокосовыхъ и шелковичныхъ рощей, отъ которыхъ едва осталось нѣсколько слѣдовъ. Но въ близкомъ разстояніи отсюда, на берегу моря, возвышаются благородныя

* Jeu de porteurs, какъ называютъ партію или артель носильщиковъ, въ которой обыкновенно бываетъ 13 или 9 человѣкъ, привыкшихъ бѣгать подъ начальствомъ одного старшаго. *Соч*

развалины, по сіе время слишкомъ еще мало посѣщаемыя антикваріями и живописцами, и драгоцѣнности которыхъ почти всѣ скрываются подъ грудами пыли. Мѣсто это извѣстно у мореплавателей подъ именемъ *семи пагодовъ:* направляясь вдоль берега, съ какимъ-то суевѣрнымъ страхомъ останавливаются они и испытующимъ взоромъ смотрятъ на глубокое море, котораго синія волны носятся надъ волшебными храмами и дворцами. Въ тихую погоду видна еще пирамидальная митра, наклоняющаяся надъ поверхностью воды, какъ бы оплакивая сестеръ своихъ, съ которыми скоро и она соединится. Если вѣрить мѣстному преданію, это дѣйствительно послѣдній пагодъ потопленнаго моремъ города, существующій какъ бы для того только, чтобъ свидѣтельствовать объ утратѣ, понесенной искуствомъ. Другой храмъ, ближе къ подошвѣ горы, сдѣланъ изъ цѣльнаго камня, изсѣченнаго и изваяннаго въ просвѣтъ (à jour) рукою человѣка въ отдѣльной скалѣ. « Са-

»мая гора, когда смотришь на нее въ нѣ-
»которомъ разстояніи, имѣетъ видъ древ-
»няго и величественнаго зданія: гранитная
»лѣстница ведетъ на вершину ея. Прибли-
»жаясь къ подошвѣ скалъ на сѣверъ, вы
»видите такое множество изваянныхъ че-
»ловѣческихъ фигуръ и другихъ произве-
»деній скульптуры, что совокупность ихъ
»представляетъ видъ окаменѣлаго города.»
(Мальтъ-Брюнъ). — Почти всѣ эти изваянія относятся къ индійской миѳологіи: тутъ исполинское изображеніе Вишну, спящаго на чемъ-то въ родѣ постели; далѣе — дивный храмъ, содержащій въ себѣ колоссальную статую Ганезы, бога мудрости съ слоновьей головой, и пять другихъ храмовъ мѐньшаго размѣра, наполненныхъ изваяніями, замѣчательными по красотѣ своей и превосходной работѣ; словомъ: въ этомъ множествѣ изображеній, которыя долго было бы исчислять, вы видите изящную смѣсь простаго стиля съ украшеннымъ. Невольно спрашиваешь самого себя: сколько же на-

добно было вѣковъ и сокровищъ для созданія стольких удивительныхъ явленій, или они вызваны изъ гранита жезломъ восточныхъ волшебницъ? Окрестности Садраса, на довольно большомъ разстояніи, требовали бы изученія болѣе основательнаго и глубокаго, которому, не имѣя тогда времени, не могъ я посвятить себя: онѣ изобилуютъ чудесами генія и терпѣнія человѣческаго. Смотря на эти чудеса, можно подумать, что человѣкъ, въ эпоху, несохранившуюся для насъ даже и въ преданіи, похитилъ печать вѣчности, съ тѣмъ чтобъ оставить здѣсь отпечатокъ ея. «Такъ, на »четверть мили отъ берега, въ Магабали»пурумъ, видны скалы, покрытыя любо»пытными изваяніями—памятниками чудес»наго искуства, которое можетъ соперни»чать съ лучшими временами среднихъ вѣ»ковъ. Самая большая изъ этихъ изваянныхъ »скалъ простирается отъ 90 до 100 фу»товъ длиною и около 30 вышиною. Вся »поверхность ея образуетъ обширную кар

»тину барельефовъ. Два слона превосход-»ной работы рисуются на этой дивной кар-»тинѣ. Величайшій изъ нихъ въ 70 футовъ »и 2 дюйма длиною; другой (матка) по-»меньше и помѣщенъ позади. Между но-»гами ихъ нѣсколько играющихъ слонятъ. »Нельзя довольно налюбоваться ловкими, »естественными, одушевленными позами и »силою эффекта этой занимательной групы. »Въ ней столько жизни, истины и симме-»тріи, что образцовое произведеніе это для »природы животныхъ есть то-же, что древ-»нія статуи для природы человѣка, словомъ: »въ своемъ родѣ, это созданіе не имѣетъ »себѣ подобнаго.* » Но, послѣ этого един-ственнаго произведенія, должно также уди-вляться знаменитому изваянію, изображаю-щему *Дурга*, сидящаго верхомъ на львѣ и сражающагося съ *Магишавуръ* — изваянію, полному вдохновенія и равняющемуся съ образцовыми произведеніями Греціи. Дѣй-ствительно, на каждомъ шагу изумляешься

* *Oriental Journal* traduction d'Urbain

памятникамъ совершенства, до котораго возвысились искуства въ этихъ отдаленныхъ странахъ, за нѣсколько вѣковъ до начала европейской цивилизаціи, когда предки наши жили почти въ дикомъ состояніи, среди лѣсовъ, еще дѣвственныхъ.

Послѣ вечера, пріятнѣйшимъ образомъ проведеннаго въ прогулкѣ среди этихъ чудесныхъ созданій, утомленный множествомъ новыхъ впечатлѣній, продолжительнымъ, полнымъ удивленія разсматриваніемъ каждой гранитной картины, я сѣлъ, съ хорошимъ апетитомъ, за ужинъ, приготовленный французскимъ, или, лучше сказать, франко-португальскимъ ресторатёромъ, поселившимся въ окрестностяхъ *бэнгало* *. Кромѣ этой ресторацiи, другихъ я не встрѣ-

* Такъ называется одноэтажный домъ, гдѣ останавливаются европейскіе путешественники, состоящій изъ двухъ небольшихъ отдѣленій, въ которыхъ, не тѣснясь, могутъ жить два семейства. Въ каждомъ отдѣленіи большая четыреугольная зала, комната для ванны и три небольшія крытыя галлереи вокругъ обѣихъ комнатъ. Тутъ есть хорошая тростниковая кровать и два или три стула (все насчетъ Англійской Компаніи), и наконецъ инвалидный *сипай*, для того чтобъ служить вамъ чичерономъ и коммиссіонеромъ

чалъ уже болѣе, путешествуя въ Индіи, гдѣ вошло въ общій обычай—и необходимо запасаться всѣмъ на дорогу

Ужинъ былъ очень хорошъ, и при томъ мнѣ весело было разговаривать съ ресторатёромъ по-французски, на томъ языкѣ, котораго звуковъ такъ давно не слыхалъ я. Не понимаю самъ, почему я находилъ себя счастливымъ; но я наслаждался существованіемъ такъ, какъ наслаждаются имъ въ двадцать лѣтъ, когда удовлетворено сердце и возбуждено воображеніе. Наконецъ сонъ овладѣлъ мною, и я, не раздѣваясь, бросился въ свой паланкинъ. Я спалъ еще, когда, въ три часа утра, мои *баги* понесли меня, не нарушая моего сна, къ которому оказывали они нѣжное вниманіе, свойственное этому простодушному и тихому народу. Они шли болѣе мѣрными шагами, голоса ихъ сдѣлались болѣе глухо-монотонными, и только усладительная свѣжесть, наступившая предъ восхожденіемъ солнца, проникнувъ мои члены, вывела меня изъ усыпленія.

Какъ упоителенъ этотъ первый часъ утра подъ тропическимъ небомъ! Какой чистый и ароматическій воздухъ! Какое прелестное утро! Какъ роскошно украшается оно всѣми цвѣтами призмы, прежде, нежели оденется въ свое золотое платье! Какъ живописно отражается въ водахъ темно-лазуревое небо!—Здѣсь только можно оцѣнить всю прелесть этой дѣвственной свѣжести, которою наслаждаешься нѣсколько минутъ. Она нѣжно обвѣваетъ васъ, и поспѣшно удаляется, какъ будто для того только, чтобъ вы тѣмъ болѣе жалѣли объ ней.

Мы проходили страну, орошаемую многими потоками, и потому хорошо обработанную: рисовыя поля безпрестанно смѣнялись одни другими, и взоры съ удовольствіемъ останавливались на прекраснѣйшей зелени. Но, кромѣ этого, ландшафтъ со стороны земли не представлялъ ничего замѣчательнаго. Въ немъ мало было разнообразія, и многочисленныя финиковыя де-

ревья придавали ему еще болѣе монотонности. За то какая жизнь являлась со стороны Океана, котораго видъ, простираясь вдоль берега, безпрестанно измѣнялся причудливыми формами береговъ, длинными рядами кокосовыхъ деревъ, золотистымъ пескомъ и множествомъ кораблей разнаго вида и разной величины, струившихъ поверхность воды и распускавшихъ во всѣ стороны бѣлые паруса свои на солнцѣ.

Къ восьми часамъ утра прибыли мы въ Темпакумъ, красивую деревню въ нѣсколькихъ стахъ метрахъ отъ моря, славящуюся своими устрицами, лучшими на всемъ здѣшнемъ берегу. Я отправился въ *чдультри*. Такъ называются зданія индійской архитектуры, расположенныя по дорогамъ и въ деревняхъ, и служащія пріютомъ для путешественниковъ. Всѣ они построены по обѣту нѣсколькихъ филантроповъ, которые, умирая, хотѣли оказать послѣднюю услугу и оставить по себѣ память своимъ соотечественникамъ. Зданія эти обыкно-

венно состоятъ изъ прямоугольнаго павильона, построеннаго на платформѣ; кровля его, сдѣланная террассою, поддерживается колоннами; въ центрѣ павильона находится помѣщеніе, закрытое съ трехъ сторонъ, подобно мечети, для защищенія путешественника отъ вѣтра и пыли. Вокругъ этого помѣщенія, съ наружныхъ сторонъ его, также устроены колонны; выходитъ, что оно обведено перистилемъ или *верандахомъ*. Англійское правительство не ассигнуетъ никакой суммы на поддержку этихъ зданій, а филантропическія пожертвованія прекратились вмѣстѣ съ разстройствомъ частныхъ богатствъ, и потому *чдультри* повсюду разрушаются. Темпакумскій пріютъ, архитектуры массивной и при томъ изъ гранита, остается еще невредимъ.

Онъ былъ осѣненъ групою баніановъ (индійскихъ фиговыхъ деревъ): этотъ патріархъ растительнаго царства въ первый разъ явился мнѣ здѣсь во всей красотѣ своей, опирающимся на многочисленное свое

семейство. Каждый сучекъ дерева, спустясь верхушкою до земли, укоренился въ ней, и такимъ образомъ, питаясь изъ двухъ источниковъ, силится стать вровень съ своимъ родоначальникомъ и даже превзойдти его величиною, не отдѣляясь отъ него, но еще болѣе скрѣпляя съ нимъ союзъ свой. Каждая отрасль, въ свою очередь, пустила вокругъ себя новое поколѣніе, и отъ того образовался рядъ готическихъ сводовъ зелени и тѣни.

Подъ этими деревьями находились уже носильщики, посланные ко мнѣ на-встрѣчу, которые должны были доставить меня въ Пондишери; имъ оставалось пройдти послѣднюю станцію. Я не замедлилъ воспользоваться ихъ услугами, потому что спѣшилъ прибытіемъ въ этотъ городъ. Тамъ покоился прахъ моихъ родителей, которыхъ я никогда не зналъ; тамъ надѣялся я въ первый разъ насладиться счастіемъ любить и быть любиму. Это счастіе дорого стоило мнѣ, но оно было чисто; оно бросило столь

меланхолическій и столь сладостный лучь на остатокъ моей жизни, что съ этого дня, каждый разъ, когда возвращался я въ Пондишери, сердце мое наполнялось радостью и нѣжностью. И теперь еще этотъ небольшой уголокъ въ мірѣ—для меня оазисъ въ пустынѣ. Тамъ бьется еще благородное сердце существа слабаго и прелестнаго; свѣтлый и прекрасный умъ скрывается подъ скромнымъ челомъ женщины. Мой добрый другъ, сестра моя! съ того благословеннаго дня воспоминаніе о тебѣ не оставляло меня; твой благодатный образъ охранялъ меня, возвышая и очищая мою душу.

Но я думаю, что и безъ крѣпкихъ узъ, привязывающихъ меня къ этимъ прекраснымъ берегамъ, Пондишери долженъ всегда производить неизгладимое впечатлѣніе на путешественника, тамъ останавливающагося. Это единственный изъ городовъ Индіи по счастливому соединенію въ себѣ Европы и Азіи. Это французскій городъ,

въ магическомъ слiянiи цвѣтовъ, посреди роскошной растительности Востока. Хорошо воздѣланныя поля, свѣжесть древесныхъ аллей, изящество мостовъ, переброшенныхъ чрезъ многочисленные каналы, прекрасныя дороги, нерѣдко украшенныя статуями, прелестные домы, разсѣянные по полю, и теперь еще придаютъ видъ маленькаго рая всему округу. Тамъ кокосовое дерево является во всей красотѣ своей; воздушно-легкая пальма наклоняется со всею своею прелестью; рисовыя поля дышатъ свѣжестью; народонаселенiе болѣе сосредоточено, дѣятельнѣе и счастливѣе, нежели въ другихъ колонiяхъ.

Но, къ сожалѣнiю, характеръ тамошняго европейскаго народонаселенiя измѣнился противъ прежняго. Пондишери, населенный, въ эпоху нашихъ революцiонныхъ оргiй, самымъ избраннымъ обществомъ Францiи, убѣгавшимъ отъ эшафотовъ, сохранялъ до 1830 года, въ немногихъ остаткахъ стариннаго дворянства, тотъ прекрас-

ный тонъ, тотъ цвѣтъ вѣжливости, тѣ изящные рыцарскіе пріемы, о которыхъ помнили отцы наши и о которыхъ осталось намъ одно только преданіе. Теперь не ищите уже этого: бѣлое народонаселеніе съ каждымъ днемъ исчезаетъ; но вы найдете еще тамъ простоту и добродушіе креоловъ и пріятность обращенія, свойственную Французамъ. Мнѣ всегда жаль, что столько людей небогатаго состоянія, съ изящнымъ вкусомъ, влача во Франціи жизнь въ грустныхъ лишеніяхъ, въ борьбѣ съ нуждами нашего суроваго климата и съ нуждами общежитія, не знаютъ, какое счастливое и радостное существованіе могли бы они вести въ этомъ маленькомъ эльдорадо, въ этихъ небольшихъ пріютахъ зелени вокругъ самаго Пондишери, въ которыхъ населеніе съ каждымъ днемъ убавляется и гдѣ необходимыя потребности жизни и содержаніе многочисленной прислуги обходятся весьма дешево. Но Француза можно сравнить съ плющемъ, который скорѣе привьется

къ развалинамъ, гдѣ судьба бросила его, нежели отважно пустится вдаль—въ привольныя и плодородныя пространства, передъ нимъ открывающіяся.

Въ самый полдень прибылъ я въ Пондишери съ сѣверной стороны города; жаръ былъ удушающій; большія плиты каменной мостовой раскалились подъ лучами палящаго солнца; ни души не слышно было въ европейской части города; нѣсколько Малабарцевъ спали только въ открытыхъ верандахахъ. Мои носильщики, которыхъ радостные крики увеличивались по мѣрѣ приближенія нашего къ концу путешествія, казалось, были единственными одушевленными существами въ этихъ опустѣлыхъ улицахъ. Между тѣмъ другое сердце сильно билось въ союзѣ съ моимъ. Молодая дама, окруженная служителями, стояла на крыльцѣ одного дома. Я никогда еще не видалъ ее, но тотчасъ узналъ по ея взору; вся душа была въ ея глазахъ. Я выскочилъ изъ паланкина — и двое сиротъ бросились въ объятія другъ къ другу.

Одно изъ первыхъ посѣщеній моихъ въ Пондишери было къ губернатору. Должность эту занималъ тогда Контръ-Адмиралъ де-Мелей (de Melay), остроумный товарищъ Жакмона на корабль *la Zélée*, тотъ самый, котораго пріятное обращеніе и разговоръ, попеременно ученый и тонкій, обезсмертилъ онъ въ своихъ письмахъ — тотъ самый, съ которымъ пріятельски проводилъ онъ время по взаимной потребности въ размѣнѣ мыслей; они были единственными соперниками по уму на своемъ маленькомъ пловучемъ островѣ. Я нашелъ въ немъ стариннаго друга моего отца; онъ принялъ меня съ тѣмъ дружествомъ, которое утѣшало моего родителя въ его преклонныхъ лѣтахъ. Онъ, такъже какъ и Жакмонъ, не воротился во Францію, о которой говорилъ всегда съ энтузіазмомъ, и умеръ, находясь еще въ виду колоніи, чрезъ несколько часовъ по отплытіи отъ берега, гдѣ онъ сдѣлалъ такъ много добра, прекратилъ такъ много раздоровъ и успокоилъ столь многихъ несчастныхъ. Съ

тѣхъ поръ рѣдко посѣщалъ я прекрасный дворецъ правительства, и всегда входилъ въ него съ грустнымъ впечатлѣніемъ. Тогда это было почти единственное зданіе, замѣчательное по своей архитектурѣ. Впослѣдствіи, на той же площади, построили весьма красивый маякъ въ простомъ, но изящномъ стилѣ, приносящій честь нашимъ инженерамъ. Есть также крытые рынки, хорошо содержимые, высшее училище довольно посредственной архитектуры, нѣсколько церквей, человѣколюбивыхъ заведеній и прекраснѣйшіе бульвары, усаженные роскошными деревьями. Всего больше нравился мнѣ въ Пондишери бѣгъ Шаброль (le cours Chabrol)—гулянье вдоль моря. Оно несравненно лучше, нежели гулянье въ Мадрасѣ; теперь оно разрушается; приливъ моря съ каждымъ днемъ увеличивается, и скоро все это мѣсто будетъ подъ водою. Нигдѣ море не имѣетъ столько прелести и гармоніи, какъ здѣсь; въ Пондишери оно не такъ ужасно, какъ во всѣхъ другихъ мѣ-

стахъ этого берега; бурунъ представляетъ менье опасности — даже производитъ въ васъ прiятное ощущенiе, и несчастные случаи очень рѣдки. Вскорѣ по прибытiи въ Пондишери, отправился я къ югу, въ *Коддел* *оръ* или *Гуделуръ*, городъ, вполнѣ сохранившiй еще слѣды борьбы нашей съ Англичанами; это прогулка за четыре или пять льё по прекраснѣйшей дорогѣ. Надобно переправляться черезъ двѣ рѣки: *Арiанкупанъ* и *Манжикупанъ*. На берегахъ послѣдней лежитъ *Манжипалейамъ*, по-англiйски *Ньютонъ* (Newtown), т. е. новый городъ *Гуделуръ*, гдѣ есть нѣсколько прекраснѣйшихъ домовъ. Онъ выстроенъ правильно, и длинныя улицы его усажены кокосовыми деревьями, производящими хорошiй эффектъ и придающими восточный характеръ городу. Крѣпость Св. Давида, или древнiй Гуделуръ, любопытныя развалины котораго можно еще видѣть, заслуживаетъ особенное вниманiе путешественника. Онъ разрушенъ Французами, которые уступили округъ его Англiй-

ской Компаніи уже по трактату 1783 года. Говоря о Гуделурѣ, я вспоминаю о приключеніи, случившемся со мною нѣсколько лѣтъ послѣ того на той-же самой дорогѣ. Хотя разстояніе невелико, но какъ мѣста эти чрезвычайно песчаны, то и путь очень продолжителенъ и утомителенъ. Изъ Пондишери выѣхалъ я рано утромъ для избѣжанія дневнаго жара. Пріѣхавъ къ берегамъ Аріанкупана, прекраснѣйшей небольшой рѣкѣ съ живописными крутыми берегами, съ обѣихъ сторонъ поросшими лѣсомъ, я долженъ былъ переправляться на паромѣ; но въ этотъ день ни парома, ни перевозчика не было у пристани; я вышелъ изъ терпѣнія и рѣшился пуститься вплавь на лошади. Моя маленькая арабская лошадка плавала превосходно, и не разъ оказывала мнѣ услугу въ подобныхъ случаяхъ. Посреди рѣки находился песчаный островокъ, чрезъ который слѣдовало мнѣ переѣхать. Какъ скоро въѣхалъ я на него, мнѣ показались въ темнотѣ два огромные пня, до половины лежащіе въ водѣ;

вдругъ лошадь остановилась и задрожала всьми членами; а они превратились въ кайма-новъ аллигаторовъ, которые на право и на лѣво бросились въ рѣку. Въ извѣстныхъ мѣстахъ чудовища эти не нападаютъ на человѣка; но въ другихъ мѣстахъ, не далѣе какъ на разстояніи нѣсколькихъ миль отъ первыхъ жадность ихъ ужасна, или, лучше сказать, есть двѣ породы крокодиловъ, совершенно различныя: у одной рыло круглое; у другой очень длинное и узкое, похожее на клювъ. Первая изъ нихъ опасна; другая-же питается только падалью и рыбой. Во всякомъ случаѣ неожиданность для меня была самая непріятная. Однако-же надобно было сбросить съ себя страхъ и съѣхать съ острова. Черезъ нѣсколько минутъ я находился уже на глубинѣ рѣки, положа ноги на шею моей лошади. Въ самую опасную минуту, рыло одного аллигатора появилось на поверхности воды въ двухъ метрахъ отъ меня; потомъ оно погрузилось какъ стрѣла. У меня выступилъ холодный потъ, но я скоро оправился

отъ страха, и черезъ минуту былъ уже на другомъ берегу.

Потомъ мнѣ сказывали, что въ Аріанкупанѣ много крокодиловъ; но что несчастные случаи очень рѣдки.

V.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ВЪ МАДРАСЪ.—ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ГАЙДЕРАБАДЪ

Пребываніе мое въ Пондишери приближалось къ концу; наступило время обезпечить мое существованіе вступленіемъ въ какую нибудь должность. Военную службу всегда предпочиталъ я всякой другой. При помощи добрыхъ друзей моихъ, я составилъ записку о трудахъ и службѣ родителя моего, въ продолженіе 25-ти лѣтъ, въ англійской арміи и подъ начальствомъ Мадрасскаго президентства, въ званіи офицера главнаго штаба, инжинера и директора обсерваторіи. Съ этою запискою, кото-

рую слѣдовало послать въ Англію, возвратился я въ Мадрасъ, куда прибылъ въ началѣ іюня и гдѣ нашелъ я, у шотландскаго банкира Г-на Эдуарда Гордона, въ его виллѣ Myrtlegrove, то великолѣпное гостепріимство, которое было уже мною описано. Въ Европѣ нельзя составить себѣ понятія объ истинно царскомъ существованіи князей-купцовъ мадрасскихъ и калькутскихъ: тамъ только увидите вы дворецъ Аладина и служителей *Чудесной лампы*. Но эта роскошь часто покупается цѣною жизни, которой отрава таится на днѣ позолоченныхъ кубковъ. Гдѣ теперь и гостепріимный купецъ и его торжествующіе гости? Прошло десять лѣтъ, и изъ 30-ти радостныхъ сердецъ, бившихся отъ удовольствія и надменности вокругъ роскошнаго обѣденнаго стола, пять разсѣяны еще по лицу земли, другіе уже забыты и покоятся подъ надгробными камнями Индіи.

Однажды, за такимъ столомъ, встрѣтилъ я двухъ офицеровъ 55-го линейнаго полка

Королевско - Британской арміи. Отъ нихъ узналъ я, что одинъ поручикъ ихъ полка, не желая болѣе служить, намѣревался продать свою должность, отъ чего и должна была открыться ваканція подпоручика. Это извѣстіе мелькнуло мнѣ отблескомъ счастія; надобно было воспользоваться имъ. Я тотчасъ явился къ полковнику, который принялъ отъ меня просьбу и отправилъ мою записку въ Англію. Я писалъ къ Герцогу Веллингтону, и на этотъ разъ, какъ кажется, письмо мое дошло до него въ добрый часъ, потому что черезъ одиннадцать мѣсяцевъ послѣ того — безъ всякаго покровительства, кромѣ заслугъ моего отца, что́ немного значитъ въ этой землѣ лицепріятія и привилегій — мнѣ разрѣшили покупку вакантнаго мѣста. Но прошло много времени, пока узналъ я результатъ моей попытки—времени глубокой тоски, въ которое нерѣдко отчаявался я найдти магическій ключь, которымъ бы могъ отпереть двери своего поприща. Два или три раза

имѣлъ я намѣреніе вступить въ военную службу къ которому нибудь изъ индійскихъ государей, по примѣру Перрона и де Буаня. Однажды подобное условіе, въ то время, какъ надлежало уже заключить его, внезапно уничтожено было трагическою смертью моего будущаго повелителя, убитаго тѣми самыми тѣлохранителями, надъ которыми предстояла мнѣ честь начальствовать. Можетъ показаться страннымъ, что двадцатилѣтній молодой человѣкъ, никогда еще невладѣвшій мечемъ, получилъ не одно, но нѣсколько предложеній принять начальство надъ войсками того или другаго изъ индійскихъ государей. Во Франціи невозможно представить себѣ, какое очарованіе производитъ Европеецъ въ Индіи: бѣлый цвѣтъ тѣла кажется уже достаточнымъ свидѣтельствомъ мужества и военныхъ талантовъ.

Однажды обратился я къ генералу Аллару съ просьбою доставить мнѣ службу у Рунджитъ-Синга, въ Лагорѣ. Не знаю, было ли

письмо мое перехвачено, но только я не получилъ отвѣта. Между тѣмъ, вопреки препятствіямъ, окружавшимъ меня, мысль возвратиться въ Европу никогда не приходила мнѣ въ голову. Индія была для меня великою задачею, которую предположилъ я рѣшить: это былъ долгъ, мною на себя возложенный—цѣль, достиженію которой я посвятилъ себя. Мнѣ хотѣлось проникнуть въ глубину Индіи и изучить ея внутреннее существованіе; страсть эта вполнѣ овладѣла мною, и мнѣ легче было разстаться съ жизнію, нежели отказаться отъ этого предпріятія.

Въ ожиданіи отвѣта изъ военнаго министерства (the horseguards), я располагался воспользоватьзя гостепріимствомъ, предложеннымъ мнѣ другою сестрою моею, которой мужъ, хотя и Французъ, служилъ однако-же капитаномъ кавалеріи и дивизіоннымъ казначеемъ въ арміи Гайдерабадскаго низама, монарха, независимаго только по титлу, но стѣсненнаго покровительствомъ Компаніи. И такъ, въ началѣ іюля,

отправился я въ путь къ столицѣ этого государства, сдѣлавшагося знаменитымъ въ исторіи и поэзіи Востока подъименемъ Гольконденскаго царства.

Счастливый случай свелъ меня съ пріятнымъ товарищемъ путешествія, Томасомъ Тоншендъ-Пирсомъ инженернымъ капитаномъ въ компанейской службѣ, добрымъ и любезнымъ молодымъ человѣкомъ, живущимъ такъ же хорошо въ пустынѣ, какъ и на квартирѣ, и восхищающимся всякою встрѣчею, которая даетъ ему случай угостить хорошимъ обѣдомъ. Отъ него узналъ я тайну путешествовать со всѣми удобствами по этимъ дикимъ странамъ, гдѣ на большихъ только разстояніяхъ встрѣчаются станціи и гдѣ вы терпите во всемъ недостатокъ. За нимъ шелъ пребольшой обозъ: четыре верблюда и десять быковъ несли на себѣ четыре палатки, изъ которыхъ одна, занимая квадратное пространство двадцати футовъ съ каждой стороны, служила намъ гостиною и спальнею;

другая, поменьше, всегда отправлялась вечеромъ на одну станцію впередъ, для того чтобъ успѣть заранѣе приготовить намъ завтракъ, когда мы явимся туда на другой день; третья служила намъ комнатою для ваны, а четвертая кухнею. Въ обозѣ было также нѣсколько телѣгъ съ безконечною поклажею — столами, стульями, походными постелями, кухонною посудою, столовыми приборами, серебромъ, фарфоромъ, ящиками съ виномъ и пивомъ. Въ дополненіе ко всему этому, подъ группою деревъ, привязано было къ кольямъ, за заднія ноги, нѣсколько верховыхъ арабскихъ лошадей, на которыхъ мы поперемѣнно ѣхали льё по пяти, и не больше пятнадцати миль въ день, для того чтобъ дать время пріѣхать остальному обозу. Впрочемъ, у меня былъ свой паланкинъ и свои носильщики, такъ, что наши люди, всѣ вмѣстѣ, составляли довольно большую свиту, что̀ имѣло свою выгоду, потому что если два каравана сойдутся въ одной деревнѣ, то бѣда тому,

который меньше. Ничтожные припасы, какіе есть въ деревнѣ, всѣ переходятъ къ многочисленнѣйшему; другой же караванъ долженъ или отъ всего отказаться, или удалиться.

Дорога, ведущая изъ Мадраса въ Гайдерабадъ, идетъ вдоль озера, или, лучше сказать, морской губы Пòликатъ; потомъ направляется къ сѣверу параллельно къ берегамъ моря, къ которымъ часто приближается. Она мало представляетъ любопытнаго до Неллора, большаго города съ крѣпостью, въ тридцати льё отъ Мадраса, на южномъ берегу рѣки Пеннаръ. Въ прежнее время это былъ одинъ изъ главныхъ городовъ Карнатика; нынѣ торговля его перешла въ Мадрасъ, и домы разрушаются. Вредное для здоровья произрастаніе покрываетъ укрѣпленія, которыхъ гарнизонъ состоитъ изъ трехъ только ротъ туземныхъ ветерановъ. Городъ этотъ, по сіе время, служитъ однако - же мѣстопребываніемъ начальниковъ обширнаго округа, или *коллектората* (такъ называются подраздѣле-

нія президентства, управляемыя коллекторами) — центромъ гражданскаго, судебнаго и полицейскаго управленія. Тамъ живутъ: коллекторъ и человѣкъ шесть младшихъ чиновниковъ при сборѣ податей, судья или президентъ гражданскаго и уголовнаго суда первой инстанціи и два или три военные чиновника (переведенные изъ арміи), начальствующіе надъ инвалидами и дополняющіе европейское населеніе, состоящее изъ девяти или десяти человѣкъ. Туземное населеніе простирается до 10,000 душъ.

Страна, по которой мы путешествовали отъ Мадраса, печальна, ровна и безлѣсна; легкая песчаная почва, то наводняемая дождевыми потоками, то изсушаемая палящими вѣтрами, дующими съ земли и приносящими самую мелкую пыль—производитъ ячмень. табакъ, кользу, бетель, индиго и очень мало рису. Успѣхи земледѣлія зависятъ здѣсь отъ канавъ и резервуаровъ, которые нѣкогда и были устроены индійскими государями и начальниками деревень, но о под-

держаніи которыхъ Англійская Компанія вовсе не заботится. Вотъ уже четырнадцать лѣтъ, какъ Англичане рѣшительно овладѣли этою провинціею, и не сдѣлали въ ней никакихъ улучшеній; еслибъ владычество ихъ здѣсь вдругъ прекратилось, то чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ не осталось бы и слѣдовъ его. Въ 1831 году дорога была очень дурна, но въ 1840 году я нашелъ ее еще хуже. Кирпичныя арки, въ нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой, на нѣсколько метровъ возвышаются надъ равниной; онѣ показываютъ направленіе дороги, но не соединены никакимъ шоссе, и уже разрушаются, не будучи окончены. Въ такой безпечности виновато само правительство, но не правы и чиновники, имъ употребляемые. Познанія компанейскихъ инженеровъ чрезвычайно поверхностны; они производятъ работы безъ проэктовъ и смѣтъ, и какъ скоро нѣтъ денегъ въ кассѣ, то они преспокойно сидятъ, сложа руки.

Въ Неллорѣ есть два прекрасные пагода

съ надписями на языкѣ телинганскомъ: одинъ изъ нихъ очень богатъ и содержитъ въ себѣ обширное заведеніе баядерокъ. Въ тотъ вечеръ, когда мы пріѣхали, онѣ привѣтствовали насъ *наче*, предлагая и другія услуги, отъ которыхъ мы отказались. Въ первый еще разъ имѣлъ я случай видѣть эту пляску. Тотчасъ послѣ ихъ появленія, мы окружены были множествомъ туземцевъ; центръ этого круга занимали музыканты и танцовщицы. Двѣ изъ нихъ вызвались плясать. Одежду ихъ составлялъ красный газовый шарфъ съ золотыми бордюрами на концахъ, обвитой нѣсколько разъ вокругъ ляшекъ и перекинутый черезъ плечо на грудь. Небольшой парчевой спензеръ стягивалъ грудь, оставляя плеча, руки и талію голыми; на нихъ были панталоны свѣтло-лиловаго цвѣта, широкія вверху и стянутыя внизу; руки до самыхъ плечь, шея и даже носъ обременены были украшеніями; на ногахъ, надъ самыми ступнями, носили онѣ металлическія кольца, издающія довольно пріят-

ный звукъ во время ходьбы. Пляскѣ предшествовало пѣніе, отъ котораго у Россини могли бы сдѣлаться судороги. Это отвратительный речитативъ гортанныхъ звуковъ, постепенно восходящихъ до самыхъ высокихъ и крикливыхъ нотъ. Пѣнію акомпанируютъ два музыканта, изъ которыхъ одинъ бьетъ въ тамтамъ, а другой играетъ на маленькой скрипкѣ о восьми струнахъ, издающей пронзительные звуки: все вмѣстѣ похоже на дребезжанье большой фуры. Пляска достойна музыки: она состоитъ изъ какихъ-то кривляній руками и ногами. Главное достоинство ея заключается въ томъ, чтобъ выставлять съ нѣкоторою быстротою то носки, то пятки, и переходить съ одного мѣста на другое на однѣхъ пяткахъ, держа носки вмѣстѣ. Такимъ образомъ танцовщица съ большимъ трудомъ описываетъ кругъ, возвращаясь на то мѣсто, съ котораго сошла. Въ это время она даетъ рукамъ своимъ различныя положенія, перегибая иногда назадъ верхнюю

часть тѣла. Единственное, нѣсколько прiятное движенiе состоитъ въ томъ, что она безпрестанно держитъ концы шарфа то надъ головою, то передъ грудью, кокетливо закрывая и открывая черты свои. Черезъ часъ времени, намъ это наскучило, и мы насилу отдѣлались отъ баядерокъ. Многiя изъ нихъ, не смотря на кольца въ носу, были очень хороши собою. Бюстъ у нихъ всегда прелестный; руки и ноги чрезвычайно красивы и нѣжны. Брамины воспитываютъ этихъ несчастныхъ для постыднаго промысла, составляющаго одинъ изъ главныхъ доходовъ пагода.

Проѣхавъ пятнадцать льё, прибыли мы въ Онголь, главный городъ того же округа, имѣющiй большое сходство съ Неллоромъ. Кромѣ трехъ или четырехъ домовъ европейскихъ, прочiя жилища состоятъ изъ землебитныхъ хижинъ, перемѣшанныхъ съ остатками каменныхъ стѣнъ, разсѣянныхъ на большомъ пространствѣ. Развалины эти, по-видимому, скоро могутъ быть размыты дождемъ; онѣ

дѣйствительно и размываются, но тотчасъ же замѣняются другими развалинами. Невольно спрашиваешь себя: были ли когда нибудь въ этихъ мѣстахъ люди, жившіе въ избыткѣ. Народонаселеніе почти такое-же, какъ и въ Неллорѣ; но здѣсь оно состоитъ преимущественно изъ музульманъ. Къ концу дорога дѣлается нѣсколько пріятнѣе тѣмъ, что часто приближается къ морю; но не смотря на это, она наскучила мнѣ: земля эта не отвѣчала понятію, какое составилъ я себѣ объ ней, судя по мадрасскимъ садамъ и по прелестнымъ окрестностямъ Пондишери. Отъ самаго Мадраса здѣшняя страна чрезвычайно однообразна, а это однообразіе не вознаграждается величіемъ видовъ. Маршрутъ каждаго дня одинъ и тотъ-же: проѣхавъ неизмѣримыя степи земли невоздѣланной, самаго жалкаго вида, гдѣ мѣстами ростетъ колючій кустарникъ, на которомъ голодный скотъ не оставляетъ ни одного листочка, вы видите въ окрестностяхъ какой нибудь бѣдной де-

ревушки нѣсколько тощихъ кустовъ манго, тамаринта и мимозы, разсѣянныхъ по полю. Здѣсь нѣтъ уже благородныхъ групъ баніана, которыя бы придавали хотя нѣкоторое достоинство ландшафту. » Мѣстами развалины » небольшихъ мечетей, вокругъ нихъ гробни» цы, осѣняемыя тощимъ финиковымъ дере» вомъ—вотъ всѣ предметы картины. Правда, » они разнообразны, но такъ тѣсно перемѣ» шаны, что на весьма маломъ пространствѣ » сливаются всѣ видоизмѣненія ихъ*.» Самый городъ Онголъ всего еще живописнѣе, потому что въ немъ больше развалинъ: покрайней мѣрѣ, вы видите здѣсь старую крѣпость, покрытую чужеядными растеніями, которой оконы довольно красиво разрушаются. Въ ней живетъ, но отнюдь не защищаетъ ее, отрядъ туземныхъ ветерановъ подъ начальствомъ переведеннаго изъ арміи офицера. Этотъ жалкій человѣкъ не можетъ надѣяться ни на какое повышеніе. Въ 1825 году онъ служилъ капитаномъ въ

* Жакмонъ.

одномъ изъ пѣхотныхъ полковъ Компаніи, но, въ минуту заблужденія, сплутовалъ въ картахъ, за что и выключенъ былъ изъ своего корпуса и переведенъ во второй полкъ ветерановъ. И такъ это названіе, столь почетное во Франціи, въ индійской арміи служитъ выраженіемъ презрѣнія. Съ 1826 года капитанъ М*** ведетъ здѣсь изгнанническую жизнь съ своимъ семействомъ, состоящимъ изъ жены, прекрасной женщины, нетолько незахотѣвшей оставить мужа своего одного въ стыдѣ и наказаніи за его вину, но удвоившей къ нему нѣжность свою, которая приноситъ честь великодушію ея пола—и изъ дѣтей, очень хорошо воспитанныхъ. Офицеръ этотъ начальствуетъ надъ всею станціею, сносится съ правительствомъ и получаетъ большое жалованье; но онъ осужденъ на совершенное уединеніе. Путешественники, останавливающіеся въ сосѣдственномъ бóнгало, рѣдко посѣщаютъ его, и ему скорѣе тягостно, нежели пріятно посѣщеніе даже стараго товарища. Онъ

проводитъ жизнь въ охотѣ и въ заботахъ семейныхъ.

По выѣздѣ изъ Онгола, встрѣчаешь однѣ только ничѣмъ незамѣчательныя деревни до самой рѣки Кришны, составляющей границу между компанейскими и низамскими владѣніями. Дорога поворачиваетъ къ сѣверо-западу на Румперчурлахъ, Накрикалъ и Пундиголъ на Кришнѣ. Въ послѣднейизъ этихъ деревень находятся суда для переправы чрезъ рѣку.

Рѣка Кришна—это Гангъ южнаго полуострова Индіи; воды ея почти такъ-же священны: на днѣ своемъ и она скрываетъ алмазы, золото и драгоцѣнные камни; религія и поэзія такъ-же увѣнчали ее своими твореніями. Хотя она никогда не высыхаетъ, однако-же имѣетъ свойство горныхъ потоковъ: низвергается иногда съ чрезвычайной свирѣпостью и затопляетъ всѣ берега свои послѣ нѣсколькихъ дождливыхъ дней въ цѣпи западныхъ Гатскихъ горъ, изъ которыхъ вытекаетъ. Тогда она не постепенно наполняется водою, но волны несутся

стью, и всегда надобно спѣшить переправиться чрезъ нее, потому что нельзя предвидѣть напора воды. Теченіе такъ быстро, что никакая европейская барка не выдержала бы его. По-этому барки дѣлаются въ видѣ большихъ круглыхъ корзинъ изъ тростника и пальмовыхъ листьевъ; ихъ спускаютъ на воду гораздо выше того мѣста, къ которому хотятъ пристать на другомъ берегу. При круглой формѣ барокъ, вода не можетъ опрокинуть ихъ. Искуство гребцовъ состоитъ въ томъ, чтобъ поворачивать барку то въ одну, то въ другую сторону, и такимъ образомъ пересѣкать на́искось теченіе воды, которое, какъ бы невольно, приноситъ васъ къ назначенному мѣсту.

Противъ Пундигола, на противоположномъ берегу, находится деревенька Варрапилли, съ красивымъ, но разрушающимся каравансараемъ. Это первая таможня въ Гайдерабадскихъ владѣніяхъ. Государство это называется также Деканомъ. Въ древ-

ности оно было провинціею Монгольской Имперіи; но съ 1732 года сія зависимость осталась только въ названіи, и низамы или губернаторы сдѣлались наслѣдственными обладателями областей, порученныхъ ихъ управленію. Въ продолженіе ста лѣтъ сила и владѣнія сего государства значительно ослаблены Мараттами, Майсорцами и особливо Англичанами. Нынѣ государство это граничитъ: къ югу съ р. *Кришна*, къ юго-западу съ провинціею *Баджапуръ*, къ западу съ царствомъ *Саттарахъ*, англійскими провинціями *Ахмеднагаръ* и *Кандейшъ*; къ сѣверу съ *Ассирггаромъ* и Маратскимъ государствомъ *Нагпуръ*; къ востоку съ дикими ордами *Ггундовъ*, съ наносными равнинами *Сиркарскими* и англійскими провинціями *Раджахмундри* и *Кондапилли*. Земля эта содержитъ въ себѣ 47,700 квадратныхъ льё и 12.000,000 жителей.

Лишь только ступили вы на другой берегъ Кришны, въ Варрапилли—вы чувствуете, что находитесь въ странѣ со-

вершенно новой; видъ природы и физіономія жителей уже не тѣ; въ той и другой есть что-то болѣе дикое. Земля перерѣзана рытвинами; массы скалъ болѣе живописны; колючій кустарникъ степей становится выше и чаще и появляются довольно высокія деревья. Слѣды хищныхъ звѣрей, преимущественно тигровъ, попадаются на каждомъ шагу тамъ, гдѣ земля рыхлѣе, особливо на влажномъ еще руслѣ потоковъ. Деревни встрѣчаются рѣже; всѣ онѣ обведены изгородами, и возлѣ каждой возвышается, на десять футовъ отъ земли, деревянная клѣтка, въ которой *шикари* или охотники выжидаютъ появленія чудовища, бродящаго по ночамъ вокругъ жилищъ. Путешественникъ, во всякомъ случаѣ, для личной базопасности своей, долженъ болѣе полагаться на свой карабинъ и мужество, нежели на полицейскія мѣры той страны. Однако-же рѣдко случается, чтобъ воры нападали на Европейца. Смерть его надѣлаетъ столько шуму, будетъ предметомъ столь

дѣятельныхъ розысканій и мщенія, что никакіе разбойники почти никогда не нападаютъ на него, особливо если пара пистолетовъ видна у него за лукою сѣдла, или у дверцы его паланкина. Несчастные бāги, которые несли меня, смертельно боялись, особливо ночью, когда надо было проходить лѣсами, гдѣ водится множество тигровъ; всѣ они зажигали по факелу, страшно кричали и бѣжали изъ всѣхъ силъ. Крикъ и свѣтъ факеловъ наводили страхъ на звѣрей, которые, удаляясь въ густоту деревъ, упускали свою добычу. Сидя въ паланкинѣ, я восхищался всею этою сценою: возможность опасности придавала ей невыразимую прелесть для двадцати-лѣтняго юноши.

На слѣдующей станціи, въ деревнѣ Мурpульгудумъ, нашли мы отрядъ нерегулярной низамской кавалеріи, посланный къ намъ на встрѣчу для сопровожденія нашихъ пожитковъ. Люди эти были самой живописной наружности, на прекрасныхъ лошадяхъ, въ одеждѣ зеленаго цвѣта и въ красныхъ чал-

махъ, вооруженные весьма длинными копьями и выгнутыми саблями съ чрезвычайно неудобными рукоятями; но они дѣйствуютъ ими съ удивительнымъ искуствомъ, употребляя не силу, а ловкость; я видѣлъ, какъ они, безъ всякаго видимаго усилія, однимъ ударомъ разрубали барана пополамъ, чего ни одинъ Европеецъ не могъ бы сдѣлать.

Степи, поросшія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ колючимъ кустарникомъ, занимаютъ полосу около десяти льё до Тинурти. Отъ этой деревни виды представляются болѣе открытые; финиковыя деревья и вѣерообразныя пальмы —единственныя деревья, растущія здѣсь лѣсами. Къ разведенію послѣднихъ дѣлаются значительныя поощренія. Всѣ деревья этого семейства оцѣнены и приносятъ большой доходъ правительству. «Вѣерообразная пальма (le palmier târ ou palmier éventail) даетъ очень много соку, передѣлываемаго въ сахаръ. Небольшой стволъ, дюймовъ девяти въ діаметрѣ, можетъ доставить въ сутки нѣсколько штофовъ жидкости. Когда пьешь

этотъ сокъ на разсвѣтѣ, то онъ очень освѣжителенъ и совсѣмъ не крѣпокъ: можно безъ вреда выпить его довольно много; но какъ скоро солнце начинаетъ грѣть, онъ приходитъ въ броженіе, и въ короткое время становится чрезвычайно спиртоватымъ; тогда крѣпостью своею онъ почти равняется водкѣ, и употребленіе его тѣмъ опаснѣе, что онъ очень вкусенъ; даже по сгущеніи въ сиропъ, онъ сохраняетъ пріятный букетъ свой. Простой народъ въ Индіи, какъ и всякой народъ, пристрастенъ къ крѣпкимъ напиткамъ, и много пьетъ этого соку, тѣмъ болѣе, что онъ очень дешевъ; такъ что за бездѣлицу можно напиться до-пьяна.»

Послѣдняя станція передъ Гайдерабадомъ въ маленькой деревенькѣ Ополъ, которая почти вся завалена пылью и наполнена насѣкомыми. Здѣсь уцѣлѣла еще старая мечеть съ двумя красивыми минаретами; но она давно уже оставлена правовѣрными, и теперь единственные посѣтители ея —

* *Oriental Annual*, traduit par Auguste Urbain.

летучія мыши, которыя оспориваютъ это пристанище у европейскаго путешественника, иногда приходящаго сюда искать защиты отъ палящихъ лучей тропическаго солнца.—Вы не подозрѣваете, что находитесь въ ближайшемъ сосѣдствѣ одного изъ значительнѣйшихъ, богатѣйшихъ и населеннѣйшихъ городовъ Индіи. Земля такъ-же дурно воздѣлана, жилища поселянъ такъ-же бѣдны, какъ и въ другихъ мѣстахъ этой страны. Здѣсь дорога раздѣляется и направляется къ тремъ главнымъ центрамъ народонаселенія, извѣстнымъ подъ общимъ названіемъ Гайдерабада. Несносная тропинка, извивающаяся влѣво, Шараста — царская дорога къ столицу, *новую Голькондy*, гдѣ находится Дворъ, богатое дворянство, съ каждымъ годомъ уменьшающееся, и гдѣ народонаселеніе простирается до двухъ сотъ тысячъ душъ. Льё за три можно уже видѣть, какъ рисуются на лазури неба кровли домовъ, куполы мечетей и особливо четыре минарета знаменитой мечети *Чарминаръ*. Напро-

гиѣ того, прекрасная прямая дорога, оканчивающаяся аллеею, укатанною пескомъ, ведетъ къ военнымъ квартирамъ *Секундерабада*, примыкающимъ къ деревнѣ Гуссейнъ-Сагаръ, близь которой, на берегахъ прекраснаго искуственнаго озера, стоятъ рядами насаженныя деревья и бѣлые домы вспомогательной англійской арміи. Наконецъ, отдѣляясь вправо и пролегая по прелестнѣйшимъ мѣстамъ, гдѣ растительность является во всякихъ формахъ и гдѣ каждая гора увѣнчана живописнымъ памятникомъ, относящимся къ какой нибудь легендѣ, красивая поперечная дорога ведетъ въ *Боларумъ*, который можно принять за собраніе виллъ Греціи и Италіи: это квартиры войскъ Его Царской Свѣтлости низама. Такое расположеніе мѣстностей показываетъ уже, что высокій и могучій субадаръ или вице-король Деканскій, независимый государь Гайдерабада, въ самой вещи, отдѣленъ отъ своей арміи союзными войсками, которыя стерегутъ всѣ его движенія. Эти три групы,

столь различныя по своимъ правамъ, обычаямъ и политическому существованію, расположены на одной линіи, въ разстояніи двухъ льё одна отъ другой.

Въ послѣднемъ изъ этихъ трехъ мѣстъ, въ Боларумѣ, долженъ былъ я жить долгое время у моего зятя, офицера низамской арміи, и ждать, пока рѣшится судьба моя военнымъ министерствомъ въ Лондонѣ. Я воспользовался этимъ свободнымъ временемъ и посвятилъ себя, во-первыхъ, изученію вообще исторіи учрежденія англійской власти въ Индіи; во-вторыхъ, изученію, въ частности, развитія этой власти въ сношеніяхъ ея съ Гайдерабадскимъ государствомъ, т. е. изученію настоящей организаціи этого страннаго правленія, которое служитъ образцовымъ, самымъ древнимъ, самымъ обширнымъ и совершеннымъ типомъ государства, подчиненнаго управленію союзниковъ — типомъ, котораго примѣры являются на каждомъ шагу въ Англійской Индіи. Я предполагаю подробно обозрѣть

этотъ образецъ, пока онъ у меня передъ глазами, для того чтобъ послѣ не останавливаться на немъ, когда буду говорить о другихъ государствахъ, принадлежащихъ къ той-же категоріи. Изученіе это будетъ для насъ тѣмъ занимательнѣе, что оно приведетъ насъ на театръ нашей величайшей славы и нашихъ лучшихъ воспоминаній о Французахъ въ Азіи.

VI.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ ПРОИСХОЖДЕНІЯ И УПАДКА ГОЛЬКОНДСКАГО (ГАЙДЕРАБАДСКАГО) ГОСУДАРСТВА. — БЮССИ И РАЙМОНЪ. — АНГЛІЙСКАЯ ПОЛИТИКА. — СЭРЪ ГЕНРИ РОССЕЛЬ. — УПРАВЛЕНІЕ ВСПОМОГАТЕЛЬНОЕ ИЛИ СОЮЗНОЕ.

Гайдерабадское государство, пришедшее нынѣ въ упадокъ, едва существуетъ сто лѣтъ. Исторія его, соединенная съ исторіею Франціи, дѣлится на три отличительныя эпохи, соотвѣтствующія, нѣкоторымъ образомъ, тремъ послѣднимъ генераціямъ.

Первая эпоха: величіе и междоусобныя войны; вліяніе Французской монархіи — съ 1732 до 1759.

Вторая эпоха: слабость и внѣшнія войны; вліяніе французскихъ авантюристовъ и Французской республики — съ 1760 до 1798.

Третья эпоха: упадокъ и раздробленіе;

покровительство Англіи — съ 1798 года до нашихъ временъ.

Первая эпоха. Шеидъ-Кулыханъ, начальникъ могольскаго корпуса въ императорской арміи, въ концѣ царствованія Аурунгъ-Зеба, возведенъ былъ правнукомъ своимъ, Императоромъ Магометъ-Шахомъ, въ достоинство субадара или вице-короля Деканскаго. Пользуясь несчастіями Тимурова дома, онъ успѣлъ, съ 1732 года, возвысить военную область свою на степень независимаго и наслѣдственнаго государства, сохранивъ только видъ подчиненности Делійскому престолу. Заслуженная молва великихъ талантовъ его, между прочимъ, пріобрѣла ему наименованіе: *Низамъ-Уль-Мулюкъ*, т. е. *опора государства*, почетное титло, по которому онъ извѣстенъ въ исторіи и которое, какъ неразлучное съ его короною, перешло къ его потомкамъ. Власть его простиралась тогда отъ Нербудды до Коморинскаго мыса и отъ Мазулипатама до Биджапура. Владѣнія эти содержали третью

часть Могольской имперіи, т. е. сѣверные Сиркары, провинціи Берарь, Аурунгабадъ, Ахмеднагаръ, Биджапуръ и Гайдерабадъ или Гольконду; также всю южную часть Индіи ниже Кришны, исключая Маратскія племена на западномъ берегу. Государство это, по обширности своей, не могло быть прочно соединеннымъ, и должно было раздробиться по кончинѣ своего основателя, умершаго въ 1748 году, ста четырехъ лѣтъ отъ роду. Дѣйствительно, мы видимъ, что смерть Низамъ-Уль-Мулюка была сигналомъ внутренней войны, въ продолженіе которой многія провинціи, отдаленныя отъ центра монархіи, потребовали возстановленія своей національности, и отдѣлились; между тѣмъ Французская и Англійская купеческія Компаніи, вмѣшивались въ битвы и принимая разныя стороны искателей престола, овладѣли также огромными частями государства, сдѣлавшимися напослѣдокъ исключительнымъ наслѣдіемъ того изъ двухъ народовъ, который умѣлъ искуснѣе и настойчивѣе дѣйствовать.

Величайшая трудность при чтеніи этой исторіи состоитъ во множествѣ именъ и въ быстротѣ произшествій; постараюсь избавить моихъ читателей отъ такой трудности, излагая одни главныя событія и устраняя всѣ второстепенныя подробности.

Низамъ-Уль-Мулюкъ, умирая, оставилъ пятерыхъ сыновей: Шази-Уддина, старшаго; Назиржунга, втораго; Салабутжунга, третьяго; Низама-Али, четвертаго; Бассалутжунга, пятаго; сверхъ того—внука, Музюффержунга, сына любимой своей дочери.

Во время смерти его, старшій сынъ, Шази-Уддинъ, находился, въ качествѣ умраха или государственнаго совѣтника, при дворѣ великаго Могола, въ Дели. Пользуясь отсутствіемъ его, второй братъ, Назиржунгъ, посредствомъ войска, которое привыкло повиноваться ему, провозгласилъ себя субадаромъ; но въ то-же время явился третій соперникъ, Музюффержунгъ, любимый внукъ Низамъ-Уль-Мулюка, основывавшій права свои на дѣйствительномъ, или подлож-

номъ духовномъ завѣщаніи дѣда и на грамать великаго Могола, которую удалось ему получить. Не надѣясь овладѣть престоломъ при своихъ собственныхъ средствахъ, послѣдній изъ претендентовъ вздумалъ прибѣгнуть къ европейскому союзу, и обратился къ Дюплейксу, тогдашнему генералъ-губернатору Французскихъ колоній въ Индіи, которому, долговременное пребываніе въ той странѣ, извѣданное искуство въ индійской дипломатіи, счастливая война съ Англичанами и недавнее взятіе Мадраса, пріобрѣли отличную репутацію. Онъ дѣйствительно былъ лучшимъ правителемъ Французскихъ колоній и умнѣйшимъ государственнымъ человѣкомъ. Какъ новый Колумбъ въ политикѣ, онъ открылъ и позналъ путь, по которому европейская цивилизація должна была слѣдовать для достиженія индійскаго престола. Онъ хотѣлъ вести по этому пути своихъ соотечественниковъ; но до такой степени былъ выше своего времени, что его не поняли: ему въ

особенности нечего было ожидать отъ Франціи и отъ ея одряхлѣвшаго правительства, неимѣвшаго силъ устоять на той высотѣ, на которую хотѣлъ онъ поставить его. Дюплейксъ остановленъ былъ среди успѣховъ своихъ въ ту самую минуту, какъ достигалъ уже цѣли. Къ стыду нашему, бѣдственная смерть его была жертва генію, за который многіе великіе люди заплатили нищетою, изгнаніемъ, или жизнію. Но урокъ, имъ преподанный, хотя и безполезный для его отечества, не остался однако-же напраснымъ: имъ воспользовались Англичане: Клейвъ и Уàрренъ Гастингсъ устремились по стопамъ его, и утвердили за Англіею то богатое наслѣдіе, которое хотѣлъ онъ завѣщать Франціи.

»По прибытіи его въ Индію, Европейцы, »занимавшіеся исключительно торговлею и »чуждые политики, трепетали при одномъ »имени всякаго могольскаго чиновника. »Дюплейксъ первый понялъ и разгадалъ »слабость этой имперіи. Онъ вознамѣрился

»овладѣть ею, по крайней мѣрѣ отчасти, въ »такое время, когда никому на свѣтѣ не »могъ сообщить этого намѣренія, не пока- »завшись сумасшедшимъ. Простота сред- »ства къ исполненію отвѣчала однако-же »величію его мысли; средство это состояло »единственно въ томъ, чтобы ввести евро- »пейское войско въ службу туземныхъ го- »сударей. * » Твердость европейскаго харак- тера, соединенная съ превосходствомъ воен- ной дисциплины, привлекла бы побѣду подъ знамена тѣхъ государей, которые бы упо- требили это войско, слѣдовательно дала бы имъ перевѣсъ надъ соперниками; а потому уже самому, что они были бы обязаны эти- ми побѣдами и перевѣсомъ начальникамъ европейскаго войска, послѣдніе имѣли бы неограниченное вліяніе въ ихъ совѣтахъ. »Дюплейксъ основывалъ тогда могущество »Франціи на нѣкоторыхъ провинціяхъ, сдѣ- »лавшихся независимыми государствами; но »онѣ существовали-бы такъ, какъ ему уго-

* Barchou de Penhoën, *Histoire de l'empire anglais dans l'Inde*

«дно; слѣдовательно покорность ихъ была «бы для него благонадежна, и онъ служили «бы ему вѣрными орудіями.»

При такихъ мысляхъ и намѣреніяхъ, французскому губернатору ничто не могло быть пріятнѣе предложеній Музофферджунга: *da mihi punctum, et terram movebo* (дай мнѣ точку опоры, и я подвину землю)—такова была его тайная надежда, и случай—поставить субадара въ Деканѣ, который бы обязанъ былъ ему своимъ возвышеніемъ—вполнѣ соотвѣтствовалъ его собственнымъ видамъ. Поддерживаемый имъ, не могъ ли бы онъ далѣе простирать своихъ видовъ? и разъ пустившись по этому пути, какъ знать, гдѣ бы остановился онъ? Вполнѣ постигая характеръ туземцевъ, онъ быстро обозрѣваетъ силы двухъ претендентовъ, смѣло бросаетъ свою горсть Французовъ на сторону слабѣйшаго — и увѣренъ въ успѣхѣ.

Между тѣмъ Англичане, вмѣшавшись въ эту распрю, приводятъ его на нѣкоторое

время въ недоумѣніе и заставляютъ сомнѣваться въ счастіи. Музюфферджунгъ, послѣ блестящихъ успѣховъ, побѣжденъ, взятъ въ плѣнъ и находится во власти своего соперника. Дюплейксъ не теряетъ духа: онъ знаетъ, что при всякомъ восточномъ дворѣ всегда есть зародышъ заговора; онъ находитъ, выводитъ и развиваетъ его, и наконецъ, видя, что наступило время воспользоваться плодомъ его, посылаетъ восемь сотъ Французовъ, подъ начальствомъ храбраго Латуша, противъ ста тысячъ субадарова войска, расположеннаго въ окрестностяхъ крѣпости Джинджи, неподалеку отъ Пондишери. Этотъ небольшой, но неустрашимый отрядъ внезапно бросается въ средину индійскаго лагеря, и, при шумѣ смятенія, произведеннаго его нападеніемъ, Назирджунгъ падаетъ подъ мечемъ убійцъ, а Музюфферджунгъ — по превратности счастія, столь обыкновенной въ Азіи—переходитъ изъ тюрьмы на престолъ.

Драма эта происходила, какъ мы сказа-

ли, неподалеку отъ Пондишери, въ первыхъ числахъ декабря 1750 года; въ томъ же городѣ, нѣсколько дней спустя, Музюффержунгъ торжественно возведенъ былъ въ достоинство субадара Дюплейксомъ, который встрѣтилъ его съ величайшею пышностію, и принялъ на себя, при помощи друзей своихъ, всѣ издержки по случаю облеченія его въ новый санъ, которое совершилось съ обычнымъ величіемъ и церемоніаломъ. Дюплейксъ первый отдалъ ему должную честь, одѣтый въ богатое восточное платье, подаренное ему государемъ. Музюффержунгъ, съ своей стороны, въ избыткѣ радости и благодарности къ своему избавителю и союзнику, провозгласилъ его, именемъ великаго Могола, Карнатикскимъ набабомъ, т. е. всѣхъ провинцій на Коромандельскомъ берегу между Кавери и Кришною, равняющихся пространствомъ всей Франціи, съ полнымъ правомъ собирать съ нихъ дань по своему усмотрѣнію. Сверхъ того, онъ уступилъ въ вѣчное владѣніе

Французской Компаніи округъ около Пондишери, приносившій 900,000 рупій дохода; другой округъ близъ Карикала—6000 рупій, и городъ Мазулипатамъ—140,000 рупій.

И такъ образъ дѣйствій Дюплейкса, вслѣдствіе принятой имъ мысли, доставилъ уже ему личное господство надъ Карнатикомъ; ему оставалось сдѣлать нѣсколько шаговъ для осуществленія нынѣшняго владычества Англичанъ—сначала господствовать въ Деканѣ посредствомъ субадара, имъ же поставленнаго, а потомъ и во всей Индіи, избравъ великаго Могола. Счастіе, нерѣдко благопріятствующее смѣлости и улыбающееся иногда генію прежде, нежели предастъ его на истязаніе людямъ, помогло ему сдѣлать второй шагъ столь-же удачно, какъ и первый.

Когда всѣ дѣла устроены были къ взаимному удовлетворенію, Музіофферджунгъ простился съ Дюплейксомъ и отправился въ Гайдерабадъ. За нимъ слѣдовали: отрядъ французскихъ солдатъ, состоявшій изъ

трехъ сотъ человѣкъ, двѣ тысячи сипаевъ и десять пушекъ. «Дюплейксъ далъ ему «въ военачальники человѣка, котораго уга«далъ въ толпѣ и оцѣнилъ по достоинст«вамъ; то былъ Маркизъ *де Бюсси*, геній «смѣлый, уклончивый—одинъ изъ людей, на«дѣленныхъ роскошнѣйшими дарами приро«ды.» Отличный полководецъ, царедворецъ и дипломатъ съ увлекательными пріемами, съ одинакою вѣрностію взгляда обсуживающій событія и выбирающій поле битвы; «наконецъ, изучившій политику и обычаи «Востока до такой степени, что могъ бы «первенствовать при Делійскомъ дворѣ.»

Обстоятельства скоро оправдали мудрость этого выбора. На самой дорогѣ, до прибытія въ столицу, афганскіе начальники гольрондской арміи, низпровергнувшіе Назиръжунга, упорствуя въ наслѣдственной ненависти своей къ Могольской династіи, сдѣлали заговоръ противъ его преемника, и воспользовавшись тѣмъ временемъ, когда онъ удалился отъ Бюсси, убили его. Поло-

женіе Французовъ, пораженныхъ этою неожиданностью, было самое критическое; »но Бюсси, къ счастію, сохранилъ все свое »спокойствіе духа. Онъ поспѣшно собралъ »министровъ и полководцевъ государя, и »представилъ имъ необходимость немедлен- »но согласиться въ выборѣ преемника пре- »стола, какъ единственномъ средствѣ пред- »упредить безпорядокъ и безначаліе въ »войскѣ. Сынъ Музюффержунга, еще ребе- »нокъ, и трое братьевъ Назиржунга, ко- »торыхъ низамъ велъ за собою подъ крѣп- »кимъ карауломъ, находились тогда въ сви- »тѣ. Бюсси понималъ, что ребенокъ не могъ »соотвѣтствовать тогдашнимъ обстоятель- »ствамъ, и предложилъ возвести въ достоин- »ство субадара старшаго изъ находившихся »при войскѣ трехъ царевичей (сыновей Ни- »замъ-Уль-Мулюка). Полководцы приняли »это предложеніе, и Салабутжунгъ, въ тотъ »же день, провозглашенъ былъ государемъ.* »

Новый субадаръ, при всей слабости ха-

* Barchou de Penhoën.

рактера, весьма посредственныхъ способностяхъ и недостаткѣ воспитанія, понималъ, что Бюсси могъ быть единственною опорою его существованія; и потому онъ чистосердечно предался Французамъ, и немедленно подтвердилъ всѣ преимущества, которыя предмѣстникъ его даровалъ имъ, изъявляя еще готовность увеличить ихъ. Съ тѣхъ поръ всѣ безпокойства, всѣ препятствія, поставляемыя его возвышенію, одно вслѣдъ за другимъ, уничтожаются умомъ и счастіемъ его юнаго военачальника и твердымъ мужествомъ малочисленнаго европейскаго войска. Шази-Уддинъ, старшій братъ, напрасно получаетъ грамату отъ великаго Могола и намъревается оспоривать престолъ у судабара: онъ умираетъ, отравленный ихъ родною матерью. Напрасно Маратты высылаютъ противъ Салабутжунга многочисленныя толпы своей конницы, быстрой и ужасной; онѣ уступаютъ превосходству европейскаго искуства: Бюсси громитъ, давитъ ихъ и заставляетъ воз.

вратиться въ свои предѣлы. «Положимъ— «говоритъ Баршу де Пенгоенъ — что чу-«деснымъ искуствомъ найдено средство «приводить въ движеніе, какою бы то ни «было системою, напримѣръ паромъ, цѣлую «крѣпость—что́, въ такомъ случаѣ, могло «бы сдѣлать все искуство Цезарей, Фрид-«риховъ и Наполеоновъ? Таково, до нѣ-«которой степени, положеніе европейскихъ «войскъ среди армій Востока; посмотрите «на этотъ полкъ: то становится онъ въ «карѐ, то строится въ колонны, то вытя-«гивается въ линію такъ однообразно и «согласно, что дѣлается какъ бы одинмъ «существомъ, превосходящимъ своихъ про-«тивниковъ силою и могуществомъ. Не-«устрашимость воиновъ и самый геній не-«пріятельскихъ полководцевъ не въ си-«лахъ преодолѣть его.»

«Французы—говоритъ одинъ восточный «историкъ—съ своими мушкатерами и быст-«рою артиллеріею, задушали Мараттовъ ды-«момъ, и тѣ потеряли множество людей,

„сожженныхъ пушечнымъ огнемъ.„ *(Сеэръ Мютахенъ.)* Салабутжунгъ, при этой помощи, предписалъ имъ для себя выгодный миръ, и, подъ защитою Бюсси, нѣсколько лѣтъ наслаждался спокойствіемъ.

Виновникъ всѣхъ этихъ успѣховъ, съ каждымъ днемъ, пріобрѣталъ болѣе и болѣе вліянія на умъ низама. Сверхъ превосходства своихъ способностей и своего войска, Бюсси не пренебрегалъ ничѣмъ, что могло поразить восточное воображеніе народа, посреди котораго находился. „Онъ „любилъ соединять азіятскую пышность „съ французскимъ изяществомъ: носилъ „парчевую одежду, украшенную шитьемъ, „шляпу съ галуномъ, черные бархатные, „богато вышитые башмаки. Онъ не иначе „являлся передъ народомъ, какъ въ клубинѣ огромнаго шатра футовъ тридцати „вышиною, въ которомъ могло помѣститься до шести сотъ человѣкъ: тамъ сидѣлъ „онъ въ креслахъ, украшенныхъ гербомъ „Короля Французскаго, на возвышеніи, ко-

»торое покрыто было ковромъ, вышитымъ »по алому бархату; по правую и лѣвую сто»рону сидѣли на стульяхъ человѣкъ двѣ»надцать главныхъ офицеровъ его. У вхо»да въ палатку стояли его европейскіе и »индійскіе тѣлохранители. За столомъ его »всегда подавали серебряную посуду трехъ »или четырехъ сервизовъ. Въ походахъ и »на смотрахъ онъ ѣздилъ на великолѣпномъ »слонѣ; ему предшествовала толпа поэтовъ »и музыкантовъ, прославлявшая его и но»вѣйшіе подвиги Французовъ, или пѣла »старинныя воинскія баллады*. » Его пышность, щедрость и великодушіе привлекли къ нему любовь народную, и теперь еще въ дюрбарахъ (гостиныхъ) гайдерабадскихъ съ восторгомъ разсказываютъ о блестящемъ дворѣ Бюсси.

Какъ патріотъ, Бюсси искусно и всегда въ пользу Франціи употреблялъ вліяніе, пріобрѣтенное сими средствами. По его ходатайству, Французской Компаніи уступлены

* Сеэръ Мютахеръ.

четыре важныя провинціи: Мустафа - Нагаръ, Эллоръ, Раджахмундри и Шикаколъ, при которыхъ, вмѣстѣ съ Мазулипатамомъ и Кондаверомъ, Французамъ принадлежали берега Коромандельскій и Орисскій. Эти области простирались въ длину на шесть сотъ миль до *Юггурнаутскаго* (или *Джуггурнаутскаго*) пагода, при средней ширинѣ шестидесяти миль, образуя неразрывный рядъ владѣній, защищенныхъ крѣпостями, граничащихъ съ моремъ и съ цѣпями непроходимыхъ горъ, въ самой промышленной и торговой странѣ Индіи, приносившихъ до 585,000 фунтовъ стерлинговъ (около четырнадцати милліоновъ франковъ) поземельнаго дохода; словомъ: Французы имѣли тогда во власти своей пространство земли, болѣе обширное, нежели какимъ кто-либо изъ европейскихъ народовъ владѣлъ до того времени въ Индіи. Этого мало: вліяніемъ Бюсси, они господствовали во всемъ Деканѣ, не возбуждая зависти въ низамѣ. Генералъ умѣлъ овладѣть браздами правленія, смѣнилъ

и опредѣлялъ набабовъ, раздавалъ, или отнималъ области даже у братьевъ субадара. Власть его была такъ-же неограничена, какъ и власть самого низама; она даже не зависѣла отъ послѣдняго, потому что утверждалась на тройкомъ основаніи: на боязни, на любви народа и на необходимости его услугъ. Еслибъ случилось — что̀ не было бы чрезвычайностью въ то время — еслибъ случилось вассалу завести распрю съ верховнымъ государемъ, то побѣда непремѣнно осталась бы на сторонѣ субадара. Бюсси, можно сказать, составлялъ собою цѣлую армію, и эта побѣда передала бы въ руки его весь Индостанъ. Тогда владычество Французовъ равнялось бы нынѣшнему владычеству Англичанъ. Что̀ Клейвъ, Уа̀рренъ Гастингсъ и Уэллеслей сдѣлали въ пятьдесятъ лѣтъ, то Дюплейксъ разгадалъ и осуществилъ въ кратковременное свое правленіе. Онъ предвидѣлъ возможность овладѣть всею Индіею; эта мысль была послѣднимъ предѣломъ его благород-

ной гордости, и онъ касался уже этого предѣла. Власть наша возвышалась тогда на колоссальномъ основаніи, такъ, что Англіи надлежало впослѣдствіи употребить пятьдесятъ лѣтъ усилій и побѣдъ для того, чтобъ стать на ту-же высоту. Какою-же несчастною судьбою это-время, полное надеждъ, сдѣлалось временемъ нашихъ утрятъ? Отвѣчаю: древу французскаго могущества, остановленному въ ростѣ своемъ, готовилась погибель въ вершинѣ его: слабость и разстройство правительства въ метрополіи, недальновидность и глупая алчность нашихъ купцовъ, остановили гигантское развитіе, сдѣлавшееся необходимымъ, и задушили насъ въ тѣсныхъ предѣлахъ, въ которыхъ невозможно было существовать.

Давно уже Британское правительство ходатайствовало при Французскомъ дворѣ о прекращеніи *несчастной* войны, въ которую вмѣшалась Англійская Компанія на Коромандельскомъ берегу. Съ своей стороны Фран-

цузская Остъ-Индская Компанія, имѣя въ виду непосредственную и исключительную продажу товаровъ своихъ и будучи не въ состояніи цѣнить огромныя выгоды, готовившіяся ей въ будущемъ, нетерпѣливо желала мира. Она начинала даже презирать Дюплейкса за то, что вовлекъ ее въ войну и не совѣтовалъ мириться. Англійская Компанія, замѣчая такое расположеніе и всего болѣе опасаясь превосходства этого государственнаго человѣка, поспѣшила воспользоваться обстоятельствами и поддержать нетерпѣніе своей соперницы, отказываясь отъ вступленія съ нею во всякія сношенія, пока французскій губернаторъ не будетъ удаленъ. Само Французское министерство или вдалось въ обманъ, или уступило своекорыстнымъ, неотступнымъ требованіямъ Англіи. Оно рѣшилось отозвать Дюплейкса, и, забывъ собственное свое достоинство, назначило ему въ преемники купца вмѣсто дипломата, Годегё, одного изъ директоровъ Французской Компаніи, избравъ его въ то-же

время и королевскимъ комисаромъ для переговоровъ о миръ.

Годегё, предубъжденный противъ Дюплейкса, зная дъла Индіи въ одномъ только коммерческомъ отношеніи и, по уму своему, не будучи въ состояніи понимать своего положенія, приготовленнаго ему предмъстникомъ, съ самаго прибытія своего, обнаружилъ столь сильное желаніе мира, что противникъ его, англійскій повъренный въ дълахъ, управлялъ имъ, какъ хотълъ, и заставилъ его согласиться на всъ предложенія. Переговоры шли съ такою быстротою, что некогда было внимательно вникнуть въ нихъ, и кончились временнымъ трактатомъ, утвержденнымъ впослъдствіи въ Европъ, на слъдующихъ условіяхъ: «Объ Компаніи никогда не будутъ вмъшиваться въ дъла внутренней политики Индіи; онъ отказываются отъ всякихъ почестей, отличій и должностей при туземныхъ государяхъ; всъ кръпости и провинціи, находящіяся во власти объихъ компа-

ній, возвращаются великому Моголу, исключая только принадлежавшія имъ прежде этой войны, т. е. что на Коромандельскомъ берегу Англичане удерживаютъ за собою Мадрасъ, крѣпость св. Давида и Девикоттахъ; Французы—Пондишери и Карикалъ. Владѣнія обоихъ народовъ должны быть основаны на совершенномъ равенствѣ правъ. Мазулипатамскій округъ будетъ раздѣленъ между ними. Наконецъ они обязываются имѣть не болѣе, какъ по четыре, или по пяти конторъ въ провинціяхъ Раджахмундри и Шикаколѣ, не пользуясь никакимъ поземельнымъ доходомъ, и устроить эти конторы такъ, чтобъ онѣ не вредили другъ другу.»

По этому *невѣроятному* трактату, Французы жертвовали всѣми, пріобрѣтенными до того времени, выгодами; Англичане-же удерживали за собою всѣ тѣ мѣста, за которыя тщетно сражались. Условіе—не вмѣшиваться въ дѣла внутренней политики, значило для Французовъ отказаться отъ достоинства Карнатикскаго набаба, а еще болѣе —

предать низама въ руки его непріятелей. Статья объ уравненіи правъ того и другаго народа лишала насъ прекраснѣйшихъ земель, незадолго предъ тѣмъ пріобрѣтенныхъ. «Едвали—говоритъ иронически англійскій «историкъ — какой-либо народъ пожер-«твовалъ когда нибудь своей любви къ «миру столь важными пріобрѣтеніями, какъ «Французы въ этомъ случаѣ.» * Дѣйствительно, безъ всякой причины, или видимой надобности, мы отказывались отъ власти, какъ посредственной, такъ и непосредственной, надъ 35,000,000 человѣкъ, въ провинціяхъ, равняющихся пространствомъ третьей части, а богатствомъ и народонаселеніемъ— половинѣ всей имперіи великаго Могола.

Вступивъ на этотъ путь низости и безчестья, французское остъ-индское правительство и тамошняя торговля не хотѣли тогда сойдти съ него. Дюплейксъ издержалъ по дѣламъ компанейской службы 13 милліоновъ, какъ собственныхъ своихъ денегъ,

* Полковникъ Уилкесъ (Wilkes).

такъ и занятыхъ имъ у друзей подъ свое ручательство. Годегё предоставилъ дѣло объ удовлетвореніи сего долга на судъ начальниковъ Французской Компаніи. Они рѣшили, что Дюплейксъ употребилъ всѣ эти издержки, не имѣя на то достаточнаго права, и подъ этимъ предлогомъ отказались отъ платежа; между тѣмъ получали огромные доходы, пріобрѣтенные искуснымъ употребленіемъ тѣхъ денегъ.

Несчастный патріотъ обратился къ правосудію своего отечества; но въ эти дни неправды, можно было или заставить молчать жертву, или заглушить ея вопли. Искъ, объявленный имъ на компанію, прекращенъ былъ по повелѣнію Короля; это значитъ, что не хотѣли даже разсматривать дѣла. Просьба его найдена смѣшною, услуги—баснословными, а самого его выдавали за презрѣннѣйшаго изъ людей. Въ теченіе десяти лѣтъ не хотѣли выслушать его; отобрали у него послѣднее небольшое имѣніе; неумолимые кредиторы угрожали ему тюрьмою; нако-

нецъ онъ умеръ въ крайней бѣдности, убитый неблагодарностью отечества, которое, до самой смерти его, не признавало заслуженной имъ славы. Но Франціи готовилось наказаніе за непризнаніе заслугъ человѣка, столь ревностно дѣйствовавшаго въ ея пользу: она скоро лишилась лучшей драгоцѣнности своихъ владѣній, которую Провидѣніе даровало генію одного изъ сыновей ея, но которую, въ мнѣніи своемъ, навсегда отняло у нея. Едвали есть примѣръ, чтобъ великое народное преступленіе такъ быстро наказано было небеснымъ гнѣвомъ, какъ на этотъ разъ. Не прошло шести лѣтъ, какъ у Франціи не осталось и клочка земли на богатой почвѣ Азіи, и на разрушенныхъ укрѣпленіяхъ Пондишери — этой прекрасной и гордой царицы Карнатика, развѣвалось уже знамя Англіи.

Но мы предупредили событія. Годегё, восхищенный своими дѣйствіями и прочнымъ основаніемъ, на которомъ утвердилъ онъ миръ, спѣшилъ возвратиться въ Европу.

Онъ не успѣлъ еще прибыть туда, какъ Англичане въ Индіи нарушили миръ, и увеличили свои земли новымъ завладѣніемъ и новыми завоеваніями. Чрезъ два года потомъ началась и война Французовъ съ Англичанами въ Европѣ. Франція, при обычномъ упорствѣ въ своихъ заблужденіяхъ, вмѣсто того, чтобъ снова поставить Дюплейкса на театръ его славы, послала туда, для довершенія своего упадка, того жалкаго Лалли, котораго надобно было-бы проклинать, еслибъ онъ не былъ такъ несчастливъ. Самый Парламентъ, осудивній его, не могъ отрицать его мужества и благородства души; но съ этими качествами, свойственными нашему народу, онъ соединялъ всѣ пороки наши: тщеславіе, вспыльчивость, мелочную зависть и всю надменность національнаго характера; чуждый политики Востока и упрямый до такой степени, что ничѣмъ не хотѣлъ заняться, что̀ требовало изученія; проникнутый идеями, заимствованными во Франціи, онъ смотрѣлъ на планы Бюсси,

какъ на мечты сумасшедшаго; на союзъ съ Деканскимъ субадаромъ, какъ на химеру, отъ которой ничего не ожидалъ. Одним изъ первыхъ движеній его было послать къ Бюсси приказъ, немедленно возвратиться въ Пондишери со всѣмъ войскомъ.

Бюсси не вѣрилъ своимъ глазамъ: онъ долго отказывался отъ исполненія приказа, и не могъ рѣшиться оставить несчастнаго государя, совершенно ему преданнаго, подчинившаго судьбу свою вліянію Франціи, и уступившаго ей одинъ изъ богатѣйшихъ престоловъ Индіи. Онъ представлялъ Лалли всѣ возможныя доказательства, умолялъ его сжалиться надъ участью Салабутжунга— сильнаго, если мы будемъ его подпорою, но который будетъ висѣть надъ бездною, если только мы удалимся отъ него. Напрасный трудъ! всѣ эти убѣжденія не имѣли никакой цѣны въ глазахъ упорной и гордой бездарности. Наконецъ, въ іюлѣ 1758 года, послѣдній рѣшительный приказъ принудилъ его исполнить волю генералъ-губернатора;

впрочемъ, Маркизъ де Конфланъ посланъ былъ на его мѣсто начальникомъ войска. Тогда Бюсси оставалось только объявить несчастному субадару объ ужасной беззащитности, которая ему готовилась. Напрасно утѣшалъ онъ его надеждою скоро воротиться: когда Салабутжунгъ узналъ о близкой разлукѣ своей съ Бюсси, единственною его подпорою, единственнымъ человѣкомъ, къ которому имѣлъ довѣренность, онъ залился слезами, называлъ его хранителемъ своего престола и жизни, и, въ отчаяніи своемъ, самъ предсказалъ угрожавшую ему погибель.

Въ одинъ изъ тѣхъ дней, когда перечитывалъ я эту возмутительную для патріотизма исторію нашихъ чрезвычайныхъ успѣховъ, нашихъ упорныхъ ошибокъ, нашего постыднаго и добровольнаго упадка, сѣлъ я, во время прогулки, на живописныя развалины литейнаго завода, нѣкогда построеннаго Бюсси въ нѣсколькихъ миляхъ отъ города, и обозрѣвая роскошныя поля, окру-

жавшія меня, и любуясь панорамою царственной Голькоиды, съ ея мечетями, минаретами и куполами—въ порывахъ пылкой, простодушной юности, которая заставляетъ насъ любить отечество, какъ любовницу — я готовъ былъ плакать, разсуждая, что всѣ эти дивныя провинціи навсегда утрачены для насъ; что столько мужества, славы и могущества пролетѣло, какъ метеоръ, не оставивъ другихъ слѣдовъ, кромѣ воспоминанія о нашихъ подвигахъ, великодушіи и благодѣяніяхъ, кромѣ отголоска двухъ великихъ именъ, Бюсси и Дюплейкса, уважаемыхъ народомъ и вызывающихъ иногда у него вздохъ сожалѣнія изъ глубины сердецъ. Несчастное, всѣмъ жертвующее стремленіе къ миру, къ чему привело ты насъ? Что сдѣлало ты съ нашими завоеваніями, нашими богатыми владѣніями, нашими 35-ю милліонами индійскихъ подданныхъ, съ этими многочисленными пристанями, откуда истекали для насъ сокровища богатой Азіи? Неужели все это утрачено безъ возврата?—

Да, это было справедливымъ для насъ наказаніемъ, въ самую постыдную эпоху нашей исторіи, нашего усыпленнаго правительства, которое хотѣло покоиться въ позорной тѣни парка оленей; но которому шумъ индійскихъ событій не давалъ покоя, и оно отвергало дѣянія генія, наказывало его за заслуги отечеству и томило нищетою.—Министры, управляющіе нынѣ дѣлами Франціи! если правда, что вы увлекаетесь еще все тою-же химерою — дружбою Англіи, пріобрѣтаемою великими пожертвованіями— воспользуйтесь исторіею минувшаго, и сойдите съ этого пагубнаго пути! Прочтите, въ горькой ироніи англійскаго историка прошедшаго столѣтія, сужденіе, которое сама Англія готова произнести объ насъ, и берегитесь, останавливая порывы наши, чтобы потомство не выгравировало и вашихъ именъ, рядомъ съ именами Дюбуа и Флёри, на страницѣ нашего стыда и нашихъ несчастій. Не забывайте героическихъ словъ Клейва: »Не иначе, какъ

»держась одною рукою за рукоять своей »сабли, народъ можетъ протянуть другую »руку народу великодушному; но если по»слѣдній увидитъ, что вы унижаетесь, онъ »броситъ на васъ взоръ презрѣнія, и раз»давитъ васъ.»

Удаленіе Бюсси было несомнѣннымъ предвѣстникомъ погибели субадара, который, по робости и кротости характера, не могъ, безъ его поддержки, усидѣть на столь шаткомъ престолѣ. На этотъ разъ ему готовился ударъ въ кругу собственнаго своего семейства. У слабаго Салабутжунга было два младшихъ брата: пока Бюсси, опытный въ политикѣ Востока, первенствовалъ въ совѣтѣ, онъ роздалъ имъ обширныя помѣстья, соотвѣтствовавшія ихъ сану, но не предоставлялъ имъ никакой власти. Нѣсколько мѣсяцевъ до рѣшительнаго удаленія Бюсси, когда онъ отлучился на нѣкоторое время для изгнанія Англичанъ изъ сѣверныхъ Сиркарахъ, неблагоразумная политика одержала верхъ при дворѣ

субадара, и молодые царевичи получили отъ щедротъ своего брата по области во владѣніе. Старшему, Бассалутжунгу, досталась Адонійская; второму и опаснѣйшему, Низамъ-Али—Берарская область, обширная и богатая провинція, часть которой занята была тогда Мараттами. Но гордость Азіятца ненасытима. Лишь только Низамъ-Али вступилъ въ управленіе назначеннымъ ему удѣломъ, какъ тотчасъ-же, пользуязь робостью субадара и приверженностью войска, объявилъ себя независимымъ государемъ, оставляя брату своему одну тщетную наружность монархической власти. Бюсси, увѣдомленный о случившемся, правда, поспѣшно возвратился, изгналъ похитителя престола, и снова принялъ на себя управленіе дѣлами. Но въ то время, какъ возстановлялъ онъ единодержавіе, получилъ роковой приказъ Лалли, который удалялъ отъ субадара, въ самую критическую для него минуту, единственную опору его. Послѣдствіе этого удаленія легко было предвидѣть:

скипетръ непремѣнно долженъ былъ вторично перейдти изъ рукъ слабаго Салабутжунга къ надменному и безпокойному брату его, который, безъ сомнѣнія, воспользуется подпорою нашихъ соперниковъ на политической сценѣ и нашихъ враговъ на полѣ битвы въ Индіи. И такъ, все наше вліяніе—это зданіе, дѣятельно нами сооруженное — готово было разрушиться, или перейдти къ Англичанамъ.

Бѣдный Салабутжунгъ, привыкнувъ во всемъ полагаться на Французовъ, самъ предвидѣлъ погибель свою со времени ихъ удаленія. Союзъ съ Англичанами могъ бы еще спасти его: онъ сдѣлалъ послѣднее усиліе соединиться съ ними, и, 14 мая 1759 года, подписалъ первый трактатъ, по которому предоставлялъ соперникамъ нашимъ, въ полную собственность, Сиркарскія провинціи, уступленныя нѣкогда Бюсси, но утраченныя Маркизомъ де Конфланъ въ Педдинорской битвѣ. Онъ обязывался даже удалить отъ себя небольшой отрядъ французскихъ во-

лонтеровъ, находившихся у него въ службѣ, съ тѣмъ чтобъ они, менѣе, нежели въ двѣ недѣли, перешли за Кришну, и не позволять Французамъ имѣть какія-либо заведенія въ его владѣніяхъ. Но всѣ эти пожертвованія самыми драгоцѣнными для него предметами были безполезны: Англичане, по тогдашнему положенію своему, не могли подать ему никакой помощи; потому что сами они вели уже переговоры съ Низамомъ-Али. Принимая выгоды, имъ предоставляемыя, они не хотѣли однако-же вмѣшиваться въ распрю двухъ братьевъ. Съ тѣхъ поръ Салабутжунгу оставалось только сойдти съ престола въ тюрьму, открытую для него милосердіемъ Низама-Али. Чрезъ нѣсколько дней покорился онъ волѣ брата; но несчастная звѣзда преслѣдовала его и въ этомъ убѣжищѣ. Въ трактатѣ 1763 года, прекратившемъ войну Франціи съ Англіею, Салабутжунгъ, довольно долгое время лишенный престола, названъ, по неосмотрительности, субадаромъ Декана. Эта ошибка, сдѣланная въ

Парижъ редакторомъ трактата, была гибельна для несчастнаго: титулъ, приданный брату, ожесточилъ Низама-Али, который немедленно казнилъ его. Впродолженіе тринадцати лѣтъ, это былъ третій царствовавшій государь, не считая искателя той-же короны, погибшаго насильственною смертью.

Вмѣстѣ съ Салабутжунгомъ прекратилось и вліяніе монархической Франціи на судьбу Гайдерабадскаго государства. Съ этого времени начинается второй періодъ слабости и внѣшнихъ войнъ, въ которыхъ снова появляются Французы, но уже въ качествѣ странствующихъ рыцарей, простыхъ искателей приключеній, стремящихся къ славѣ и богатству.

Продолжительное царствованіе Низама-Али, неблагополучное для самого государя, было еще болѣе бѣдственно для народа, нежели предшествующая бурная эпоха. Низамъ-Али не имѣлъ однако-же недостатка ни въ умѣ, ни въ хитрости; но онъ не умѣлъ

вникнуть въ свое положеніе—не понималъ, что величайшею опасностью для него было вторженіе европейской цивилизаціи, существенно сильной и прочной, тогда какъ государства, распространяющіяся въ Индіи и состоящія изъ однихъ туземныхъ элементовъ, возникаютъ не иначе, какъ съ зародышемъ своего разрушенія. Ему слѣдовало бы чистосердечно соединить силы свои съ быстро возросшимъ могуществомъ Гайдеръ-Али противъ общихъ враговъ; но онъ увлекся ненавистью и презрѣніемъ къ этому необыкновенному генію, въ которомъ видѣлъ выходца и ничтожнаго человѣка. Долгое время притворствовалъ онъ то передъ Гайдеръ-Али, то передъ Англичанами, то передъ Мараттами, и держался въ равновѣсіи между этими тремя властями, попеременно подкрыляя себя двумя изъ нихъ; но для полнаго успѣха, ему недоставало тѣхъ качествъ, которыми отдѣльно отличался каждый изъ его соперниковъ — систематическаго ума Мараттовъ, энергіи и поли-

тической разсчетливости Гайдера, настойчивости и вѣроломства британскаго, которое не уважало никакими обязательствами. Вотъ почему, впродолженіе двадцати пяти лѣтъ, съ 1759-го до 1784-го года, всѣ мирные договоры клонились къ его утратамъ: каждая изъ воевавшихъ сторонъ, лишаясь, въ пользу другой, или своихъ сокровищъ, или какой нибудь области, въ вознагражденіе за то, выговаривала себѣ часть его владѣній. Такъ, Маратты присвоили большую часть Берара, Гайдеръ-Али взялъ себѣ весь Балагатъ, т. е. провинціи: Бѐллери, Кȯддапахъ, Гȧути и Ч̀иттельдругъ; Англичане, дѣйствіемъ своей дипломатіи при Делійскомъ дворѣ, похитили лучшую драгоцѣнность его короны, Карнатикъ, найдя средство отдѣлить его отъ Гайдерабадскаго субаба: новою граматою великаго Могȯла, которою уничтожалась данная Дюплейксу грамата, вся провинція эта рѣшительно обращалась въ ленную область императорской короны, подъ властію, впрочемъ, толь-

ко по имени, Аркотскаго набаба; наконецъ Англійская Компанія, по трактатамъ 1766 и 1768, взяла себѣ всѣ земли, остававшіяся у Низама-Али въ сѣверныхъ Сиркарахъ послѣ уступокъ, сдѣланныхъ въ 1759 году, то есть Шикаколъ, Эллоръ, Раджахмундри, Мустафа-Нагаръ, Кондапилли, Джагёръ и Гунтуръ, за которыя обязывалась платить ежегодную подать, сначала по 50,000, а впослѣдствіи по 70,000 фунтовъ стерлинговъ, но низамъ никогда не получалъ и шиллинга.

Причиною частыхъ переговоровъ Англичанъ съ низамомъ и наиболѣе постояннымъ предметомъ несогласій между ними былъ находившійся въ его владѣніяхъ небольшой отрядъ Французовъ, остатокъ арміи Бюсси, или, лучше сказать, искателей приключеній изъ разныхъ націй, около четырехъ сотъ человѣкъ, подъ начальствомъ Г. Лалли, племянника несчастнаго генерала того-же имени. Отрядъ этотъ состоялъ прежде въ службѣ у Бассалут-

жунга, брата низамова; но какъ скоро Компанія узнала объ немъ, то зависть ея была сильно возбуждена, и помощію настоятельныхъ требованій и даже угрозъ царевичу, ей удалось вытѣснить это войско изъ его службы. Однако-же цѣль ея все еще не была достигнута, потому что отрядъ тогда-же перешелъ къ самому Низаму-Али. Требованія Англичанъ усилились: они называли этотъ поступокъ нарушеніемъ трактатовъ 1766-го и 1768-го годовъ; потому что, для удаленія отъ низама всякаго предлога къ содержанію европейскихъ войскъ, Компанія обязалась присылать къ нему, при первомъ его требованіи, для устройства дѣлъ, вспомогательное войско, долженствовавшее состоять изъ двухъ батальоновъ сипаевъ и шести артиллерійскихъ орудій подъ начальствомъ европейцевъ; но низамъ совсѣмъ не желалъ такой услуги, отъ которой, какъ онъ предвидѣлъ, трудно было бы ему отдѣлаться. Послѣ переговоровъ, продолжавшихся нѣсколько лѣтъ,

низамъ рѣшился наконецъ удалить отъ себя отрядъ Французовъ. Но и тутъ Компанія ничего не выиграла, потому что небольшой отрядъ этотъ поступилъ въ службу къ Гайдеру, и, подъ его знаменами, рѣшительно содѣйствовалъ къ побѣдѣ надъ Англичанами въ Перимбаукумскомъ и Колерунскомъ сраженіяхъ, въ которыхъ арміи Бальи и Брайтвайта были наголову разбиты, исключая нѣсколькихъ человѣкъ, взятыхъ въ плѣнъ и спасенныхъ рыцарскимъ великодушіемъ Французовъ.

Новыя, еще болѣе несносныя требованія со стороны Англичанъ, заставили наконецъ Низама-Али заключить, въ 1780 году, единственный, благоразумный въ его жизни, наступательный и оборонительный союзъ съ Гайдеръ-Али и Мараттами. Начавшаяся потомъ жестокая война, подъ начальствомъ мужественнаго Майсорскаго султана, скоро довела Англичанъ до послѣдней крайности. Гайдеръ-Али съ огнемъ и мечемъ проникъ до самыхъ стѣнъ Мадраса. Для

Низама-Али наступила благопріятная минута возвратить все, похищенное у него Англичанами въ теченіе двадцати лѣтъ. Сѣверные Сиркары, оставшіеся совершенно беззащитными, представляли ему весьма легкую добычу; но у него, какъ и всегда, не было денегъ; невольникъ чувственныхъ наслажденій, онъ расточалъ на неистовыя забавы всѣ доходы своего государства, и когда наступило время дѣйствовать въ войнѣ, имъ же самимъ такъ живо возбужденной, ему нечѣмъ было платить войску, и оно не двигалось съ мѣста. Съ другой стороны, успѣхи Гайдеръ-Али и Типпу-Саиба сдѣлались предметомъ его зависти. Англичане не щадили обѣщаній, и предложили ему значительную сумму наличныхъ денегъ: онъ не устоялъ противъ этого искушенія; въ самую рѣшительную минуту отступилъ отъ союза, и обезсилилъ его. Слѣдствіемъ такого поступка былъ миръ, заключенный въ 1784 году; на этотъ разъ Компанія успѣла только согласить своихъ

противниковъ къ взаимному раздѣлу завоеваній.

По непостоянству политическихъ видовъ Низама-Али и по всегдашнему разстройству финансовъ, многолѣтнее царствованіе его есть не иное что, какъ длинный рядъ несчастій для гайдерабадскаго правительства, претерпѣвавшаго уронъ во всѣхъ войнахъ, въ которыя вовлечено было съ 1760 до 1790 года. Кто бы ни были его враги—Маратты, Англичане, или Майсорцы—результатъ одинъ и тотъ-же: утрата чести, владѣній и доходовъ; слѣдствіемъ было то, что оно ослабѣло извнѣ, и сдѣлалось жестокимъ противъ своего народа.

Съ 1784 до 1790 года, отношенія и взаимныя обязанности низама и компаніи остаются неопредѣленными. Гордость Англичанъ удерживается въ первыхъ предѣлахъ своихъ формальными предписаніями Парламента. Маратты заняты внутренними раздорами, а Типпу своими планами государственной организаціи. Благодаря такому

стеченію благопріятныхъ обстоятельствъ, гайдерабадское правительство шесть лѣтъ наслаждалось спокойствіемъ. Низамъ-Али, вмѣсто того, чтобъ воспользоваться симъ временемъ для приведенія въ порядокъ дѣлъ государственныхъ, съ новымъ неистовствомъ предавался своимъ удовольствіямъ. Подати, собираемыя съ народа, въ нѣкоторыхъ округахъ за пять лѣтъ впередъ, тратились на пышность и тщеславныя церемоніи двора, на блестящіе поѣзды, на шумные пиры, наче, на подарки баядеркамъ; а войску, неполучавшему заслуженнаго жалованья, позволялось жить грабежемъ. Министръ его, знаменитый Азимъ-Уль-Умрахъ котораго главная способность состояла въ умѣніи находить деньги тамъ, гдѣ всякой другой, на его мѣстѣ, не зналъ бы что́ дѣлать—истощалъ всѣ усилія своего генія для похищенія у государства, въ самое короткое время, едва не послѣднихъ средствъ существованія. Разстройство финансовъ доходило уже до страшнаго кризиса, и весь

механизмъ правительства готовъ былъ остановиться, какъ вдругъ Англичане предложили средство выйдти изъ этого затрудненія. Оно состояло въ наступательномъ и оборонительномъ союзѣ низама, компаніи и Мараттовъ для нападенія на Типпу, съ тѣмъ чтобъ раздѣлить между собою его владѣнія. Англійскому резиденту поручено было изобразить предъ низамомъ, самыми яркими красками, алчный и неукротимый характеръ Майсорскаго султана, его ненасытную гордость, его несмѣтное богатство. Онъ живо представилъ ему всѣ выгоды предлагаемаго союза, обѣщалъ равную часть въ добычѣ, взаимное обезпеченіе владѣній и возвращеніе всего того, что Гайдеръ-Али и Типпу похитили у него. Азіятское правительство, особливо въ подобномъ положеніи, не въ силахъ было устоять противъ столькихъ искушеній. Трактатъ былъ заключенъ 4 іюня 1790 года; условились отнюдь не мириться отдѣльно, и заставить непріятеля заплатить всѣ издержки на войну.

Послѣ перемѣнныхъ успѣховъ, побѣда осталась на сторонѣ союзниковъ, и военныя дѣйствія прекращены были мирнымъ договоромъ 19 марта 1792 года, по которому низамъ пріобрѣлъ всѣ земли между Кришною и Пеннаромъ, приносившія 526,400 фунтовъ стерлинговъ (около четырнадцати милліоновъ франковъ) ежегоднаго дохода.

Въ союзѣ съ низамомъ Англичане имѣли въ виду болѣе неутралитетъ, нежели содѣйствіе съ его стороны; потому что войско его, совершенно разстроенное, не могло оказать имъ никакой услуги. Между тѣмъ, въ той же самой войнѣ, имя Француза, еще разъ во всемъ блескѣ своемъ, является подъ гольконденскими знаменами. «Геній Бюсси, по-видимому, одушевлялъ «единоземцевъ его въ Индіи. Политическое «вліяніе Франціи было уничтожено; но на «полуостровѣ оставалось много Францу-«зовъ, которые, почти всѣ, поступили въ «службу къ туземнымъ государямъ. Ли-«шенные всякой внѣшней поддержки, не-

»имѣя, кромѣ сабли, никакого другаго сред-
»ства къ существованію, но храбрые, смѣ-
»лые, свѣдущіе въ военной тактикѣ, рас-
»положенія духа, обыкновенно веселаго,
»легко примѣняющіеся къ чужеземнымъ
»обычаямъ, эти искатели приключеній сдѣ-
»лались, во многихъ отношеніяхъ. полез-
»ными и необходимыми для того, кто упо-
»треблялъ ихъ. По уклончивости своей,
»характеръ Французовъ превосходно от-
»вѣчалъ этой роли, которой Англичане не
»выполнили бы такъ хорошо.*» Въ службѣ
у низама постоянно находилось нѣсколько
человѣкъ Французовъ; также у Типпу-Саи-
ба и у маратскихъ государей; наши едино-
земцы начальствовали у нихъ въ битвахъ,
поддерживали и ободряли ихъ. Нѣкоторые
изъ этихъ смѣлыхъ воиновъ иногда съ успѣ-
хомъ противодѣйствовали всему британ-
скому могуществу. Таковы были Лалли,
де Буанъ, Перронъ, которые у индійскихъ
государей значили то-же, что въ наше вре-

* Barchou de Penhoen.

мя генералы Алларъ и Вентура у Рунджитъ-Синга.

Въ союзной войнѣ противъ Типу, изъ всей низамовой арміи одинъ небольшой отрядъ отличался искуствомъ и храбростью: то были два батальона регулярной инфантеріи, обученные по-европейски—оба подъ начальствомъ французскаго офицера, по имени Раймона. Въ каждомъ было тогда не болье трехъ сотъ человѣкъ, но и тотъ и другой быстро увеличились послѣ Серингапатамскаго похода. Чрезъ три года потомъ, въ 1794 году, въ войнѣ низама съ Мараттами, мы находимъ уже двадцать три батальона, организованныхъ по тому-же образцу, и при нихъ двѣнадцать пушекъ. Начальникъ ихъ, Раймонъ — человѣкъ искусный и хитрый, соединявшій самые замѣчательные таланты съ привлекательными общежительными качествами и съ пріемами самыми пріятными — умѣлъ, въ одно и то-же время, снискать и милость государя, и уваженіе главныхъ царедворцевъ, и любовь

войска, простиравшагося до 14,000 человѣкъ. Для обезпеченія арміи жалованьемъ и содержаніемъ, онъ испросилъ въ собственное свое распоряженіе округъ, приносившій до 18 лаковъ рупій (до 5,000,000 франковъ) ежегоднаго дохода.

Наступило время, въ которое правительство компаніи не могло спокойно видѣть положеніе этого иностранца. Напрасно употребляло оно всѣ средства удалить его: началось тѣмъ, что многіе искатели приключеній изъ Англичанъ пытались заступить его мѣсто, но безъ всякаго успѣха; имъ недоставало той любезности, той привлекательности пріемовъ, которая, по-видимому, несогласна съ ихъ природою. При всѣхъ усиліяхъ своихъ, они не нравились. Дипломатическія убѣжденія были такъ-же безуспѣшны; по причинѣ безпрестанно возрастающаго могущества и гордости Англичанъ, низамъ, въ душѣ своей, отдавалъ тайное предпочтеніе Французамъ, находившимся тогда у него въ службѣ. Послѣдніе

были ему всѣмъ обязаны, безусловно отъ него зависѣли, изъявляли ему совершенную приверженность, и дѣйствительно были ему преданы. Но въ Раймонѣ господствовалъ патріотизмъ; онъ спѣшилъ насадить древо свободы передъ дворцомъ самого государя, и не скрывалъ желанія привести владѣнія низама подъ покровительство своего отечества и подчинить власть его политическому вліянію Французской республики. Не смотря на то, батальоны его, съ республиканскими цвѣтами на знаменахъ и съ шапкою свободы на мундирныхъ пуговицахъ, тѣмъ не менѣе составляли избранное и довѣренное войско низама. Раймонъ, сколько могъ, далеко ушелъ впередъ по слѣдамъ Бюсси, котораго выбралъ себѣ руководителемъ, и нѣтъ сомнѣнія, что малѣйшаго подкрѣпленія европейскою силою было-бы ему достаточно для поколебанія всего англійскаго могущества. Но Франція, вовлеченная въ исполинскую борьбу съ Европою, терзаемая судорожными припадками рево-

міціи, въ то время не могла заниматься столь отдаленными выгодами. И такъ, случай овладѣть Индіею еще разъ удалился отъ нея съ жизнію Раймона, который умеръ въ концѣ 1797 года, на высшей степени своего вліянія, почти обожаемый Индусами и музульманами. Онъ былъ послѣднимъ облакомъ, затемнявшимъ звѣзду Англіи: послѣ того, она уже въ полномъ блескѣ, одинокая, господствовала на безоблачномъ небѣ Индіи.

Изъ всѣхъ Французовъ, служившихъ подъ начальствомъ Раймона, ни одинъ, къ сожалѣнію, не былъ въ состояніи заступить его мѣсто и пріобрѣсть такую же, какъ онъ, довѣренность низама и любовь народа. Послѣ того встрѣтили они, при Гайдерабадскомъ дворѣ, опаснаго соперника, капитана Киркпатрика, отличнаго дипломата, поддерживаемаго полною довѣренностію новаго генералъ-губернатора Лорда Уэллеслея. Послѣдній, глубоко проникнутый опасеніемъ всякаго посторонняго влі-

нія на владычество Англичанъ, поручилъ резиденту употребить всѣ усилія къ соглашенію низама распустить французское войско. Сначала повелитель Гайдерабада ни подъ какимъ видомъ не соглашался на это, но тревожимый, съ одной стороны, Типпу-Саибомъ, съ другой Мараттами, и видя, что самые сыновья возстаютъ на него, онъ легко повѣрилъ наконецъ, что ему оставалось одно только средство уменьшить опасность—отдаться въ руки Англичанъ. И такъ, въ минуту душевной тревоги, рѣшился онъ подписать трактатъ 1-го сентября 1798 года—роковая мѣра, которая, можетъ быть, спасла ему жизнь, но навсегда уничтожила независимость его государства.

Трактатомъ этимъ Компанія обезпечивала неприкосновенность его владѣній и обѣщала ему свое покровительство противъ внѣшнихъ враговъ его, козней собственнаго его семейства, или противъ возмущенія подданныхъ; но за то низамъ при-

нималъ слѣдующія три условія, отдававшія его корону и династію во власть Англичанъ.

1-е. Вмѣсто двухъ англійскихъ батальоновъ, которые воленъ онъ былъ или принять, или отказаться отъ нихъ въ силу прежнихъ трактатовъ, низамъ обязывался постоянно содержать шесть такихъ батальоновъ съ соразмѣрнымъ тому числомъ артиллеріи и военныхъ припасовъ.

2-е. Для удовлетворенія жалованьемъ этой арміи, которая должна была всегда находиться въ его владѣніяхъ подъ именемъ вспомогательнаго войска, обѣщалъ онъ выдавать ежегодно 241,700 фунтовъ стерлинговъ (6,042,500 франковъ).

3-е — самое оскорбительное условіе: онъ обязывался исключить изъ своей службы французское войско, и выдать офицеровъ Англичанамъ.

Корпусъ этотъ, состоявшій, какъ мы видѣли, изъ 14,000 человѣкъ, могъ воспроти-

виться. Но взяты были всѣ предосторожности: шесть англійскихъ батальоновъ соединились въ Гайдерабадѣ къ 10$^{-му}$ октября, такъ, что никто не зналъ о прибытіи ихъ; но когда наступило время объявить измѣну, низамъ, въ угрызеніяхъ совѣсти и въ тайномъ страхѣ, бѣжалъ съ своимъ министромъ. Англійскій резидентъ отправился вслѣдъ за нимъ, уговаривалъ, ободрялъ его, и тотъ отдалъ наконецъ роковой приказъ. Французскіе офицеры офиціально получили чистую отставку; въ то-же время сипаямъ велѣно было сложить съ себя оружіе подъ опасеніемъ наказанія въ случаѣ неповиновенія; солдатъ щедро надѣлили деньгами —мѣра, къ сожалѣнію, всегда благонадежная у Азіятцевъ. Имъ обѣщано продолженіе прежняго жалованья, и они добровольно сняли съ себя оружіе, согласились даже арестовать своихъ офицеровъ, которыхъ захватили въ ту-же ночь и выдали Англичанамъ. Должно однако-же замѣтить, что, кромѣ этой непріятности, французскимъ

офицерамъ не сдѣлано никакого оскорбленія: имъ сполна выдали жалованье, оставили имъ все имущество; многимъ предоставили даже право вступить въ компанейскую службу подъ присягою Англіи; нѣкоторые воспользовались этимъ правомъ; другимъ позволили возвратиться во Францію, и съ того времени прекращается всякое французское вліяніе.

Этотъ рѣшительный переворотъ былъ послѣднимъ судорожнымъ движеніемъ, послѣднимъ вздохомъ Гайдерабадской монархіи; послѣ того она была уже не иное что, какъ трупъ въ рукахъ Англійской Компаніи, управлявшей всѣми ея движеніями. Низамъ и преемники его исчезаютъ во мракѣ гарема, тогда какъ британскіе резиденты безпрерывно продолжаютъ, болѣе или менѣе явнымъ образомъ, смотря по надобностямъ англійской политики — играть роль палатскихъ меровъ. Это первое примѣчательное событіе, отличающее третій періодъ Гайдерабадской исторіи — періодъ протектор-

ства Англіи и постепеннаго разрушенія монархіи.

Когда кончились всѣ эти распоряженія, и низамъ остался навсегда прикованнымъ къ торжественной колесницѣ Англіи, первымъ попеченіемъ генералъ-губернатора было — дать англійскую организацію арміи этого государя, и сдѣлать ее новымъ орудіемъ для наложенія цѣпей на независимость государства. Для этой цѣли онъ замѣнилъ уволенныхъ французскихъ офицеровъ компанейскими, и выбралъ военачальникомъ роднаго брата своего, полковника *Уэллеслея*, сдѣлавшагося впослѣдствіи знаменитымъ подъ именемъ Герцога Веллингтона. Дѣйствительно, въ началѣ слѣдующаго 1799 года, корпусъ, посланный низамомъ, состоявшій изъ 12,000 человѣкъ (6,000 пѣхоты изъ прежней Раймоновой бригады и 6000 кавалеріи), подъ начальствомъ полковника Артура *Уэллеслея*, оказалъ важныя услуги Компаніи въ войнѣ противъ Типпу. Корпусъ этотъ особенно отличился въ Мала-

виллійской битвѣ, подъ командою генерала Гарриса, и при осадѣ Серингапатама 4 мая 1799 года.

Въ награду за это содѣйствіе Низамъ-Али получилъ завоеванныя у Типпу области: Бѐллери, Гáути и Кòддапахъ; также всѣ земли между Анагаунди и рядомъ крѣпостей: Читтельдругъ, Сера, Пондидругъ и Коларъ, исключая однако-же эти крѣпости, которыя слишкомъ бы сильно защищали границу его противъ Англичанъ.

Мы видѣли, что, по трактату 1798 года, низамъ обязался содержать на свой счетъ довольно многочисленное вспомогательное англійское войско; но издержки, которыхъ оно требовало, были огромны сравнительно съ государственными его доходами, и обстоятельство это, на слѣдующій же годъ, сдѣлалось предметомъ безпокойствъ генералъ-губернатора. Съ одной стороны боялся онъ прихотей ума слабаго и шаткаго, съ другой — недостатка ресурсовъ въ го-

сударствѣ, ежедневно болѣе и болѣе бѣднѣющемъ отъ безпорядка и расточительности правительства, въ полномъ смыслѣ *восточнаго* во всѣхъ отношеніяхъ. Надлежало найдти обезпеченіе противъ несостоятельности, которая со дня на день увеличивалась и, по ходу дѣлъ, не могла не возобновляться съ каждымъ годомъ. Изобрѣтательный умъ Уэллеслея и въ этомъ случаѣ не измѣнилъ ему, внушивъ самое удобное средство выйдти изъ затрудненія—средство, по-видимому, очень простое, но важное по своимъ громаднымъ послѣдствіямъ: оно состояло въ предложеніи низаму ликвидаціи, единожды навсегда, долга его Компаніи рѣшительною уступкою части земель, которая бы доходомъ съ нея достаточно покрывала всю должную имъ сумму. Тогда Компанія, получая доходъ, сама содержала бы вспомогательную армію, а гайдерабадское правительство избавилось бы, такимъ образомъ, отъ весьма тяжкаго для него бремени.

Вслѣдствіе сего предложенія, подписанъ былъ 12 октября 1800 года, заключенный между низамомъ и генералъ-губернаторомъ, договоръ, послужившій впослѣдствіи образцомъ для всѣхъ системъ вспомогательнаго правленія. Вотъ его содержаніе:

1. Наступательный и оборонительный союзъ между двумя властями.

2. Компанія принимаетъ на себя всякую военную защиту союзнаго государства, какъ противъ внутреннихъ враговъ—въ случаѣ возмущенія подданныхъ, такъ и противъ внѣшнихъ непріятелей. На сей конецъ она обязывается содержать, въ распоряженіи низамскаго правительства, отрядъ войска, достаточный для отклоненія всякаго неожиданнаго нападенія (около десяти тысячь человѣкъ — пѣхоты и конницы), который, для бо́льшей безопасности, будетъ квартировать у воротъ самой столицы. Издержки на этотъ предметъ должны быть покрываемы обязанною стороною, т. е. низа-

момъ. Въ намѣреніи избавить союзное правительство отъ тягостнаго для него, по положенію финансовъ, бремени—Компанія принимаетъ отъ низама, какъ окончательную ликвидацію всѣхъ долговъ его, въ вѣчное владѣніе свое часть земель, приносящую соразмѣрный тому доходъ. (Земли эти состояли изъ участка, доставшагося низаму въ добычу отъ Типпу-Саиба по трактатамъ 1792-го и 1799-го, то есть, всѣ богатыя провинціи, означаемыя нынѣ на англійскихъ географическихъ картахъ подъ именемъ *уступленныхъ областей*, *ceded Districts*, въ которыхъ главнымъ мѣстопребываніемъ начальства служитъ Бѐллари, а важнѣйшіе города: Гàути и Кòддапахъ). Этимъ размѣномъ Англичане доказали, что они невсегда точны въ своихъ ариѳметическихъ выкладкахъ: содержаніе вспомогательнаго войска полагалось въ 241,700 фунтовъ стерлинговъ, тогда какъ доходъ съ земель, уступленныхъ Компаніи, простирался до 803,641 ф. ст.; и такъ, сдѣлка

эта приносила ей, по крайней мѣрѣ, 300 процентовъ чистаго дохода.

3. Низамъ, съ своей стороны, обязывается содержать, на свой счетъ, резервный корпусъ регулярнаго войска, обученнаго компанейскими офицерами, состоящаго исключительно подъ ихъ начальствомъ и специально назначеннаго для охраненія спокойствія внутри его владѣній, но долженствующаго, въ случаѣ нужды, идти на помощь къ его вѣрнымъ союзникамъ. Войско это несомнѣнно принадлежитъ ему, потому что оно набрано его именемъ и получаетъ жалованье изъ его казны; между тѣмъ приказы государя отдаются ему не иначе, какъ чрезъ посредство англійскаго посланника или резидента, который передаетъ ихъ, чрезъ военнаго секретаря своего, англійскимъ командирамъ разныхъ батальоновъ.

Понятно, какую выгоду представляетъ этотъ трактатъ низаму, обязавшемуся содержать на свой счетъ, какъ посредственно,

такъ и непосредственно, двѣ англійскія арміи, расположенныя въ его владѣніяхъ, подъ начальствомъ британскаго резидента, назначеннаго Компаніей и поселившагося у воротъ его столицы, съ особеннымъ порученіемъ отъ своего начальства наблюдать за всѣми его дѣйствіями и движеніями.

Въ замѣнъ столь великодушной протекціи, низамъ отказывается отъ всякаго союза съ другими государствами, кромѣ Компаніи, какъ внутри, такъ и внѣ Индіи, и навсегда обѣщается не иначе входить въ сношенія съ какою бы то ни было властію, какъ при посредствѣ Англичанъ. Онъ обязывается отдавать на судъ Компаніи всѣ споры съ своими сосѣдями и подчиняться ея рѣшенію; словомъ: простираетъ отрѣченіе свое до такой степени, что соглашается даже принимать совѣты отъ резидента, или отъ Калькутскаго генералъ-губернатора, относительно всѣхъ важныхъ вопросовъ по внутреннему управленію—совѣты, которые, какъ можно себѣ представить, равносильны

предписаніямъ. За всѣ эти уступки низаму позволяется дѣйствовать самодержавно по части административной или по части мѣстнаго правосудія, избирая своихъ чиновниковъ и придворныхъ. Онъ, по собственному усмотрѣнію, собираетъ доходъ съ своихъ владѣній, и можетъ располагать имъ какъ угодно, выдавъ напередъ сумму на содержаніе резервнаго войска, которая и должна своевременно поступить въ кассу резидента.

Послѣдняя сдѣлка эта, по-видимому, служила большимъ пособіемъ гайдерабадскому правительству: дѣйствительно, оно приняло на себя только содержаніе резервной арміи, простиравшейся, впрочемъ, до 12,000 человѣкъ, и дѣятельное покровительство Компаніи избавляло его отъ содержанія нерегулярнаго войска. Но одна эта резервная армія, которой жалованье опредѣлено и обезпечено было британскимъ правительствомъ, требовала столь значительныхъ издержекъ, что государственные доходы, съ большими

недоимками поступавшие въ казну, едва могли покрывать ихъ. Низамъ не въ правѣ уменьшить комплектъ резервной арміи; онъ, еслибъ и могъ, не смѣлъ бы сдѣлать этого, потому что, со времени послѣднихъ измѣненій въ трактатѣ, Компанія, подчинивъ своему управленію, или покровительству, всѣ сосѣдственныя Гайдерабаду земли, себѣ одной предоставила право уменьшать, по своему усмотрѣнію, число вспомогательнаго войска, котораго комплектъ разсчитанъ съ возможною точностью для собственной ея безопасности и для поддержанія ея администраціи. Слѣдовательно, съ этой стороны, невозможно сократить расходы. То же самое можно сказать и о содержаніи низамова двора, составленнаго изъ безпокойнаго дворянства безъ дохода и должностей: путь въ военную службу ему прегражденъ, а всѣ выгодныя и почетныя мѣста въ государствѣ заняты Европейцами, или людьми, отъ нихъ же назначенными. Такимъ образомъ низамъ поставленъ въ необходи-

мость обременять подданныхъ налогами, тѣмъ болѣе тягостными, что онъ хочетъ еще удовлетворять своимъ порокамъ и страстямъ, не имѣя уже никакой побудительной причины обуздывать или скрывать ихъ. Подчиненный управленію союзниковъ, государь этотъ не считаетъ болѣе нужнымъ искать любви подданныхъ, потому что не имѣетъ надобности въ ихъ пособіи противъ нападеній своихъ сосѣдей, да и отъ внутреннихъ возмущеній онъ охраненъ штыками чужеземцевъ. «Всякое стремленіе «къ единству выгодъ между государемъ и «народомъ, по необходимости, должно ис«чезнуть; не имѣя никакой нужды въ об«щественномъ уваженіи, онъ поступаетъ «съ своимъ государствомъ почти какъ съ «завоеванною землею, и похищаетъ у него «все, что́ только алчность можетъ заста«вить его пожелать.» (Mills).

Съ этой эпохи до нашего времени исторія Гайдерабадскаго государства представляетъ рядъ происшествій, свидѣтельствую-

щихъ о разрушеніи его, болѣе или менье быстромъ, смотря по состоянію политической атмосферы и согласно съ видами, болѣе или менье честолюбивыми, генералъ-губернатора, управляющаго дѣлами Индіи.

VII.*

ПОСЛѢДСТВІЯ СИСТЕМЫ ВСПОМОГАТЕЛЬНАГО ПРАВЛЕНІЯ.—НАЗНАЧЕНІЕ МИНИСТРА.—ХАРАКТЕРЫ МИРЪ-АЛУМА И ШАНДУЛАЛА.—ПЕРЕПИСКА СЭРА ГЕНРИ РОССЕЛЯ СЪ ОБЩЕСТВОМЪ ДИРЕКТОРОВЪ.

«Въ длинномъ и безпрерывномъ ряду постыдныхъ дѣлъ и несчастій невозможно съ точностью опредѣлить начало того или другаго безпорядка. Для правительства потеря чести есть потеря силы. Ему нельзя унизиться съ одной стороны, не преклоняясь въ то же время съ другой. Чѣмъ болѣе ослабѣваетъ оно, тѣмъ болѣе дѣлается корыстолюбивымъ, и одно зло, по какому-то роковому направленію, влечетъ за собою

* Почти вся эта глава извлечена изъ письма сэра Генри Росселя въ Общество Директоровъ. С. [illegible]

другое. Нѣтъ однако-же сомнѣнія, что большая часть злоупотребленій и бѣдствій, терзающихъ нынѣ сіе государство, имѣетъ свое начало, или гибельное развитіе, въ безразсудномъ и расточительномъ царствованіи Низама-Али и въ тиранническомъ, хищномъ и непредусмотрительномъ правленіи его любимца Азимъ-уль-Умраха. Забавы Низама-Али, хотя ничтожныя до послѣдней степени, стоили невѣроятныхъ расходовъ, и главнымъ предметомъ долголѣтней жизни его министра было, по видимому—находить деньги для удовольствій государя, и отвлекать его отъ всѣхъ заботъ правительственныхъ. Полагаясь на союзъ Англичанъ и на защиту ихъ противъ всѣхъ и каждаго, Азимъ-уль-Умрахъ, всѣми возможными средствами, собиралъ деньги съ государства, и нисколько не думалъ о бѣдствіяхъ и страданіяхъ жителей. Индійцы едвали не менѣе всѣхъ другихъ народовъ способны къ нарушенію уваженія, должнаго умершимъ; но когда умеръ этотъ царедворецъ,

въ 1804 году, то весь народъ гайдерабадскій измѣнилъ своему характеру и азіятскому своему достоинству, и до самой могилы преслѣдовалъ трупъ проклятіемъ и ругательствами.»

Въ одной изъ статей трактата, какъ мы видѣли, низаму предоставлено было право дѣйствовать самодержавно по части административной, или по части мѣстнаго правосудія, опредѣляя министровъ и чиновниковъ. Но съ 1804 года (по смерти Азимъ-уль-Умраха, который пережилъ своего государя Низама-Али, скончавшагося 6 августа 1803 года), и сія принадлежность монархической власти осталась однимъ пустымъ звукомъ и лишилась уваженія. Не смотря на сопротивленіе, изъявленное молодымъ Низамъ-Секундеръ-Джахомъ, сыномъ и преемникомъ Низама-Али, Миръ-Алумъ, вѣрный клевретъ Англичанъ, сдѣланъ былъ министромъ по деспотическому повелѣнію генералъ-губернатора. Послѣдствія этого вмѣшательства посторонней вла-

сти были бѣдственны для государя и для народа. Миръ-Аллумъ былъ человѣкъ необыкновенный. Изъ всѣхъ Индійцевъ того времени, можетъ быть, онъ одинъ понятіями своими наиболѣе приближался къ силѣ и обширности ума европейскаго. Одаренный неоспоримою способностью къ дѣламъ, онъ однимъ взглядомъ обнималъ сущность ихъ, когда они были ему представляемы; но онъ не имѣлъ тѣхъ качествъ сердца, которыми нерѣдко замѣняются самыя высокія способности ума. Онъ былъ гордъ, мстителенъ, безъ жалости и безъ упрековъ совѣсти, неспособенъ помнить благодѣяніе, или забывать оскорбленіе. Притворяясь сострадательнымъ и стараясь привлечь къ себѣ народъ, онъ удалялся отъ подобныхъ себѣ въ общественной и частной жизни. По своему положенію и способностямъ, онъ могъ бы сдѣлать болѣе добра отечеству, нежели всѣ предшественники и преемники его; между тѣмъ онъ усилилъ много злоупотребленій, не устранивъ ни одного;

возвысилъ налоги, и безъ того уже раззорительные, до 6-ти процентовъ въ свою собственную пользу, и все время правленія своего употребилъ на безпрерывную борьбу съ властію молодаго низама, раздражая дурныя природныя наклонности его ежедневными противодѣйствіями и оскорбленіями, за которыя мстить не позволялось.

Слѣдствіемъ такой ненависти было совершенное разстройство слабаго отъ природы ума низамова. Онъ представлялъ собой странную и мрачную смѣсь глупости, злости, тонкости, хитрости, прихотей и упрямства, обнаруживая постоянство въ одномъ только отношеніи—въ глубокой ненависти къ Англичанамъ, въ безотчетномъ, слѣпомъ отвращеніи ко всякой мѣрѣ, отъ нихъ происходящей, хотя и выгодной для него самого. Такое расположеніе въ особенности обнаружилъ онъ по смерти Миръ-Алума, послѣдовавшей въ 1808 году. Когда надлежало выбирать ему преемника, то англійское правительство, въ избѣжаніе дурныхъ

послѣднiй отъ безпрестанной борьбы между низамомъ и его министромъ, на этотъ разъ предоставило выборъ на волю государя. Представились два кандидата: Мунеръ-уль-Мулюкъ и Шумсъ-уль-Умрахъ. Изъ нихъ низамъ сколько ненавидѣлъ перваго, столько любилъ втораго. Какъ скоро пледложили ему выборъ, то онъ не хотѣлъ объявить своей воли прежде, нежели Англичане подадутъ голосъ; писалъ къ генералъ-губернатору и просилъ у него совѣта; но получивъ извѣстiе, что тотъ держитъ сторону Шумсъ - Уль - Умраха, немедленно назначилъ министромъ другаго кандидата. Лордъ Минто не таковъ былъ, чтобъ пропустить эту обиду: утверждая избранiе Мунеръ-уль-Мулюка, онъ присовокупилъ, что ему предоставляется только право пользоваться титломъ и почестями министра для торжественныхъ выходовъ при дворѣ и для присутствiя на публичныхъ празднествахъ; но что самую должность, во всей силѣ ея, будетъ исправлять Шандулалъ,

Индіецъ простаго происхожденія, хотя и браминъ, бывшій старшимъ секретаремъ при Миръ-Алумѣ и отличившійся уже своими способностями и приверженностью къ Англичанамъ. Такова была воля протектора: надлежало повиноваться, и съ того времени у низама было два министра, одинъ дѣйствительный, другой по имени, которыхъ содержаніе истощало его финансы, а несогласія приводили въ безпорядокъ правленіе. Несчастный государь стремился еще нѣсколько времени, напрасными усиліями и пронырствами, уловить удалявшійся отъ него остатокъ монархической власти; потомъ онъ исчезъ, подобно преемнику своему, въ роковой тѣни иностраннаго министерства.

Между собранными мною источниками исторіи гайдерабадскаго правительства, находится весьма любопытное письмо Г. Генри Россéля (нынѣ сэра Генри Россéля), бывшаго резидентомъ при дворѣ низама съ 1811 до 1820 года, т. е. въ эпоху

бурной войны съ Маратами и Пиндари. Письмо это адресовано въ Собраніе Директоровъ отъ 21-го сентября 1824 года, и содержитъ въ себѣ описаніе трудностей посольства при дворѣ низама. Оно показалось мнѣ образцовымъ документомъ: привожу изъ него нѣсколько отрывковъ, которые даютъ понятіе о безнравственности, произведенной въ вассальныхъ государствахъ Индіи, вообще такъ называемою, системою вспомогательнаго правленія.

Сэръ Генри Россель начинаетъ описаніемъ положенія дѣлъ въ томъ видѣ, какъ онъ засталъ ихъ въ 1811 году: «Охраненіе »нашихъ политическихъ выгодъ въ Гайде-»рабадѣ — говоритъ онъ — требовало боль-»шой осмотрительности; трудности пред-»ставлялись со всѣхъ сторонъ. Отъ низама »намъ нечего было надѣяться, но всего »слѣдовало опасаться. Онъ былъ характера »нерѣшительнаго, мрачнаго, завистливаго »и подозрительнаго—какъ по темпера мен-»ту, такъ и по своему положенію. Иногда

»въ слабомъ умѣ его являлся проблескъ »здравомыслія, но не надолго; потомъ снова приходилъ въ мрачное онѣмѣніе, и отъ »всѣхъ удалялся. Онъ стѣсненъ былъ нашею опекою, и явно благопріятствовалъ »всякому замыслу противъ насъ. Семейство его, съ равнымъ негодованіемъ, сносило и власть его и наше вліяніе. Двое »изъ сыновей его недавно возмутились, и »надлежало посадить ихъ въ тюрьму, вслѣдствіе жаркой битвы внутри Гайдерабада, »въ которой убитъ офицеръ моей свиты. »Министерство его раздираемо было завистью и политическими несогласіями. »Мунеръ-уль-Мулюкъ, министръ по имени, »безъ всякой власти; Шандулалъ, министръ »на самомъ дѣлѣ, безъ титла и уваженія— »по необходимости были соперники, а не »товарищи: что̀ совѣтовалъ одинъ, тому »противился другой, и вліяніе низама всегда »находилось на сторонѣ, неблагопріятной »для насъ. Мунеръ-уль-Мулюкъ, хитрый »отъ природы, строилъ безпрестанныя коз-

»ни, внутри и внѣ государства, противъ »Шандулала—министра по нашему выбору, »едва ли не единственнаго человѣка изъ »Индійцевъ, защищавшаго наши выгоды. »Знатные люди приписывали нашему влі- »янію утрату силы своей и участія въ дѣ- »лахъ, и вдвойнѣ ненавидѣли насъ: какъ по- »хитителей власти и какъ христіанъ. На- »родъ, по свойству всѣхъ магометанскихъ »городовъ, былъ безпокоинъ, раздражите- »ленъ, и въ фанатизмѣ своемъ готовъ на »всѣ преступленія и на всѣ крайности. И »такъ мы имѣли дѣло съ правительствомъ, »которое, при всей неспособности под- »держивать себя, не хотѣло нашей помощи; »а со стороны народа мы должны были »бояться всего, что̀ могутъ внушить на- »ціональная ненависть и религіозный фана- »тизмъ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ »нашего прибытія, народъ гайдерабадскій »вызывалъ низама поднять знамя священной »войны противъ невѣрныхъ, а зять его »Шумсъ-уль-Умрахъ объявилъ во дворцѣ.

»что если каждый правовѣрный броситъ »въ насъ только горсть земли, то всѣ мы »будемъ задавлены. Слѣдствіемъ такого »положенія дѣлъ была слабость, которая »съ каждымъ днемъ увеличивалась, и без»порядки болѣе и болѣе распространялись »въ государствѣ.»

Искусный дипломатъ, благородномыслящій и просвѣщенный другъ человѣчества, изъ котораго выписали мы выше приведенныя строки, былъ несомнѣнно способенъ хотя нѣсколько ослабить дѣйствіе такого зла. Онъ сдѣлалъ все, что̀ можно было сдѣлать въ столь критическомъ положеніи; въ той мысли, что власть, единожды установленная и всѣми признанная, тогда только уважается, когда она свободна, онъ имѣлъ благоразуміе не нарушать ея правъ. Предупредительностью, кроткими и почтительными пріемами Россель успокоивалъ завистливую подозрительность низама; старался, по возможности, замаскировать и заставить забыть верхъ, одержанный надъ

нимъ Компаніею, и тайное вліяніе ея на дѣла. Однимъ словомъ: образъ поступковъ своихъ основывалъ онъ на той главной мысли, что лучшая политика для Англіи состоитъ въ томъ, чтобъ медлить, сколько можно болѣе, завладѣніемъ тою страною. Онъ однако-же не льстилъ себя надеждою, чтобъ можно было впослѣдствіи избѣгнуть этой развязки, и предвидя ее, жалѣлъ объ ней. Вотъ что говоритъ онъ на этотъ случай въ другомъ мѣстѣ своего письма:

»Союзъ съ нами, основанный на системѣ »вспомогательнаго правленія, хотя, безъ »сомнѣнія, и будетъ содѣйствовать возвы»шенію нашей власти, но неминуемо дове»детъ до окончательнаго разрушенія то »правительство, которое подчиняется та»кому условію. Все это зависитъ отъ без»нравственности, производимой, состояні»емъ зависимости, въ характерѣ государя и »его министровъ. Качества, приличныя ми»нистру народа свободнаго, такъ благо»родны и смѣлы, такъ одушевлены патріо-

„тизмомъ, что не могутъ существовать въ „министръ народа, подчиненнаго чужеземной власти. Государь—каковъ бы ни былъ „его характеръ—которому нечего бояться „со стороны его подданныхъ, или со стороны другихъ государствъ, не долго будетъ уважать самого себя, и лучшій человѣкъ въ свѣтѣ сдѣлается дурнымъ министромъ, если сохранитъ власть послѣ „того, какъ прекратится его отвѣтственность. Та-же причина, которая убила „пейшву, уничтожитъ и низама: первый „умеръ въ судорогахъ, послѣній тихо угаснетъ. Можно замедлить произведеніемъ „этого перелома, но онъ неизбѣженъ. Когда „зло усилится до извѣстной степени, то „останется одно только средство: все уничтожить, сломать до основанія разрушающееся зданіе, и взять землю въ наше владѣніе.„

„Какъ скоро основываемъ мы правленіе „вспомогательное, то находимся уже на „той роковой крутизнѣ, на которой невоз-

»можно остановиться: одинъ шагъ ведетъ »къ другому; за первымъ, по необходимо»сти, слѣдуетъ въ свою очередь послѣдній, »и всѣ они неминуемо стремятся къ одной »цѣли—поколебанію и разрушенію покро»вительствуемаго государства. Но такой »результатъ столько же неблагопріятенъ »намъ, какъ и низаму. Наша власть, безъ »сомнѣнія, стремится къ распространенію »себя; выгоды наши требуютъ медленно»сти въ ея ходѣ. Намъ нечего бояться съ »внѣшней стороны; мы находимъ, мы созда»емъ для себя опасности въ каждомъ при»ращеніи нашихъ владѣній. Уничтоженіе »всякаго туземнаго правительства, замѣня»емаго нами, ведетъ къ умноженію числа »пылкихъ головъ, изобилующихъ между »военными классами Индіи, и онѣ не могутъ »выносить ограниченій благоустроеннаго »правительства. Какъ скоро государство »переходитъ въ непосредственную нашу »власть, то европейскіе чиновники наши »занимаютъ всѣ должности; высшіе и сред-

»ніе классы туземцевъ не находятъ уже »мѣстъ для поддержанія своего существо»ванія, и гибнутъ отъ нищеты: чрезъ это »усиливается національная къ намъ нена»висть. Владычество, пріобрѣтенное нами »въ этой странѣ, послѣдуетъ общему за»кону похищенныхъ властей: оно не мо»жетъ быть постоянно одинакимъ; съ того »самаго дня, какъ перестанемъ мы идти »впередъ, подвинемся уже назадъ. Вся»кій шагъ къ вершинѣ приближаетъ насъ »къ противоположному скату. И такъ, са»мая благоразумная для насъ политика — »поддерживать, сколько можно долѣе, ин»дійскія правительства; пока они не будутъ »ниспровергнуты, мы все еще можемъ су»ществовать рядомъ съ ними. Мы должны »останавливать злоупотребленія, исправлять »безпорядки, но отнюдь не касаться до »вѣковаго зданія государственныхъ учреж»деній. Ошибкою нашей системы въ Индіи »всегда было желаніе замѣнить тамошнюю »правительственную разрозненность сосре-

»доточенностью нашей администрацiи. Ма-»гометане, при всей приверженности къ »своему закону и своимъ обычаямъ—по »какому-то инстинкту, избѣгали этой ошиб-»ки. Хотя нѣкоторые и утверждаютъ, что »правительство наше пользуется даже при-»вязанностью своихъ индiйскихъ поддан-»ныхъ; но это несправедливо: послѣднiе »имѣютъ точно такiя же требованiя, какъ »и всѣ другiе народы въ мiрѣ; любятъ, чтобъ »ими управляли люди, говорящiе однимъ съ »ними языкомъ, исповѣдующiе ту-же рели-»гiю, слѣдующiе тѣмъ-же обычаямъ, и, что́ »весьма естественно, предпочитаютъ са-»мую жестокую, самую грубую систему »—лишь бы она была произведенiемъ ихъ »собственной почвы—самымъ кроткимъ, са-»мымъ утонченымъ правительственнымъ »постановленiямъ, начертаннымъ по чуже-»земному образцу и приводимымъ въ ис-»полненiе чужеземцами. Нѣтъ сомнѣнiя, что »наши уставы относительно управленiя пи-»саны по внушенiямъ самымъ благонамѣ-

»ренпымъ, самымъ человѣколюбивымъ; но
»наши законы и обычаи, наши идеи и фор-
»мы судопроизводства столько же непри-
»личны состоянію общества въ Индіи,
»сколько наши домы и одежда тамошнему
»климату. Слѣдствіемъ было то, что си-
»стема наша, вопреки искуству и ревности
»людей, приводившихъ ее въ исполненіе,
»надѣлала больше зла, и зла болѣе неиспра-
»вимаго, нежели всѣ чрезвычайные безпо-
»рядки самаго дурнаго индійскаго прави-
»тельства. Еслибъ у меня потребовали дока-
»зательства, то я спросилъ бы: куда дѣвались,
»во владѣніяхъ Компаніи, высшіе и сред-
»ніе классы народа? Они не только раззо-
»рены, но совершенно уничтожены; не оста-
»лось даже и слѣда ихъ, такъ, что теперь не-
»вольно спрашиваешь: существовали ли они
»когда нибудь? Если уже путь нашъ озна-
»менованъ здѣсь одними только развалинами,
»и если мы не умѣемъ ничего воздвигать
»вмѣсто ихъ, то первымъ условіемъ—деви-
»зомъ нашихъ государственныхъ людей

»должно быть *сохраненіе* существующаго.
»Поддерживать, всѣми мѣрами, туземный
»порядокъ дѣлъ—вотъ наша лучшая поли-
»тика!»

Сэръ Генри Россель ко всѣмъ этимъ причинамъ могъ бы присовокупить мысль, еще болѣе убѣдительную для макіавелевскаго общества, къ которому относился; но, можетъ быть, онъ таилъ ее отъ самого себя; мысль эта состоитъ въ томъ, что пока существуютъ туземныя правительства—народы не знаютъ, кого обвинять въ своихъ бѣдствіяхъ, и охотно приписываютъ ихъ непосредственнымъ своимъ начальникамъ, съ которыми находятся въ ежедневныхъ сношеніяхъ и которыхъ пороки имъ извѣстны: это дивные громовые отводы, для того чтобъ разсѣять и отвратить грозу.

При мысляхъ столь здравыхъ и обширныхъ, при столь вѣрномъ опредѣленіи англійской политики и дѣйствительныхъ выгодъ ея, результаты Росселева посольства

долженствовали быть огромны: они и были таковы. Изъ всѣхъ правительствъ Индіи, во время вступленія его въ отправленіе дѣлъ (1811), ни одно не потерпѣло столько бѣдствій отъ вторженій непріятеля и отъ внутреннихъ раздоровъ, или не впало въ столь гибельную слабость, какъ гайдерабадское. Одна половина владѣній находилась въ безпрестанныхъ возмущеніяхъ, другая половина, терзаемая алчностью и хищничествомъ правителей, не могла долѣе выносить своихъ мученій.

Земиндары, или начальники деревень, слишкомъ много пострадавшіе отъ притѣсненій правительства, видя, что наступило удобное время свергнуть съ себя иго, отказались отъ платежа повинностей, болѣе и болѣе обременительныхъ; называли себя *некъ*, т. е. военачальниками, укрѣпляли свои деревни, набирали войско изъ земледѣльцевъ, и готовы были вооруженною рукою встрѣтить нападеніе высшей власти.

Всякій оскорбленный земиндаръ дѣлался

некъ; всякій угнетенный земледѣлецъ становился подъ его знамя, гдѣ находилъ покровительство, безопасность и избытокъ, неизвѣстные подъ начальствомъ низамскихъ правителей. Неки безнаказанностью своею обязаны были слабости, а распространеніемъ власти своей — жестокости правительства. Безпорядки такого рода никогда не бываютъ постоянно-одинакими; они, по природѣ своей, должны усиливаться; а въ подобныхъ обстоятельствахъ, дѣломъ труднымъ, но славнымъ было не только предохранять государство отъ окончательнаго разрушенія, но и доставлять ему—въ эту именно эпоху, болѣе нежели когда нибудь—самыя сильныя, самыя постоянныя и дѣйствительныя средства къ поддержанію себя; вливать въ него жизнь, сохранющуюся до нашего времени, вопреки ошибкамъ и совершенно другой политикѣ своихъ предмѣстниковъ.

Сэръ Генри Россель хотѣлъ, чтобы власть, единожды установленная и признан-

ная законною, была сильна, для того чтобъ быть справедливою, и уважаема, для того чтобъ повиновались ей. Онъ началъ свои дѣйствія возвращеніемъ ей единства, болѣе и болѣе сосредоточивая ее въ рукахъ министра, выбраннаго Англіею. Потомъ онъ намѣренъ былъ привести эту власть въ состояніе дѣйствовать по своему усмотрѣнію, независимо отъ вспомоществованія англійской арміи, и дать ей въ руки орудіе, превосходное для поддержанія порядка и устраненія всякаго заговора, но такъ, чтобъ оно было безопасно для покровительствующаго правительства. Съ этой цѣлью онъ старался возстановить резервное войско, т. е. собственно низамскую армію. Предмѣстники его допустили ее до разстройства, съ очевиднымъ намѣреніемъ замѣнить впослѣдствіи туземное войско англійскимъ. Сэръ Генри Россель укомплектовалъ и усовершенствовалъ низамскую армію, существующую по сіе время и называемую, въ память преобразователя, бригадою Росселя.

Когда корпусъ этотъ былъ сформированъ, то правительство, при всей слабости своей, воспользовалось имъ по настойчивости резидента, и повсюду возстановило спокойствіе и повиновеніе. Одними совѣтами своими, безъ всякаго непосредственнаго вмѣшательства, онъ ввелъ бо̀льшій порядокъ и бо̀льшую справедливость во взиманіи податей; старался даже, сколько могъ, замаскировать свое благонамѣренное вліяніе, и правительственный механизмъ началъ дѣйствовать. Онъ расположилъ низама въ пользу Англичанъ, и изъ опаснаго сосѣда, за которымъ надлежало строго наблюдать, сдѣлалъ сильнаго и вѣрнаго союзника. Когда, въ 1816 году, пейшва и раджа Берарскій, подчиненные игу той-же системы вспомогательнаго правленія, разорвали свои цѣпи, когда Компанія вела войну съ Гολькаромъ, когда Синдія удерживалась отъ возмущенія пребываніемъ только арміи; словомъ: когда всѣ силы Индіи возстали противъ британскаго похитителя властей —

взоры всѣхъ съ боязнію обращались къ Гайдерабаду. Были увѣрены, что низамъ пристанетъ къ союзу, и тогда чужеземное владычество, можетъ статься, было-бы до основанія ниспровергнуто. Но нѣтъ: таково вліяніе одного человѣка — вліяніе мирной, скромной, почтительной и, вмѣстѣ съ тѣмъ, твердой дипломатіи сэра Генри Ро́сселя—таково вліяніе уваженія и личной благодарности, которыя умѣлъ онъ внушить къ себѣ, что вѣрность низама, въ эту критическую минуту, была непоколебима. При всѣхъ пособіяхъ своего государства, онъ чистосердечно вступилъ въ союзъ съ Англичанами, и резервное войско его со славою участвовало въ побѣдѣ Магидпурской.

Къ сожалѣнію, приверженность эта не получила должнаго вознагражденія, какъ всегда случается между народомъ подчиненнымъ и народомъ господствующимъ. Скромная политика сэра Генри Ро́сселя сдѣлалась предметомъ порицанія: онъ былъ

смѣненъ въ 1820 году и принужденъ защищать свои поступки противъ самыхъ нелѣпыхъ нападеній; новый генералъ-губернаторъ и новый резидентъ, сэръ Карлъ Меткельфъ, слѣдовали совершенно противоположной политикѣ: послѣдняго уполномочили деспотически разбирать дѣйствія низамскаго правительства; изъ посланника онъ сдѣлался настоящимъ вице-королемъ; неограниченная власть эта перешла и къ его преемникамъ. Съ того времени вмѣшательство Компаніи въ дѣла гайдерабадскія постоянно усиливалось; по мѣрѣ распространенія его, низамское правительство болѣе и болѣе ослабѣвало. Нынѣ государство это можно сравнить съ древнимъ зданіемъ, растрескавшимся со всѣхъ сторонъ: стóитъ только вынуть небольшой заклепный камень изъ его свода, и оно исчезнетъ въ пыли; камень этотъ, истертый временемъ и бурями—престарѣлый министръ Шандулалъ, которому Англія, почти полвѣка тому назадъ, поручила правленіе. И этотъ человѣкъ не былъ

счастливъ; только силою необыкновенныхъ способностей своихъ могъ онъ довольно мирно продлить до нашего времени существованіе государства. Принявъ, въ 1809 году, трудное и опасное министерство Миръ-Алума, онъ нашелъ всѣ отрасли управленія въ такомъ упадкѣ, что можно было ожидать неминуемаго разрушенія. И потому правленіе его, по необходимости, представляетъ цѣлую систему — непрерывный рядъ изворотовъ; зло было неисправимо; онъ могъ надѣяться одного: удалять, сколько можно болѣе, послѣднюю степень его развитія, и находить нѣкоторыя пособія при самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, по мѣрѣ наступленія ихъ; дѣло шло о томъ только: кàкъ-бы провести годъ—кàкъ-бы прожить день. Государство не имѣло предъ собою будущности; надлежало заботиться объ одномъ настоящемъ. Еслибъ Шандулалъ и хотѣлъ даже сдѣлать преобразованіе, то у него не было бы первыхъ элементовъ для исполненія сего намѣренія; онъ сдѣ-

лалъ все, что̀ могъ въ своемъ положеніи, какъ орудіе антинаціональной власти, а не то, что̀ предпринялъ бы при другомъ образѣ правленія. Гайдерабадское государство существуетъ потому только, что онъ душа его; но онъ уже устарѣлъ, и, въ послѣдніе годы, бремя это было бы выше силъ его, еслибъ обстоятельства не помогли ему. Въ 1829 году на Гайдерабадскій престолъ вступилъ сынъ Секундеръ-Джаха, набабъ Азовъ-Джахъ; ничтожный, подобно отцу своему, онъ, однако-же, характера менѣе мрачнаго, менѣе безпокойнаго и менѣе мстительнаго. Мунеръ-уль-Мулюкъ умеръ вскорѣ послѣ своего прежняго государя; и такъ Шаидулалъ, клевретъ и рабъ Англичанъ, самодержавно правитъ всѣмъ этимъ обширнымъ государствомъ, которое годъ отъ года становится бѣднѣе, и въ которомъ народонаселеніе постепенно уменьшается; но и онъ приходитъ къ концу своего поприща; ему семьдесятъ второй годъ, и когда пробьетъ для него послѣдній часъ, то во всѣхъ обла-

стяхъ низама не найдется ни одного человѣка, способнаго замѣнить его. Должно отдать справедливость этому индійскому Меттерниху: онъ безкорыстенъ и, по образу жизни своей, достоинъ всякаго уваженія; при необыкновенномъ терпѣніи, съ отличнымъ умѣньемъ правитъ онъ всѣми практическими отраслями администраціи; дѣятеленъ до неутомимости; ясно видитъ всѣ предметы, если только они не выходятъ изъ тѣхъ предѣловъ, до которыхъ простираются его виды; а по способности къ дѣлопроизводству, едвали въ цѣломъ свѣтѣ найдется человѣкъ выше его. Многолѣтнею опытностью пріобрѣлъ онъ полное свѣденіе о дѣлахъ каждаго департамента, и знаетъ всю формальность ихъ; онъ хочетъ все видѣть самъ, и самъ все дѣлаетъ; и потому физическіе труды его невѣроятны. Въ общественныхъ и частныхъ сношеніяхъ своихъ обнаруживаетъ онъ всю тишину характера, свойственную Индійцу; доступъ къ нему очень свободенъ, и пріемы его весьма при-

вѣтливы въ разговорѣ даже съ самымъ младшимъ изъ подчиненныхъ; онъ сдѣлалъ менье жестокостей и притѣсненій, нежели всякой другой Индіецъ въ положеніи столь возвышенномъ; снисхожденіе къ своимъ чиновникамъ доходитъ у него до слабости; но этого человѣка не должно цѣнить по-европейски; иначе, мы не найдемъ въ немъ многихъ достоинствъ, необходимыхъ, по нашему понятію, для министра. Ему недостаетъ мужества, энергіи, твердости и предусмотрительности. Неблагоразумно было бы искать, въ рабахъ индійскаго деспота, тѣхъ качествъ, которыя составляютъ исключительную принадлежность просвѣщенія и свободы: сравнивать его должно только съ его соотечественниками, людьми одинакаго воспитанія и одинакихъ обычаевъ; тогда мы найдемъ, что онъ несравненно выше ихъ. Шандулалъ не могъ бы, однакоже, удержаться на своемъ мѣстѣ безъ пособія Англичанъ. Онъ не имѣетъ ни знатности, ни богатства, ни связей для защиты себя

противъ зависти низама. Если Компанія лишитъ его своей подпоры, то онъ немедленно долженъ отказаться, или будетъ удаленъ отъ должности; но въ такомъ случаѣ весь механизмъ правительства тотчасъ разрушится отъ испорченности и слабости; самъ низамъ, вѣроятно, сдѣлается жертвою возмущенія своихъ подданныхъ, и государство превратится въ театръ огромной анархіи: многочисленныя толпы Пиндари нахлынутъ на него, и тогда завоеваніе этой земли сдѣлается необходимымъ.

Мы уже замѣтили выше, что неблагоразумно было бы искать, въ числѣ подданныхъ низама, человѣка, достойнаго, или способнаго совершенно отклонить бѣдствія отъ государства. Однимъ изъ неизбѣжныхъ слѣдствій зависимости народа отъ чужеземной власти бываетъ всегда недостатокъ людей такого рода; имъ нѣтъ мѣста для развитія и упражненія своихъ способностей, о которыхъ можно сказать то-же самое, что и о предметахъ потребленія: производитель-

ность всегда соотвѣтствуетъ требованіямъ. Невозможно сдѣлать никакого улучшенія въ отношеніяхъ низама къ Компаніи: нельзя вывести его изъ того униженнаго положенія, въ которое онъ поставленъ, ни возвратить ему то, что̀ онъ утратилъ; съ другой-же стороны, онъ ничего не можетъ сдѣлать самъ собою. «Никакое правительство не въ «состояніи достигнуть до благоденствія «тѣмъ-же самымъ путемъ, которымъ уда-«лилось отъ него; оно должно совершить «свое поприще и подвергнуться разрушенію «прежде, нежели будетъ возстановлено.» *

Слѣдовательно стеченіе всѣхъ обстоятельствъ таково, что по смерти, или по удаленіи Шандулала отъ дѣлъ—чего со дня на день должно ожидать—я вижу два только средства рѣшить судьбу Гайдерабадскаго государства: первое — сдѣлать министромъ самого англійскаго резидента, какъ и хотѣли поступить, въ 1840 году, съ администраціею Афганистана; второе—спокойно овла-

* Сэръ Генри Россель.

дѣть тою страною, отрѣшить отъ престола и обезпечить пенсіею низама, и отправить его въ Дели для собесѣдничества съ его прежнимъ повелителемъ, великимъ Могогомъ. Первое изъ этихъ средствъ, по всей вѣроятности, и будетъ принято.

VIII.

ЗАМѢЧАНІЯ О СИСТЕМѢ ГАЙДЕРАБАДСКАГО ПРАВЛЕНІЯ, ВЪ АДМИНИСТРАТИВНОМЪ, СУДЕБНОМЪ И ФИНАНСОВОМЪ ОТНОШЕНІЯХЪ.

Въ индійскихъ государствахъ существуетъ два способа взиманія поземельныхъ податей: 1) когда государственный чиновникъ собираетъ ихъ по опредѣленной таксѣ, то система сбора называется *амани*; 2) когда-же, напротивъ, доходъ съ земель получается по откупу, то самъ уже откупщикъ, по усмотрѣнію своему, дѣлаетъ имъ оцѣнку, и эта система называется *ярахъ*. Понятно, что эти два администратора дѣйствуютъ совершенно различнымъ образомъ. *Аманидаръ* или сборщикъ, по личнымъ сво-

имъ достоинствамъ, можетъ быть нисколько не лучше *ярахдара* или откупщика; но первый находитъ собственную свою пользу въ народномъ благоденствіи, тогда какъ последній не видитъ въ томъ никакой для себя выгоды. Если аманидаръ соберетъ съ своего округа обыкновенный доходъ, то правительство удовлетворено; если народъ, ввѣренный его надзору, терпитъ недостатки, и подати уменьшаются, то онъ лишается своего мѣста; но если положеніе народа улучшается, и доходы увеличиваются, то онъ не только не лишится своего мѣста, но, по всей вѣроятности, распространится самый округъ его управленія. Ярахдаръ, напротивъ, имѣетъ въ виду одно только обстоятельство: ка̀къ-бы собрать сколько можно больше и скорѣе денегъ съ округа, отданнаго ему на откупъ. Должность свою купилъ онъ на торгахъ; она предоставлена ему за то, что онъ вызвался заплатить больше противъ другихъ соискателей, и при томъ откупъ его продолжается извѣст-

ное только время, слѣдовательно ему надо спѣшить собрать больше денегъ, и все, что останется у него сверхъ суммы, слѣдующей правительству, будетъ его доходомъ. Послѣдствія сдѣланныхъ имъ притѣсненій для него ничего не значатъ. Терпитъ ли народъ, оставляютъ ли поселяне поля свои, остаются ли земли невоздѣланными — ему что за дѣло? утрату понесетъ правительство, а не онъ. Когда возобновится его откупъ, то онъ только вызовется платить меньше денегъ. Если народъ придетъ въ худшее положеніе, то тѣмъ лучше для его будущаго откупа. Благосостояніе округа, напротивъ, возбуждаетъ въ немъ безпокойство, потому что тогда явится больше соперниковъ. Слѣдовательно, для личной выгоды своей, аманидаръ долженъ улучшать состояніе народа, а ярахдаръ—стѣснять его.

И такъ, благоденствіе индійскаго народа, управляемаго туземною властію, можно опредѣлить по сравнительному количеству земель, находящихся въ завѣдываніи амани,

или ераховъ. Чѣмъ больше число амани, тѣмъ счастливѣе народъ; чѣмъ болѣе ераховъ, тѣмъ онъ несчастнѣе. Всѣ доходы низама, съ весьма немногимъ исключеніемъ, получаются отъ ераховъ—несомнѣнное доказательство слабости правительства и бѣдности народной. Откупщики собираютъ поземельный доходъ иногда натурою, но чаще деньгами. Когда онъ получается натурою, то правительству обыкновенно отдается половина сухими хлѣбными зернами; но рисъ вносится различными количествами: если орошеніе рисовыхъ полей производится изъ резервуаровъ, устроенныхъ и содержимыхъ правительствомъ, то оно получаетъ три пятыхъ; если-же, напротивъ, земледѣлецъ долженъ брать воду изъ сосѣдственныхъ колодцевъ, то доля, принадлежащая правительству, простирается отъ девяти до одиннадцати двадцатыхъ, смотря по отдаленности и по трудностямъ добыванія воды. Поземельныя деньги сбираются двоякимъ образомъ: система сбора назы-

вается *сюрбюстеа*, когда откупщикъ заранѣе условливается въ цѣнѣ съ земледѣльцемъ, не смотря на урожай, или *бигавани*, когда цѣна опредѣляется по качеству почвы, по времени года и по урожаю. При сей послѣдней системѣ налогъ бываетъ весьма различенъ—отъ пяти до пятидесяти рупій съ *биги* земли. Какъ-бы ни былъ высокъ налогъ—не онъ составляетъ несчастіе народа, но отсутствіе всякой честности въ сдѣлкахъ, потому что заключенныя условія никогда не соблюдаются. Въ случаѣ неурожая, откупщикъ беретъ скотъ у несостоятельнаго земледѣльца; если урожай хорошъ, то онъ оставляетъ ему только часть произведеній, едва достаточную для прокормленія семьи, и весь излишекъ беретъ себѣ. Всѣ утраты на сторонѣ земледѣльцевъ, всѣ выгоды на сторонѣ откупщиковъ. Послѣдніе вошли въ тайную сдѣлку съ правительствомъ, и оно согласилось не принимать на нихъ никакихъ жалобъ; и потому откупщикъ похожъ болѣе на комисара,

требующаго насильственныхъ контрибуцій въ непріятельской землѣ, нежели на сборщика правильныхъ налоговъ. Наконецъ, для избѣжанія всякихъ совѣщаній, всякихъ несогласій между судебнымъ и финансовымъ управленіями — несогласій, которыя, вѣроятно, кончились-бы въ пользу народа, эти два управленія соединены въ однѣхъ рукахъ. Теперь должно сказать нѣсколько словъ о судебной организаціи.

Первая идея и главныя положенія закона были справедливы, какъ всегда почти случается при основаніи гражданскаго общества; но они утратили силу свою въ примѣненіи. Въ столицѣ *субабъ* или первый министръ есть верховный судья по части гражданской; *котвалъ*—верховный судья по дѣламъ уголовнымъ. Обязанность ихъ состоитъ въ принятіи всѣхъ жалобъ и въ произведеніи перваго слѣдствія; результатъ сихъ первыхъ распоряженій долженъ быть представленъ *кази*, верховному толкователю закона, и онъ уже примѣняетъ общія

законныя постановленія къ частному случаю. Верховные судьи должны потомъ приводить въ исполненіе его приговоры. Уголовныя дѣла рѣшаются по закону магометанскому. Въ дѣлахъ гражданскихъ уставъ музульманскій примѣняется къ музульманамъ; законы индійскіе—къ Индійцамъ, съ тою разницею, что въ первомъ случаѣ приговоръ произносится *кази*, а во второмъ—споръ подвергается суду *пуншайета*, т. е. посредничеству пяти человѣкъ, выбранныхъ самими тяжущимися, и они рѣшаютъ дѣло по обычаямъ мѣстности. Въ томъ и другомъ случаѣ субабъ обязанъ принять приговоръ къ исполненію.

Въ провинціяхъ высшая власть, какъ гражданская, такъ и уголовная, сосредоточивается въ лицѣ того, кому поручено собирать подати — будетъ ли онъ коронный сборщикъ, или откупщикъ. Хотя въ каждомъ округѣ есть также кази, къ которому тотъ долженъ былъ-бы относиться во всѣхъ случаяхъ, касающихся до музульманъ; а дѣла Индійцевъ представлять на судъ пун-

шайета; но всѣ эти мѣры охраненія закона давно уже оставлены безъ вниманія, устранены, или вышли изъ обычая. Какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціяхъ, всѣ дѣла рѣшаются по волѣ сильнаго, или по лицепріятію; не заботятся даже о соблюденіи формъ правосудія. Начальники думаютъ только о средствахъ скорѣе достигнуть своей цѣли—обогатиться, а съ народомъ поступаютъ такъ, какъ будто правительство не имѣетъ никакой надобности въ его помощи, или въ его уваженіи; какъ будто низамъ не видитъ въ немъ никакой другой пользы, кромѣ удовлетворенія своему корыстолюбію, или своимъ удовольствіямъ. Чиновникъ, обязанный управленіемъ провинціи, одобряется и награждается не по нравственнымъ своимъ достоинствамъ, но по числу суммъ, доставляемыхъ правительству: по этому онъ собираетъ сколько можно болѣе денегъ въ возможно-короткое время, помня только о выгодахъ государя и о своихъ собственныхъ, и не помышляя, чтобъ жители могли даже

требовать кое-какого обезпеченія своей жизни, или своей собственности. Непосредственное слѣдствіе такого положенія дѣлъ состоитъ въ томъ, что во владѣніяхъ низама нѣкоторое число округовъ—то одинъ, то другой—безпрестанно возмущаются; возмущенія эти служатъ источникомъ значительнаго недочета въ доходѣ и причиною новыхъ издержекъ, вознаграждаемыхъ новыми насиліями въ другихъ мѣстностяхъ. Рѣдко случается, чтобъ ежегодный расходъ покрывался доходомъ; излишекъ-же дохода одного года никогда нейдетъ на пополненіе недочета другаго года. Если иногда и остаются деньги отъ годоваго расхода, то онѣ поступаютъ въ казну государя, но отнюдь не въ государственную кассу. Если-же, напротивъ, недостаетъ денегъ на расходъ, то онѣ дополняются увеличеніемъ налоговъ. Въ Европѣ, если правительство имѣетъ нужду въ деньгахъ сверхъ обыкновенныхъ своихъ средствъ, по какому нибудь чрезвычайному, или случайному обстоятельству,

на примѣръ, для издержекъ на войну, или для устраненія народныхъ бѣдствій, то дѣлаетъ заемъ, и обезпечиваетъ его будущимъ доходомъ; но для мусульманскаго, особливо индійскаго и при томъ вспомогательнаго правительства, государственный кредитъ есть идея вовсе непонятная. Министръ можетъ сдѣлать заемъ на свою личную отвѣтственность; но заемъ государственный, обезпеченный общими силами народа, есть предметъ совершенно неизвѣстный. И такъ, чрезвычайныя издержки ведутъ къ чрезвычайнымъ налогамъ. Вотъ главная причина затрудненій такого правительства и обильный источникъ жестокости и нищеты. Съ откупщиковъ требуютъ въ государственную кассу больше денегъ, нежели сколько могутъ приносить дохода предоставленные имъ округи; стало быть, и они, въ свою очередь, должны требовать невозможнаго отъ жителей, и стѣснять ихъ налогами и конфискаціею. Что-же наконецъ слѣдуетъ изъ всего этого? Земледѣлецъ отказывается

отъ своей земли, отчаяніе заставляетъ его переселиться, народонаселеніе уменьшается, земли остаются невоздѣланными, источники дохода истощаются. Нѣтъ государственнаго долга, а между тѣмъ нищета народная доходитъ до послѣдней степени. Зло такого рода постоянно увеличивается само собою, и нѣтъ возможности остановить его: недочетъ побуждаетъ къ насиліямъ — насилія производятъ недочетъ. Вотъ что происходитъ теперь въ Гайдерабадѣ, и если смерть не прекратитъ скоро затрудненій министра, то эпоха, въ которую всѣ извороты его сдѣлаются недостаточными, недалека, и онъ долженъ будетъ уступить трудностямъ своего положенія.

Желая дать понятіе объ уловкахъ, употребляемыхъ иногда Шандулаломъ, раскажу одинъ случай, котораго я былъ свидѣтелемъ въ 1839 году. Шандулалъ занялъ, въ разныя времена, у одного богатаго банкира, для государственныхъ надобностей, но на свою собственную отвѣтственность, нѣсколь-

ко суммъ, которыхъ итогъ, съ накопившимися процентами, по 18%, простирался до двадцати лаковъ рупій (5,000,000 франковъ). Долгъ этотъ начиналъ обременять министра, и онъ придумалъ слѣдующее, весьма удобное средство отдѣлаться отъ платежа: предувѣдомивъ банкира, что готовъ заплатить по всѣмъ векселямъ, онъ велѣлъ ему собрать ихъ и явиться съ ними. Несчастный Сукаръ не замедлилъ исполнить этотъ приказъ; лишь только показался онъ, какъ его тотчасъ-же посадили въ тюрьму (родъ погреба), въ которой держали его, не давая пищи, до тѣхъ поръ, пока подписалъ онъ квитанцію въ полученіи всѣхъ денегъ. Между тѣмъ у него на дому уничтожили всѣ книги и счеты, которые могли бы обличить министра предъ лицомъ резидента, и въ то-же время захватили всѣ наличныя деньги, находившіяся въ его кассѣ.

Надобно однако-же согласиться, что большая часть теперешнихъ безпорядковъ и несчастій сего государства скорье проис-

ходитъ отъ системы, введенной Англичанами, нежели отъ его правителей. Государь, при вспомогательной системѣ правленія, поставленъ, въ отношеніи къ народу, въ такое же точно положеніе, какъ ярахдаръ въ отношеніи къ провинціи. Подобно послѣднему, онъ принужденъ пользоваться непрочностью своего положенія, которое зависитъ отъ прихотей Компаніи, или даже генералъ-губернатора. Онъ, по необходимости, долженъ предпочитать раззорительную для государства систему откуповъ системѣ правильныхъ и постоянныхъ сборовъ, благодѣтельной для народа; потому что на время, болѣе или менѣе короткое, но которое, вѣроятно, продолжится во все его правленіе, при такомъ порядкѣ дѣлъ, получится больше дохода, нежели при другомъ. Всѣ подобные ему государи знаютъ, что они разстроиваютъ будущую судьбу своего народа; но судьба эта не для нихъ, а для Англіи, которая уничтожаетъ ихъ одного вслѣдъ за другимъ. Какое имъ дѣло, что

ницета, какъ язва, распространится по всему государству, лишь бы они, въ роскоши и чувственности, наслаждались послѣдними днями власти, которую не передадутъ своимъ дѣтямъ? Что за дѣло до этого и Англіи? Что за дѣло обществу корыстолюбивыхъ купцовъ, лишь бы доходы данника ихъ достаточны были для содержанія войска, которымъ они обставили его, и для удовлетворенія временнымъ требованіямъ ихъ корыстолюбія? Если государство опустѣетъ, то въ ихъ же пользу; если промышленники, ремесленники и земледѣльцы удалятся съ своей земли, то перенесутъ въ англійскія провинціи свой трудъ, свою промышленность и свои капиталы. Все, чтò буря снесетъ съ сосѣдственной почвы, послужитъ наносною землею — удобреніемъ для компанейскихъ полей.

Понятно, почему Компанія не намѣрена теперь ускорять разрушеніе всѣхъ покровительствуемыхъ ею индійскихъ государствъ.

Нетрудно вникнуть въ причину того безкорыстія, которое такъ громко провозглашаетъ она, когда съ сожальніемъ объявляетъ о необходимости присоединить новое царство къ своимъ владѣніямъ; и дѣйствительно: день, въ который она признаётъ себя обладательницею этого царства, есть день прекращенія существенныхъ пользованій ея всѣми его выгодами. Эти коронованные данники служатъ ей орудіями пытки для истощенія всей крови, всѣхъ богатствъ государства; они въ то-же время и политическіе манекины для отклоненія отъ Компаніи и привлеченія къ нимъ народной ненависти. Когда государство, по разрушеніи своемъ, превратится въ англійскую провинцію, кто будетъ тогда выдавать жалованье резервному войску, содержаніемъ котораго должна озаботиться Компанія? Разумѣется, не новая провинція; она истощена. Къ тому же Англичане захотятъ поддержать свою славу благонамѣренныхъ правителей: амаин заступятъ мѣсто ераховъ; правильное взиманіе

повинностей замѣнитъ собою ненавистные насильственные поборы; но тогда издержки едва будутъ покрываться доходомъ, не останется дивидендовъ для отсылки акціонерамъ Leadenhall-street, и нечѣмъ будетъ удовлетворять роскоши военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ. Надобно подчинить своему покровительству новаго данника, и припустить къ нему этихъ піявокъ; такимъ образомъ кругъ подобныхъ дѣйствій Компаніи постепенно расширяется.

Начертанная нами исторія есть исторія всѣхъ государствъ, подчиненныхъ системѣ вспомогательнаго правленія; стоитъ только перемѣнить названія земель, имена государей и министровъ—и она повсюду будетъ одинакова: вездѣ тѣ-же самыя причины доводили до тѣхъ-же самыхъ результатовъ. Всѣ эти государства поражаемы были одною и тою-же болѣзнію, только въ различныхъ видоизмѣненіяхъ ея развитія. Читателямъ, можетъ быть, любопытно видѣть реэстръ тѣхъ народовъ, ко-

торые еще существуютъ, и сравнительные бюллетени ихъ.

У независимыхъ Сейковъ и въ нѣкоторыхъ областяхъ Ражпутаны бѣдствія только что начинаются.

Во владѣніяхъ Синдіи, Саттараха и Бароды зло усилилось.

Въ Гайдерабадѣ, Индорѣ, Нагпурѣ, Аудѣ, Джудпурѣ, Джейпурѣ и Бунделькундѣ народъ дошелъ до послѣдней степени нищеты и бѣдствій.

Майсоръ, Кучь, Траванкоръ, Кохинъ существуютъ только по имени: это просто англійскія провинціи, въ которыхъ джарахи или повелители довольствуются должностью аманидаровъ или сборщиковъ податей, и получаютъ, по числу собираемыхъ ими доходовъ, больше жалованья, нежели обыкновенные англійскіе сборщики.

Теперь намъ остается разсмотрѣть систему вспомогательнаго правленія въ общественномъ отношеніи. Что̀ будемъ говорить о Гайдерабадѣ, то-же самое можно

сказать и о другихъ государствахъ, находящихся въ подобномъ положенiи. »Характеръ музульманскаго, маратскаго или »ражпутскаго правительства *исключитель-* »*но военный.* * Всякiй дворянинъ есть сол- »датъ; если онъ не въ военной службѣ, »то ничего не значитъ; его собственность »—военныя помѣстья; чины, почести прi- »обрѣтаются имъ на полѣ сраженiя; его »свита и служители состоятъ изъ офице- »ровъ и солдатъ, сражающихся подъ его »знаменемъ. И такъ, армiя составляетъ »собственно дворянство. Гражданскихъ »чиновниковъ и отличiй не существуетъ. »Введенiе вспомогательной армiи, учре- »жденiе резервнаго войска, въ которомъ, »кромѣ Англичанъ, нѣтъ другихъ офи- »церовъ, и охраненiе низама покрови- »тельствомъ Компанiи противъ всяка- »го нападенiя, избавляютъ его отъ не- »обходимости поддерживать военныя у- »чрежденiя главныхъ феодальныхъ воена-

* Продолженiе письма сэра Генри Росселя.

»чальниковъ, и лишаютъ его даже средствъ »сдѣлать это, еслибъ онъ и захотѣлъ. Предоставленные самимъ себѣ, они, по необходимости, должны принимать на себя издержки, требуемыя подчиненными имъ »воинами, неотправляющими, впрочемъ, »никакой государственной службы, но которыхъ нельзя распустить, не навлекая на »себя безчестья, потому что всѣ они наслѣдственные служители, воспитанные въ »своихъ семействахъ (ханазады). Это первая причина раззоренія; но есть и другая, »еще болѣе жестокая: низамъ, по государственному закону, есть общій наслѣдникъ »всѣхъ своихъ подданныхъ. Когда умираетъ »какой нибудь довольно значительный человѣкъ, то собственность его секвеструется »государственными чиновниками. Если низамъ возвратитъ ее семейству умершаго, »то это особенная милость. Съ тѣхъ поръ, »какъ государь освобожденъ отъ всякой »отвѣтственности и не имѣетъ никакой побудительной причины щадить своихъ под-

„данныхъ, милость эта дѣлается рѣже. По „смерти каждаго владѣльца изъ знатнѣй„шихъ фамилій, помѣстье его поступаетъ „въ казну; а въ продолженіе тридцати пяти „лѣтъ, смертію многихъ знатныхъ лицъ, „прекратились и самыя ихъ фамиліи. Нынѣ „при Гайдерабадскомъ дворѣ считается не „больше двѣнадцати человѣкъ дворянъ, но „и для нихъ уже нѣтъ будущности, нѣтъ „никакой надежды, никакого поприща „для ихъ честолюбія. Блескъ двора по„меркъ; отличія, дарованныя милостію го„сударя и происходившія отъ вседневныхъ „сношеній его съ дворянами, не существу„ютъ болѣе. Всѣ отрасли правленія сосре„доточены въ рукахъ министра; но и са„мый постъ, имъ занимаемый, пересталъ „быть уважаемымъ, и никто не завидуетъ „ему, потому что онъ не иное что̀, какъ „созданіе и орудіе иностранца.“

Что-жъ касается до средняго класса, по достоинствамъ своимъ, важнѣйшаго и полезнѣйшаго во всякомъ благоустроенномъ

государствѣ, то онъ или никогда не существовалъ, или давно уже уничтоженъ. Не осталось никакой связи, никакой посредствующей степени между двумя крайностями общества—высшими и низшими классами: къ послѣднимъ принадлежатъ банкиры и торговцы весьма въ маломъ количествѣ, у которыхъ есть еще состояніе, болѣе и болѣе разстроивающееся, по мѣрѣ того, какъ Англичане наводняютъ рынки; потомъ ремесленники и земледѣльцы, составляющіе массу народонаселенія, которыхъ положеніе такъ бѣдственно, какъ только можно себѣ представить. Болѣе половины государства превращено въ пустыню, и повсюду, гдѣ есть еще хлѣбопашество, земледѣлецъ старается только обезпечить нужды свои на одинъ годъ; онъ знаетъ, что ему ничего не позволятъ оставить въ запасъ, какъ бы ни были велики произведенія его промышленности; зачѣмъ же ему и работать, когда онъ не будетъ пользоваться выгодами своего труда? Если у него есть

насущный хлѣбъ, то онъ будетъ покойно спать, не заботясь о завтрашнемъ днѣ. Изъ этого слѣдуетъ, что одного неурожайнаго года достаточно для произведенія всеобщаго голода и для уничтоженія двадцатой части народонаселенія.

IX.

БОЛАРУМСКІЯ ВОЕННЫЯ КВАРТИРЫ. — БАЗАРЫ ВЪ ИНДІЙСКИХЪ АРМІЯХЪ. — НИЗАМСКАЯ АРМІЯ. — ВСПОМОГАТЕЛЬНАЯ АРМІЯ.

Можетъ быть, мы слишкомъ долго говорили о предметѣ, который, по важности и обширности своей, несовсѣмъ приличенъ для отрывистыхъ страницъ дневника. Но Французы имѣли такъ мало случаевъ посѣщать эту страну съ тѣхъ поръ, какъ мы лишились ея, и при томъ политическое существованіе Гайдерабада, по-видимому, такъ мало извѣстно не только читающей публикѣ нашей, но и въ самой Англіи, и до такой степени перешло въ область баснословія, что я распространилъ предѣлы моего

очерка, съ намѣреніемъ дать перевѣсъ истинѣ и сдѣлать ее болѣе ясною и полезною для тѣхъ, которые бы рѣшились впослѣдствіи идти по проложенному мною пути. Но пора обратиться къ моему разсказу. Я уже сказалъ, что мнѣ назначено было пользоваться годъ и одинъ мѣсяцъ самымъ любезнымъ гостепріимствомъ у моего зятя въ прелестнѣйшей деревнѣ Боларумъ, гдѣ квартируетъ резервное войско, или собственно такъ называемая низамская армія. Всѣ наши соотечественники, привлеченные въ Гайдерабадъ или духомъ приключеній, или надеждами, всегда обманчивыми, отдадутъ, подобно мнѣ, должную справедливость необыкновенному добросердечію и великодушію капитана Моттѐ, послѣдняго, единственнаго представителя нашего въ знаменитой бригадѣ, прославленной Бюсси и Раймономъ. Многіе, подобно мнѣ, обязаны ему возвращеніемъ въ отечество, изъ котораго мечты о счастіи, или честолюбіе заставили ихъ удалиться. Въ этомъ прелестномъ убѣ-

жищѣ, осѣненномъ роскошными садами, въ кругу друзей, при ревностномъ изученіи восточныхъ языковъ, мнѣ, по-видимому, ничего болѣе желать не оставалось, и я, безъ сомнѣнія, былъ бы счастливъ, еслибъ волнующая меня, скованная во мнѣ дѣятельность, безпокойная мысль о будущемъ и неизвѣстность, достигну ли я той цѣли, которой посвятилъ себя, не отравляли всѣхъ свободныхъ минутъ моихъ. Этотъ маленькій уголокъ въ мірѣ сдѣлался такъ знаменитъ въ новѣйшихъ лѣтописяхъ Индіи своею роскошью, своимъ изяществомъ, своею умственною и общежительною утонченностью, что я долженъ удѣлить ему нѣсколько страницъ въ моихъ запискахъ.

Боларумскія военныя квартиры—въ равнинѣ, покрытой прекрасною растительностью—расположены треугольникомъ, которому основаніемъ можетъ служить индійскій базаръ или рынокъ. Европейская часть состоитъ изъ тридцати домовъ или *бднгало* (англо-индійское названіе, сдѣлав-

шееся техническимъ), построенныхъ съ величайшимъ изяществомъ, вообще въ стилѣ греческой архитектуры, но разсѣянныхъ на пространствѣ квадратнаго полульё. Первобытный и самый простой типъ такъ называемаго бонгало заключается въ томъ, что оно снаружи обложено каменными стѣнами, выведенными вокругъ палатки, которая и теперь устроивается иногда подъ этою прочною оболочкою; тогда стѣны палатки бываютъ землебитныя и деревянныя, а кровля соломенная: въ такомъ видѣ зданія эти существуютъ еще въ Мактолѣ и во всѣхъ военныхъ квартирахъ новѣйшей постройки. Но въ Боларумѣ ничто не напоминаетъ вамъ этой оригинальной простоты: здѣшніе домы скорѣе похожи на римскія и аѳинскія виллы, съ перистилемъ изъ колоннадъ, поддерживающихъ плоскую кровлю. Внутри найдете вы всѣ затѣйливыя удобства, всю роскошь, свойственную великолѣпнымъ домамъ, словомъ: все, до красивыхъ, но безполезныхъ мелочей на мебе-

ли—переноситъ васъ въ другой климатъ и въ храмы моды.

Жилище капитана Моттѐ, въ кругу друзей прозванное *замкомъ наслажденій*, отличалось отъ всѣхъ другихъ симметріею архитектуры, красотою садовъ и веселостью общества. Иногда спрашиваю я самого себя: куда дѣвались многія изъ тѣхъ радостныхъ сердецъ, изъ тѣхъ цвѣтущихъ молодыхъ людей, которые собирались въ этихъ прекрасныхъ гостиныхъ и подъ этими тѣнистыми аллеями? Спросите: гдѣ тѣ увядшіе цвѣты, которые топтали мы нашими ногами?

How many a lad I have lov'd is dead,
And many a lass grown old!
But when the lesson strikes my head,
My weary heart grows cold. *

Линіи ** резервнаго войска тянутся между домами, и отдѣляютъ ихъ на большія

* Какъ много нестало молодыхъ людей, которыхъ я любилъ! Какъ много устарѣло молодыхъ и прекрасныхъ дѣвицъ! Но когда этотъ горестный урокъ представляется моему уму — онъ обдаетъ ледянымъ холодомъ мое сердце

** *Ligne*—техническое слово, означающее способъ квартированія туземныхъ войскъ вообще. *Соч*

разстоянія. Квартиры эти состоятъ изъ трехъ или четырехъ тысячь хижинъ, легко, но чисто построенныхъ изъ рогожъ, поддерживаемыхъ стойками, подобно стѣнамъ палатки; онѣ раздѣлены прямыми линіями на кварталы, обведены небольшими рвами для стока воды и отдѣлены прекрасными, убитыми пескомъ и укатанными улицами. Каждый сипай занимаетъ хижину; рѣдко случается, чтобъ двое жили въ одной; хозяйство каждаго изъ нихъ состоитъ: изъ маленькой сѣтки, натянутой на раму,—это постель; изъ гукаха, для любимаго препровожденія времени; мѣднаго сосуда для омовеній; корзины для бѣлья и двухъ или трехъ штукъ глиняной кухонной посуды.

Съ самой отдаленной отъ европейскихъ жилищъ стороны лагеря, тянется, въ одну длинную и кривую улицу, множество хижинъ, болѣе прочныхъ, нежели военныя квартиры, но почти въ такомъ же родѣ: это базаръ — необходимая принадлежность всякаго индійскаго войска; это деревня, на-

селенная купцами и ремесленниками, которые продаютъ сипаямъ все, что имъ нужно, и слѣдуютъ за ними на войну съ своимъ скотомъ и магазинами; потому что въ Индіи никакое правительство не выдаетъ пайка войску. Сипаи получаютъ хорошее жалованье; но на квартирахъ во время мира, равно и въ походахъ во время войны, сами должны заботиться о продовольствіи себя: они покупаютъ все съѣстное у купцовъ, о которыхъ мы теперь говоримъ, и каждый, по обычаямъ своей религіи, или касты, посвоему готовитъ себѣ кушанье. Хлѣбники, мясники, содержатели питейныхъ домовъ, словомъ: все нужное для жизни находится въ лагерѣ, и »то, что у военныхъ во всякой »другой землѣ назвали бы роскошью, вы не»премѣнно здѣсь найдете. Стада козъ и ко»ровъ для сливокъ, необходимыхъ къ чаю »офицерамъ, публичныя женщины для сол»датъ—все это сопутствуетъ войску, ко»гда оно идетъ на войну. Армія имѣетъ »свой базаръ; всякій полкъ, всякій отрядъ,

«также имѣетъ его во время похода.» *
Сверхъ того, у каждаго офицера огромный обозъ: при немъ десять, пятнадцать, тридцать человѣкъ служителей; палатка весьма тяжелая и особые люди для установки ея; столъ, постель, стулья, нерѣдко даже экипажъ, словомъ: система похода, какъ видно, не измѣнилась со временъ Ксеркса и Дарія. Эта придаточная толпа стольких людей, которая, въ день битвы, рѣшительно ни къ чему не служитъ, но которую должно тщательно охранять, потому что безъ нея войско умерло бы съ голода, совершенно разстроиваетъ всякую предусмотрительность, свойственную европейскому генералу, тѣмъ болѣе, что только третья часть людей въ походѣ находится подъ ружьемъ. Его военныя распоряженія не могутъ быть одинаковы съ европейскими; онъ должен отказаться отъ всякой мысли о быстротѣ, или смѣлости своихъ движеній, какъ скоро имѣетъ дѣло съ сильнымъ непріятелемъ;

* Жакмонъ.

особливо ничѣмъ не рисковать; начинать сраженіе не иначе, какъ съ увѣренностью въ побѣдѣ, потому что, при малѣйшемъ неосторожномъ движеніи, непріятель можетъ овладѣть его обозомъ. И такъ, ему надобно перевоспитать себя прежде, нежели сдѣлается начальникомъ войска: изъ этого слѣдуетъ также, что побѣда въ Индіи не всегда бываетъ на сторонѣ многочисленнѣйшихъ батальоновъ. «Лордъ Клейвъ, при «завоеваніи Бенгаліи, Александръ и Ксено«фонтъ имѣли при себѣ только горсть лю«дей, которые жили какъ могли, но кото«рые, въ случаѣ нужды, всѣ сражались: они «должны были побѣждать.* «Теперь—когда Англичане въ Индіи привыкли къ изнѣженности побѣжденныхъ, или, по крайней мѣрѣ, къ одинакимъ съ ними нуждамъ—если новый европейскій народъ явится на арену безъ всякихъ обременительныхъ принадлежностей, то въ силахъ ли они будутъ устоять? На этотъ вопросъ, можетъ статься, я

* Жакмонъ.

буду отвѣчать послѣ; но заранѣе готовъ ручаться въ пользу новыхъ пришельцевъ.

Относительно резервной или низамской арміи, я долженъ сдѣлать нѣсколько объясненій о составѣ общества офицеровъ, начальствующихъ въ ней, и о раздѣленіи ихъ на офицеровъ компанейскихъ и мѣстныхъ. Мы видѣли, что по смерти Раймона, въ 1798 году, маркизъ Уэллеслей потребовалъ отъ субадара роспуска прежнихъ солдатъ, увольненія французскихъ офицеровъ и преобразованія его арміи по системѣ исключительно англійской, подъ начальствомъ полковника Уэллеслея, впослѣдствіи герцога Веллингтона. Компанейское войско было тогда гораздо малочисленнѣе нынѣшняго, и могло отдѣлять весьма небольшое число офицеровъ отъ своихъ баталіоновъ; слѣдовательно въ то время Компанія, скорѣе нежели теперь, изъявляла согласіе на принятіе Европейцевъ въ службу туземныхъ государей, лишь бы имѣть ручательство въ ихъ вѣрности. По этой при-

чинѣ, майоръ Киркпатрикъ, тогдашній посланникъ при дворѣ низама, не затруднился допустить многихъ искателей приключеній, не имѣвшихъ никакой должности и находившихся въ Гайдерабадѣ, вступить въ резервную армію; это обстоятельство подало поводъ назвать военныхъ чиновниковъ, такимъ образомъ принятыхъ въ службу, мѣстными офицерами, въ отличіе отъ компанейскихъ. Это названіе безразлично стали придавать потомъ какъ Англичанамъ безъ особенной должности въ войскахъ королевскихъ, или компанейскихъ, такъ равно нѣкоторымъ Французамъ, вступившимъ въ службу подъ новымъ протекторствомъ, и небольшому числу юношей, выбранныхъ для приготовленія къ службѣ, или состоявшихъ подъ вліяніемъ какого нибудь сильнаго покровительства, которые принадлежали къ несправедливо презираемому классу *гельфкестовъ* или мулатовъ, и рождены отъ англійскихъ офицеровъ и индійскихъ женщинъ. Но допущеніе сихъ послѣднихъ въ

службу было причиною нелѣпаго предразсудка, неблагопріятнаго для всѣхъ, такъ называемыхъ, мѣстныхъ офицеровъ, которые вообще слывутъ, болѣе или менѣе, людьми смѣшанной крови.

Что-жъ касается до сипаевъ, то настоящая организація ихъ началась со времени управленія сэра Генри Ро́сселя, молодаго резидента съ отличными способностями, котораго весьма замѣчательное письмо мы имѣли уже случай помѣстить выше. Сдѣлавшись, въ 1811 году, посланникомъ или резидентомъ при дворѣ низама, онъ рѣшительно преобразовалъ это войско, которое предмѣстники его — въ промежутокъ времени съ 1800 по 1811 годъ — допустили до разстройства неправильною выдачею жалованья, всегда невѣрнаго подъ властію туземнаго правительства. Такая неточность подавала поводъ къ неповиновенію и къ возмущеніямъ противъ офицеровъ, которые часто дѣлались жертвами беззаботливости правительства и небрежности его повѣренныхъ

въ дѣлахъ. Онъ настоялъ, чтобъ жалованье, ассигнованное резервному войску, всегда поступало въ кассу резидента, который бы самъ раздавалъ его войску; къ существовавшимъ уже пѣхотной и артиллерійской дивизіямъ прибавилъ онъ бригаду, составленную изъ пяти полковъ нерегулярной кавалеріи, подъ начальствомъ европейскихъ офицеровъ; не только удержалъ въ службѣ, но даже увеличилъ число мѣстныхъ офицеровъ людьми, замѣчательными по своимъ достоинствамъ, не смотря на ихъ происхожденіе и цвѣтъ тѣла. При содѣйствіи зятя своего, полковника (нынѣ генерала), сэра Джона Довстона, онъ сдѣлалъ изъ этого войска то, что̀ оно есть по сіе время, когда я пишу эти строки — одну изъ блестящихъ туземныхъ армій, какія только есть въ распоряженіи Компаніи, во всѣхъ отношеніяхъ превосходящую другихъ ея сипаевъ. Прочіе резиденты, заступавшіе его мѣсто, имѣли виды менѣе обширные; по настойчивости ихъ, Общество директоровъ

опредѣлило не принимать впередъ, въ резервную армію, другихъ офицеровъ, кромѣ компанейскихъ; однако-же принято правиломъ не вытѣснять мѣстныхъ офицеровъ, которые тѣмъ болѣе начали дорожить службою; но только, по выходѣ въ отставку, постепенно замѣнять ихъ компанейскими; имъ также не позволяется вступать и въ королевскую армію. Мнѣ кажется, что военная служба ничего не выиграла отъ этого постановленія: мѣстные офицеры, находя въ резервной арміи единственное для себя поприще, больше дорожили службой, и общество офицеровъ было несравненно ревностнѣе къ своимъ обязанностямъ, нежели тѣ мимолетныя птицы, которыя остаются въ арміи низама для того только, чтобъ обогатиться и получить высшій чинъ, а потомъ перейдти въ королевскую армію.

Начальники резервной арміи получаютъ большое жалованье, и это самая выгодная служба въ Индіи. Причиною тому служитъ малое число европейскихъ офицеровъ: въ

каждомъ полку находится одинъ командующій капитанъ, съ жалованьемъ по 30,000 франковъ въ годъ; штабсъ-капитанъ, получающій 16,000; адъютантъ, квартирмейстеръ и докторъ. Но какъ сверхъ того есть мѣста начальниковъ штаба, предоставленныя тѣмъ-же офицерамъ, то каждый и старается занимать нѣсколько должностей и получать жалованье за каждую изъ нихъ.

Во время прибытія моего въ Боларумъ, въ 1831 году, тамошнія военныя квартиры имѣли, можетъ быть, болѣе блеска, нежели теперь. Небольшое общество офицеровъ, жившихъ въ избыткѣ, воспитанныхъ въ европейскихъ академіяхъ, привыкнувъ къ неограниченному восточному гостепріимству и не жалѣя денегъ для того, чтобъ имѣть средства слѣдить успѣхи ума въ наукахъ и литературѣ, составляли оазисъ роскоши и умственной утонченности въ этой пустынѣ индійскаго общества. Понятно, что служба, приносящая самому младшему изъ офицеровъ, человѣку лѣтъ 25-ти, столь-

ко же дохода, сколько доставляетъ званіе маршала во Франціи, имѣетъ много завистниковъ, и она дѣйствительно возбуждаетъ зависть, нерѣдко ненавистную, между офицерами другихъ армій. Всѣ они наперерывъ усиливаются вступить въ низамскую армію, и между тѣмъ разыгрываютъ басню: Лисица и Виноградъ. Тѣ, которымъ не удается достигнуть этой цѣли, стараются мстить своимъ, болѣе счастливымъ соперникамъ, принимая видъ весьма смѣшнаго презрѣнія къ мундиру, подъ которымъ всегда видятъ ненавистный отпечатокъ мулата.

Сравнивая низамское войско съ арміею вспомогательною, находимъ, что первое есть совершенно туземное: оно состоитъ изъ четырехъ бригадъ инфантеріи, которыхъ главныя квартиры находятся въ Боларумѣ, Гунголи, Ауренгабадѣ и Элличпурѣ, и одной кавалерійской дивизіи, имѣющей главную квартиру въ Моминабадѣ.

Войско это составлено изъ слѣдующихъ частей:

8 батальоновъ инфантеріи, по 800 человѣкъ въ каждомъ.	6,400.
5 полковъ нерегулярной кавалеріи, по 700 лошадей въ каждомъ. .	3,500.
4 ротъ пѣхотной артиллеріи. . .	500.
1 роты піонеровъ или инженерныхъ саперовъ.	150.
1 обозной роты.	100.
1 батальона ветерановъ.	300.
1 батальона инвалидовъ.	500.
И того. .	11,450.

Изъ всего этого войска, неподалеку отъ столицы квартируетъ одинъ только боларумскій гарнизонъ, состоящій изъ

3 баталіоновъ инфантеріи. . . .	2,400.
1 роты пѣхотной артиллеріи. . .	125.
1 полка нерегулярной кавалеріи. .	700.
1 обозной роты.	100.
И того. .	3,325.

Союзная, или какъ вообще называютъ ее, вспомогательная армія составлена изъ

двухъ дивизій, изъ которыхъ одна (самая важная), подъ начальствомъ бригадира или генералъ-майора, будучи расположена главною квартирою въ Секундерабадѣ, пересѣкаетъ путь между столицею и Боларумомъ. Составныя части этой дивизіи:

1 отрядъ конной артиллеріи (изъ туземцевъ)	150.
1 рота пѣхотной артиллеріи (изъ Европейцевъ)	125.
1 вторая рота пѣхотной артиллеріи (изъ Голандазовъ, т. е. туземцевъ)	125.
1 пѣхотный полкъ королевы (изъ Европейцевъ)	1.000.
1 полкъ регулярной кавалеріи (изъ туземцевъ)	700.
6 батальоновъ инфантеріи, изъ сипаевъ (туземцевъ)	6,000.
1 рота при обозѣ и походномъ госпиталѣ (изъ туземцевъ)	150.
И того	8,250.

Вторая дивизія расположена главною квартирою въ Ауренгабадѣ, древней столицѣ государства при Ауренгзебѣ; составъ ея:

1 отрядъ конной артиллеріи (изъ Европейцевъ).	150
1 полкъ регулярной кавалеріи (изъ туземцевъ).	700.
1 батальонъ инфантеріи, изъ сипаевъ (туземцевъ).	1,000.
1 рота піонеровъ (изъ туземцевъ).	150.
И того. .	2,000.
Всей-же вспомогательной арміи	10,250.

При сравненіи боларумскаго гарнизона съ секундерабадскимъ видно, что еслибъ первый захотѣлъ вступиться за своего безсильнаго государя въ распряхъ, которыя могли бы произойдти между имъ и Компаніею, то онъ имѣлъ бы передъ собою главные отряды вспомогательной арміи, вдвое противъ него многочисленнѣйшіе и вдесятеро сильнѣйшіе по случаю Европейцевъ.

Но само собою разумѣется, что низамская армія, отдѣленная отъ своего государя, котораго почти никогда не видитъ, къ которому никогда не является на службу, находящаяся подъ начальствомъ англійскихъ офицеровъ и чрезъ нихъ получающая свое жалованье, точно такъ-же покорна Компаніи, какъ мадрасская, бомбейская и калькутская арміи. Низама скорѣе можно назвать плѣнникомъ, нежели государемъ, и, по приказу резидента, она готова будетъ вести его на казнь. И такъ мы видимъ государя земли, болѣе обширной, нежели вся Франція, совершенно лишеннаго свободы, содержимаго въ засадѣ, у котораго нѣтъ ни одного воина, достойнаго носить это названіе, и который едва можетъ полагаться на вѣрность нѣсколькихъ сотъ наемныхъ солдатъ изъ разныхъ народовъ: Сейковъ, Аравитянъ и Афгановъ, похожихъ на лаццарони, безпечно лежащихъ подъ портикомъ его дворца, дурно вооруженныхъ и еще хуже одѣтыхъ. Послѣ этого недолжно удивлять-

ся, что онъ проводитъ весь годъ въ комнатахъ своихъ женъ, гдѣ старается забыть свой санъ, предаваясь удовольствіямъ и оргіямъ, унижающимъ достоинство человѣка.

**

X.

ОПИСАНІЕ ГАЙДЕРАБАДА. — ПРАЗДНИКЪ У ШАНДУЛАЛА. — БАЯДЕРКИ. — ЧАДЕРГАТСКОЕ ОБЩЕСТВО. — СЕМЕЙСТВО ПАЛЬМЕРЪ.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о столицѣ этой прекрасной страны, столь злополучной при всѣхъ способахъ къ счастію. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ со времени прибытія моего въ Гайдерабадскія владѣнія, но я не успѣлъ еще удовлетворить своего желанія—посѣтить новую Гольконду. Отправиться туда безъ конвоя, въ европейскомъ костюмѣ, пѣшкомъ ли, верхомъ ли, или даже въ паланкинѣ, было-бы чрезвычайно не благоразумно. Я не

встрѣтилъ бы ни одного джогги (орденъ индійскихъ нищихъ), который не обругалъ бы меня на дорогѣ, ни одного факира, (орденъ музульманскихъ нищихъ), который не объявилъ бы меня невѣрнымъ, и пропустилъ бы случай доказать мнѣ свое отвращеніе и даже подвергнуть меня публичному поруганію — словомъ: это было бы обрѣчь себя на оскорбленія и явную опасность. И такъ я принужденъ былъ дожидаться особеннаго случая, представляющагося не болѣе двухъ или трехъ разъ въ годъ, именно: когда низамъ, или министръ его пригласитъ англійскаго резидента на какое нибудь большое празднество. Въ такомъ случаѣ, начальство обыкновенно даетъ объ этомъ знать въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ квартируетъ войско, для того чтобъ доставить Европейцамъ, любопытствующимъ видѣть подобное зрѣлище, возможность участвовать въ великолѣпіи Востока. Резидентъ находитъ въ этомъ и собственную выгоду, увеличивая свою свиту обществомъ

людей, блистающихъ богатствомъ мундировъ, оружіемъ, орденами и перьями всѣхъ цвѣтовъ, и нисколько неутрачивающихъ своего эффекта передъ толпою Азіятцевъ, которые, какъ дѣти, удивляются всему, что только блеститъ. Наконецъ представился одинъ изъ такихъ случаевъ: Шандулалъ давалъ праздникъ въ своемъ загородномъ домѣ или *баггадери*; но чтобъ достигнуть до этого жилища, надлежало проѣхать столицу, во всю длину ея, гдѣ назначено было остановиться на нѣсколько времени во дворцѣ министра. Все общество приглашено было собраться на завтракъ къ резиденту въ его дворцѣ, въ одномъ изъ главныхъ предмѣстій города—Чадергатъ, гдѣ долженъ былъ устроиться порядокъ поѣзда и гдѣ находились уже слоны, присланные отъ министра для нашей свиты, также тѣлохранители и церемоніймейстеры, которые должны были ей сопутствовать.

Въ назначенный день мы выѣхали изъ Боларума въ семь часовъ утра: прекрасная,

убитая пескомъ и укатанная дорога — пролегая въ странѣ, очаровательно украшенной природою и представляющей, на протяженіи двухъ льё, то пруды, то деревеньки, то дикія и обнаженныя скалы, то плантаціи пальмъ и финиковыхъ деревъ—ведетъ къ Секундерабаду — квартирамъ вспомогательной арміи. Пересѣкая его во всю ширину, дорога вдругъ поднимается по наклоненной плоскости; достигнувъ вершины ея, вы видите себя на площади огромнаго шоссе, проложеннаго черезъ долину руками человѣческими. Направо представляется взорамъ прекрасное искуственное озеро, разливающее, при блескѣ солнца, зеркальную поверхность спящихъ водъ своихъ, или волнующееся легкими струями при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра. Налѣво разстилается долина яркой, изумрудной зелени и, простираясь вдаль, теряется изъ вида: это обширныя поля *пелли*, или *падди*: такъ называется рисъ въ различныя времена его произрастанія: падди, когда

стебли его находятся еще подъ водою, и нелли, когда вода бываетъ спущена съ полей. На другомъ концѣ плотины дорога поворачиваетъ влѣво и спускается въ долину, гдѣ являются передъ вами развалины, покрытыя чужелдными растеніями, но еще возвышающіяся съ нѣкоторою величавостью: это бывшій французскій литейный заводъ, построенный Г.-мъ де Бюсси, но отъ котораго теперь сохранились только остатки толстыхъ стѣнъ. Потомъ идутъ восхитительные сады, изъ которыхъ болѣе всѣхъ плѣняетъ васъ садъ Г. Вильяма Пальмера, *князя купцовъ*. На правой сторонѣ этого сада видите прелестную мазульманскую могилу матери его, Бегумъ, благородной и знатной Индіянки, вышедшей замужъ за англійскаго генерала Пальмера по закону Корана, т. е. по обрядамъ своей религіи.

Послѣ того передъ вами открывается рѣшетка прелестной англійской аллеи, излучистой и мрачной; двое часовыхъ отдаютъ вамъ честь, и коляска ваша въѣзжаетъ подъ

темный сводъ зелени. Что-то бѣлое показывается вамъ сквозь завѣсу листьевъ; вы дѣлаете послѣдній поворотъ, и лишь только успѣете выѣхать изъ чащи деревъ, какъ взоры ваши поражаются неожиданнымъ видомъ величественнѣйшаго зданія, какое только можно вообразить.

Между двухъ огромныхъ сфинксовъ, изсѣченныхъ изъ камня, широкая, открытая лѣстница, вышиною въ 50 ступеней, ведетъ къ перистилю великолѣпнаго портика коринѳскаго ордена; гигантскія колонны, которыя, по чрезвычайной вышинѣ своей, кажутся легкими и тонкими, придаютъ необыкновенное величіе фасаду, гордящемуся греческой архитектурой своей, и какъ будто съ презрѣніемъ взирающему на восточныя зданія, которыхъ куполы и минареты видны со стороны города. По правую и лѣвую сторону портика простираются, на огромномъ пространствѣ, обширныя пристройки и галлереи, которыхъ колоннады прелестно возвышаются отъ одного этажа

до другаго: это зданіе сдѣлало бы честь Парижу, или Версали; но не смотря на огромныя суммы, на него истраченныя, и на недавнее время его существованія (около 25 лѣтъ), оно угрожаетъ уже разрушеніемъ: такъ дурны матеріалы, употребляемые здѣсь на постройки. Внутренность зданія соотвѣтствуетъ его наружности: оно обмеблировано съ такимъ богатствомъ, какого вы не встрѣтите даже во дворцахъ европейскихъ. Завоеватели, похитившіе власть Акбара и Аурензеба, сознавали необходимость ослѣпить воображеніе Азіятцевъ блескомъ, который напоминалъ бы имъ, по крайней мѣрѣ, эти знаменитые престолы.

Резидентъ — тогда полковникъ Джосіа Стѐуэртъ (человѣкъ небольшаго роста, пріятной и выразительной наружности, потерявшій руку въ сраженіи съ пиратами на Красномъ морѣ) — принялъ насъ въ столовой, гдѣ былъ уже приготовленъ завтракъ, который всегда бываетъ общій: всякій офицеръ, пріѣзжающій изъ секундерабадской,

или боларумской армiи и являющiйся отдать честь представителю британской власти, по праву приглашается къ завтраку. Общество состояло изъ чиновниковъ резидентства; тутъ находились: первый ассистентъ, маiоръ Кӗмеронъ; военный секретарь маiоръ Муръ; докторъ и командиръ конвоя; сверхъ того человѣкъ сорокъ офицеровъ изъ разныхъ полковъ королевскихъ, компанейскихъ или низамскихъ, да еще нѣсколько путешественниковъ, изъ которыхъ одинъ былъ иностранецъ, прусскiй Баронъ, кажется, Гюгель. Все это общество собралось, такъ-же какъ и мы, съ намѣренiемъ присоединиться къ свитѣ резидента и разыгрывать въ этой церемонiи двѣ роли въ одно и то-же время — и актеровъ и зрителей.

Въ одиннадцать часовъ утра, *Чобдары*, родъ церемонiймейстеровъ, съ серебряными булавами въ рукахъ, явились объявить отъ имени министра, что въ столицѣ все уже готово къ принятiю гостей, и что *сдуарри*

Его Превосходительства ожидаетъ его на дворѣ дворца: сбуарри (собственно кавалькада) называется свита, состоящая изъ всадниковъ, слоновъ и слугъ всякаго рода, которыми, по примѣру туземныхъ владѣтельныхъ особъ, окружаютъ себя европейскіе повѣренные въ дѣлахъ, въ случаѣ торжественныхъ церемоній.

Сбуарри резидента содержится насчетъ англійскаго правительства: опредѣленное число слоновъ, рота регулярной кавалеріи, выбранная изъ гарнизонныхъ секундерабадскихъ полковъ, причислены къ резиденціи съ самаго ея основанія, такъ же какъ и значительное число служителей въ ливреяхъ, облитыхъ серебромъ, съ алебардами и проч. и проч. Двери отворились, и мы дѣйствительно увидѣли пятнадцать или двадцать слоновъ, поставленныхъ въ рядъ у великолѣпной лѣстницы и покрытыхъ алыми чапраками, богато вышитыми золотомъ: у однихъ были на спинѣ родъ дивановъ; у другихъ подушки въ че-

тыреугольной рамѣ, подъ маленькимъ китайскимъ павильономъ, въ который надо было садиться, поджавъ ноги; у прочихъ же—и это самые покойные—что-то въ родѣ фаэтона безъ колесъ, гдѣ двое могли сѣсть рядомъ, а позади небольшое мѣсто для слуги, которое обыкновенно остается пустымъ.

Все наше общество раздѣлилось по-парно. или по-трое, и каждая партія пошла выбирать себѣ слона. У нашего слона, одного изъ самыхъ большихъ въ свитѣ, былъ на спинѣ фаэтонъ, или *гоудахъ*, возвышавшійся на четырнадцать футовъ отъ земли. Въ первый еще разъ случилось мнѣ ѣхать на одномъ изъ этихъ огромныхъ животныхъ, столь могучихъ и въ то-же время столь кроткихъ; съ чувствомъ какой-то боязни и удовольствія готовился я къ этому, такъ сказать, воздушному путешествію. У каждаго слона свой вожатый или корнакъ, сидящій на подушкѣ, положенной на шеѣ животнаго, такъ, что ноги прихо-

дятся позади огромныхъ ушей, и особый приставникъ, идущій подлѣ него и обязанный, въ продолженіе всего пути, разговаривать съ слономъ; напоминать ему ступать осторожнѣе; уговаривать, чтобъ онъ велъ себя благоразумно; ободрять, когда онъ устанетъ; запрещать ему играть хоботомъ, а еще больше красть что нибудь въ лавкахъ, встрѣчающихся на дорогѣ, и обѣщать ему, по возвращеніи домой, свѣжихъ листьевъ, если онъ будетъ послушливъ, и наконецъ наблюдать, чтобъ не случилось какой нибудь неисправности въ его экипажѣ. Когда садятся на слона, то его заставляютъ лечь на брюхо, опираясь на колѣни заднихъ ногъ, а переднія совершенно вытянуть; въ этомъ безпокойномъ положеніи онъ остается недвижимъ, пока слуга приставитъ прочную лѣстницу, по которой на него всходятъ. Тщательно затворивъ дверцы экипажа, лѣстницу привѣшиваютъ на ремнѣ къ лѣвой сторонѣ животнаго, и когда кончатся всѣ приготовленія, корнакъ

велитъ слону подниматься *тише, какъ можно тише* (*утъ! гастè жеэ, гастè!*) «Но когда «онъ встаетъ, то вамъ кажется, что вы «на баркѣ, которая опрокидывается; ему «стôитъ большаго усилія подняться, особ«ливо на переднія ноги: но движеніе это «совершенно безопасно. Слонъ, снаряжен«ный такимъ образомъ, имѣетъ два хода: «при одномъ изъ нихъ, когда животное «идетъ одно почтовое льё въ часъ, вы «чувствуете отрывистое и частое, но до«вольно пріятное колыханіе; при другомъ, «когда его принуждаютъ пройдти два льё «въ часъ—васъ трясетъ, толкаетъ, под«брасываетъ, словомъ: вы терпите самыя непріятныя движенія.*»

Для управленія слономъ почти всегда бываетъ достаточно одного человѣческаго голоса; но наказаніе, употребляемое въ случаѣ нескораго повиновенія, слишкомъ жестоко: на верхней части шеи животнаго растравляютъ рану, и всегда поддержи-

* Жакмонъ.

ваютъ ее, увлажая душистымъ масломъ: посредствомъ этой раны дѣйствуютъ на животное, въ случаѣ нужды, орудіемъ пытки. Корнакъ, или магутъ, сидащій, какъ мы уже видѣли, на шеѣ слона, держитъ въ рукахъ родъ маленькой алебарды, мѣдной или серебряной; если слонъ заставляетъ повторять приказаніе болѣе двухъ разъ, то вонзаютъ алебарду въ его рану; этотъ колоссъ испускаетъ жалобный вопль, и повинуется въ одну минуту. Удивительно, что онъ никогда, если только корнакъ не чрезвычайно жестокъ, не старается свергнуть иго человѣка—насѣкомаго, въ сравненіи съ нимъ, которое мучитъ его.

Когда резидентъ и вся свита размѣстились на слонахъ, поѣздъ построился въ колонну и двинулся съ мѣста, предшествуемый тамтамами и цимбалами, сопровождаемый чобдарами и піонами (пѣшеходными слугами) министра, которые бѣжали по бокамъ и разгоняли толпу; позади шелъ отрядъ компанейской кавалеріи, служив-

щій арьергардомъ резидентскому конвою. Такимъ торжественнымъ шествіемъ мы прошли все предмѣстье Чадергатъ; на одномъ концѣ его возвышается дворецъ посланника; на другомъ оно заключается мостомъ, переброшеннымъ черезъ маленькую рѣчку Мусса, которая отдѣляетъ его отъ города. Рѣчка эта тогда почти высохла; но за то въ августѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ, когда прекращается дождливое время, она несется свирѣпыми волнами, увлекая своимъ стремленіемъ все, встрѣчающееся на пути, и простираетъ опустошеніе до самыхъ стѣнъ столицы.

Проѣхавъ мостъ, вы находитесь при подошвѣ укрѣпленій, развалины которыхъ были бы живописнѣе, еслибъ самое строеніе было величественнѣе. Но тутъ не ищите ни колоссальныхъ камней, ни красивыхъ обломковъ стѣнъ: все состоитъ изъ одной пыли, болѣе или менѣе сыпучей и вихремъ подымающейся на воздухъ при всякомъ дуновеніи вѣтра, или распускающейся зарази-

тельной грязью во время сильныхъ дождей. Рвовъ вовсе нѣтъ, кромѣ развѣ русла высохшей рѣки; нѣтъ ни гласисовъ, ни крытыхъ ходовъ, и городъ окруженъ простымъ землебитнымъ валомъ, вышиною въ пятнадцать футовъ и не болѣе трехъ футовъ шириною; но и тутъ множество проломовъ. Нельзя и подумать, что въѣзжаешь въ столицу; между тѣмъ мы находились уже подъ аркою главныхъ тріумфальныхъ воротъ ея Дели-Дервазахъ (ворота Дели). Тяжелая дверь, навѣшенная подъ аркой, между двумя дурными караульнями съ большими зубцами и бойницами, отворилась для принятія поѣзда. Стража, похожая больше на шайку разбойниковъ (неоцѣненную для мелодрамы), нежели на солдатъ — состоявшая изъ Сейковъ и Аравитянъ, испещренныхъ лохмотьями всѣхъ цвѣтовъ и обремененныхъ множествомъ оружій: саблями, кинжалами, пистолетами и проч., стала во фрунтъ, и опираясь на свои длинныя винтовки, отдала намъ честь барабаннымъ боемъ.

Гайдерабадъ, какъ и большая часть индійскихъ городовъ, мѣстечекъ и деревень, построенъ крестообразно: двѣ главныя улицы, подобно кровоноснымъ артеріямъ, пересѣкаютъ одна другую, почти прямыми углами, на большой площади Чораэ, посреди которой возвышается Джумаа - Мусджитъ или Чарминаръ (большая мечеть съ четырьмя минаретами). Платформа этого храма служитъ удобнѣйшимъ мѣстомъ для обозрѣнія всей столицы. Съ высоты ея видны плоскія крыши, которыхъ однообразная бѣлизна и правильныя линіи очаровательно украшены легкими верхушками множества деревъ, едва замѣтныхъ, когда идешь по улицамъ, но здѣсь составляющихъ картину, исполненную изящества и жизни. Отсюда скрываются всѣ узкія и извилистыя улицы, и глазамъ представляются только двѣ широкія аллеи, пересѣкающіяся у вашихъ ногъ, и взоры ваши свободно слѣдятъ по нимъ толпу жителей, безпрестанно оживляющихъ эту картину. Со всѣхъ сторонъ вы видите

то окна верхнихъ этажей, то башни, то готическія арки, и все это обремененное различными украшеніями, балконами, жалузи, зубцами, балюстрадами, башенками, куполами, круглыми, или остроконечными крышами: все вмѣстѣ составляетъ, такъ сказать, концертъ восточной архитектуры, варіированный на всѣ тоны. Эта картина имѣетъ столько новаго и необыкновеннаго, что невольно внушаетъ вамъ непреодолимое желаніе остановиться и смотрѣть на нее. Но такому удовольствію неблагоразумно было бы предаваться болѣе нѣсколькихъ минутъ, потому что отсюда вы пользуетесь весьма опасною привилегіей Хромаго Бѣса—проникать въ семейныя тайны. Вообще плоскія крыши домовъ обнесены парапетами, довольно высокими, такъ, что жены горожанъ свободно могутъ приходить сюда пользоваться воздухомъ безъ покрывала и безъ опасенія быть замѣченными кѣмъ нибудь съ улицы, или съ сосѣднихъ террасъ, и потому эти прогулки вошли у нихъ въ

обыкновеніе. Часто даже, по странному противорѣчію, крыши эти служатъ имъ ретираднымъ мѣстомъ. Музульмане до такой степени ревнивы къ любопытствующимъ проникнуть въ тайны домашняго ихъ быта, что оставаться долгое время на такомъ видномъ мѣстѣ, какова галлерея большой мечети, слишкомъ опасно; иначе, пуля какого нибудь разсерженнаго супруга не замедлитъ просвистать въ ушахъ любопытствующаго.

Поспѣшите же сойдти съ этой высоты, но возмите предосторожность нейдти въ боковыя аллеи; тамъ вамъ будетъ слишкомъ душно; вы подумаете, что недостаетъ воздуха для свободнаго дыханія, и скоро впечатлѣніе какой-то неловкости, тоски и отвращенія замѣнитъ то удовольствіе, которымъ вы наслаждались передъ этимъ. Нестройныя каменныя зданія, стѣсняемыя одно другимъ въ этомъ сгроможденномъ городѣ, съ ихъ высокими и обнаженными фасадами, безпрестанно приводятъ вамъ на

мысль или тюрьму, или крѣпость: тутъ не только солнце, но даже и свѣтъ не достигаетъ до васъ. Домы построены въ два, три и даже въ четыре этажа; улицы, мало того что узки, но еще закрыты арками, которыя, будучи смѣло переброшены черезъ нихъ отъ дома къ дому, шириною своею нерѣдко образуютъ надъ вами непрерывный сводъ, служащій путемъ сообщенія между противоположными рядами жилищъ. Поперегъ улицъ выведены стѣны съ воротами, въ нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой; стòитъ только запереть эти ворота, и тогда каждый кварталъ превратится въ отдѣльную крѣпость. Можно заблудиться въ этихъ непроходимыхъ улицахъ, пріютахъ нищеты и холеры, посреди которыхъ, во всю длину ихъ, проведены глубокія канавы, наполненныя черной и вонючей грязью, распространяющею заразительныя испаренія. Напротивъ же того, въ Чораэ, т. е. въ четырехъ улицахъ, примыкающихъ къ большой площади, все дышетъ весельемъ и

жизнію. «Толпа, безпрестанно возобновляю-
«щаяся, представляетъ чрезвычайно живо-
«писный видъ разнообразіемъ и яркостью
«цвѣтовъ своей одежды. Ея медленная по-
«ходка, ея лѣнивая безпечность исполнены
«какой-то прелести и благородства: рѣдко
«встрѣтите вы здѣсь выраженіе грубости,
«но жестокости никогда, и въ наружно-
«сти, самой непривлекательной, вы можете
«видѣть только отпечатокъ гордости.
«Праздная толпа наслаждается спокойстві-
«емъ, какъ природнымъ благомъ своимъ, и
«ужасная нищета, до которой доходитъ
«этотъ лѣнивый народъ, по-видимому, ни-
«сколько не опечаливаетъ его.*» У нихъ
нѣтъ удовольствій живыхъ и шумныхъ; ника-
кая забота не заставитъ ихъ ускорить свои
движенія; они также медленно идутъ на лю-
бимое зрѣлище, какъ и на работу, къ ко-
торой иногда принуждаютъ ихъ сущест-
венныя нужды. Тайна удовольствія, ощу-
щаемая при наблюденіи этой лѣнивой тол-

* Жакмонъ.

пы, заключается, можетъ быть, въ томъ, что непоколебимое спокойствіе и тишина ея невольно сообщаются и вамъ самимъ.

Что касается до женщинъ, то ихъ очень мало видишъ на улицахъ, гдѣ встрѣчаешь только невольницъ, или баядерокъ самаго низкаго класса. Это не доказываетъ, однако-же, что женщинъ держатъ здѣсь совершенно взаперти: онѣ могутъ выходить изъ дома подъ разными предлогами: посѣтить своихъ матерей, сестеръ, пріятельницъ, или купить что нибудь; но женщины, довольно богатыя, или имѣющія хотя малѣйшее право называться благородными, неиначе являются на улицѣ, какъ въ паланкинѣ, тщательно закрытомъ, или въ *гèккере*, маленькой каретѣ подъ шатромъ, запряженной волами, которая въ азіятскихъ городахъ замѣняетъ наши фіакры.

Гайдерабадъ весьма обширный и самый многолюдный городъ всей южной Индіи; число жителей полагаютъ въ немъ до двухъ сотъ пятидесяти тысячъ. Его построеніе, при-

надлежащее къ позднѣйшему времени, очевидно относится къ эпохѣ упадка искуствъ, и кромѣ мечети Чарминаръ, отличающейся одною массивностью, онъ не можетъ похвалиться никакимъ достопримѣчательнымъ памятникомъ. Въ числѣ многихъ зданій, странныхъ и уродливыхъ, единственными, представляющими нѣкоторые слѣды того совершенства, которое замѣтили мы въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ въ Садрасѣ, можно почесть небольшіе пагоды, имѣющіе форму митры, построенные въ древнемъ вкусѣ, встрѣчаемые въ индійскихъ частяхъ города и отличающіеся каменными скульптурными украшеніями примѣчательной красоты и отдѣлки. Изящныя и легкія строенія музульманской архитектуры видны здѣсь только въ надгробныхъ памятникахъ, которыхъ очень много; мертвые занимаютъ столько же мѣста, сколько и живые. Ежеминутно встрѣчаете вы кладбища въ самомъ изящномъ вкусѣ, гдѣ камень является то въ видѣ кружева, то арабесковъ, то фанта-

стическихъ фигуръ, и облекаясь въ легкія, прелестныя и затѣйливыя формы, удаляетъ всякое грустное впечатлѣніе. Кладбища служатъ мѣстомъ гулянья и вечернихъ свиданій, особливо въ часъ молитвы, приносимой всенародно; каждый преклоняется предъ Аллахомъ, стоя на колѣняхъ, на могилѣ отцовъ своихъ, на прахѣ милыхъ сердцу, которыхъ любилъ и лишился. Цвѣты и кустарники, выращенные съ благоговѣйной заботливостію, составляютъ рѣзкую противоположность съ печальными изображеніями надгробныхъ памятниковъ, и разливаютъ вокругъ нихъ тѣнь, свѣжесть и благоуханіе. Смерть, облеченная въ такой пышный нарядъ, утрачиваетъ всѣ свои ужасы.

Исключая храмы и лавки, наружность почти каждаго дома не представляетъ ничего, кромѣ гладкой, простой и грязной стѣны, на которой единственное отверстіе—узкая бойница на двадцать, или на тридцать футовъ отъ земли: всѣ окна и двери, кромѣ главнаго входа, выходятъ на внутренній

дворъ, куда ничей глазъ не можетъ проникнуть. Но четыре большія улицы, о которыхъ мы уже говорили, исключаются изъ этого правила: онѣ удовлетворяютъ любопытству путешественника, представляя ему возможность видѣть всѣ занятія, всѣ потребности и привычки народа, въ особенности класса промышленниковъ. Это базаръ, гдѣ вы видите наиболѣе движенія и торговли и гдѣ находятся главныя лавки. Въ лавкахъ портныхъ вы находите самыя драгоцѣнныя произведенія Кашемира и Дели. «Искусные мастера, умѣющіе штопать матеріи мелкими и незамѣтными для глазъ стежками, сидятъ групами въ своихъ мастерскихъ, занимаясь починкою прекрасныхъ шалей, которыя, вышедши изъ ихъ рукъ, будутъ проданы неосмотрительнымъ покупателямъ за новыя.» Всякаго рода ремесленники публично занимаются производствомъ работъ своихъ въ открытыхъ лавкахъ. Жилища красильщиковъ отличаются кусками матерій самыхъ яркихъ цвѣтовъ, вывѣшенными

на длинныхъ шестахъ. Лавки мѣдниковъ, блестящія посудою разныхъ сортовъ мѣди, еще больше бросаются въ глаза. На всякой улицѣ вы увидите банкира или мѣняльщика, сидящаго подлѣ груды *кдури*—(родъ раковинъ, употребляемыхъ вмѣсто монетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Африки и Индіи). Эти люди пріобрѣтаютъ огромныя выгоды въ теченіе каждаго дня. При размѣнѣ денегъ они накладываютъ ажіо на каждую рупію; сверхъ того, они же и ростовщики, отдающіе взаймы свои деньги за большіе проценты. [1]

За тѣмъ слѣдуютъ кондиторы, люди столько же необходимые въ Гайдерабадѣ, какъ и во Франціи, не смотря на заслуженную нами репутацію гастрономовъ. Но здѣсь вы посвящены въ самыя сокровенныя таинства ихъ алхиміи; работа ихъ никогда не останавливается; во всякое время дня вы найдете ихъ публично занятыми приготовленіемъ сахарныхъ печеній и самыхъ

[1] *Oriental Journal*, Description de Bénarès, traduction d'Urbain

изысканныхъ лакомствъ. Вы видите, какъ въ жельзной кастрюль на угляхъ кипитъ сиропъ, вымъшиваемый отъ времени до времени жельзной же ложкой; когда онъ дойдетъ до желаемой густоты и вберетъ въ себя достаточное количество пыли, подымающейся съ улицы цѣлыми облаками, тогда его наливаютъ ложкой на жельзное блюдо, и вы слышите его шипѣнье и клокотанье. Когда печенья готовы, ихъ выкладываютъ на тотъ-же прилавокъ, на которомъ производится вся работа и гдѣ безпрестанно ложится на нихъ пыль, до тѣхъ поръ, пока любители разберутъ ихъ. Для Европейца эти лакомства вовсе непривлекательны.

Только еще въ Гайдерабадѣ, по сіе время, найдете вы драгоцѣнные камни, прелестнѣйшіе во всемъ свѣтѣ брилліанты, рубины, изумруды, гранаты и въ особенности жемчугъ; но вамъ надо терпѣливо выжидать и покупать ихъ по-одиначкѣ, по мѣрѣ того, какъ упадающее дворянство высылаетъ свои

драгоцѣнности на рынокъ для снисканія себѣ дневнаго пропитанія. Тутъ-же вы найдете изящнѣйшія ткани легче пчелиныхъ крыльевъ; «бенарескіе эшарпы изъ золотой, или серебряной матеріи съ широкою бахрамою; наконецъ знаменитые *кинкабы*, соперничествующіе съ самыми дивными тайнами новѣйшей механики; но ничто не можетъ быть такъ прелестно, какъ шитье по бархату, служащее украшеніемъ для *пюгри* или индійской чалмы. Этотъ превосходный головной уборъ имѣетъ сходство съ групою драгоцѣнныхъ камней, и когда вы видите его на красивомъ и стройномъ Индійцѣ, одѣтомъ въ жилетъ и панталоны изъ алой золотой парчи; когда онъ опоясанъ кашемировой шалью, а другая шаль перекинута черезъ плечо; верхнее же платье и сабля украшены бриліантами, то согласитесь, что этотъ костюмъ можетъ спорить своею роскошью и великолѣпіемъ съ самою богатою одеждою въ мірѣ.»* Благородные Индійцы,

* *Oriental Annual*, traduction de M. Auguste Urbain.

одѣтые въ свой блестящій нарядъ, верхомъ на лошадяхъ, на которыхъ вся сбруя облита серебромъ, иногда, какъ метеоры, проносятся по площадямъ, сопровождаемые свитою тѣлохранителей, болѣе или менѣе многочисленныхъ, вооруженныхъ алебардами, саблями, ружьями, и хотя почти голыхъ, но тѣмъ не менѣе живописныхъ. Намъ попадалось много этихъ денди, но они вообще сворачивали съ дороги, для избѣжанія встрѣчи съ нами. Причина токого удаленія заключалась въ лошадяхъ, не меньше, какъ и въ самихъ всадникахъ: эти животныя не въ силахъ преодолѣть своего ужаса при видѣ слоновъ, и скорѣе опрокинутся назадъ, нежели пройдутъ мимо ихъ.

Приближаясь къ центру города, мы увидѣли, сквозь огромныя ворота, устроенныя въ каменномъ зданіи, служащемъ караульней, насыпной дворъ Шандалалова дворца, наружная часть котораго ничего не представляетъ, кромѣ обнаженной и закоптѣлой стѣны; только маленькія башни, при-

строенныя къ зубцамъ и похожія на древнія сторожевыя башни феодальныхъ замковъ, придаютъ нѣсколько значительный видъ этому жилищу. Сынъ министра, Раджа-Бала-Пурсатъ, дожидавшійся нашего прибытія на балконъ, сошелъ встрѣтить резидента; слоны наши стали въ одинъ рядъ на дворѣ; мы слѣзли съ нихъ и воспользовались даннымъ позволеніемъ осмотрѣть жилище человѣка, во власти котораго находятся лучшія драгоцѣнности разбитой короны великаго Могола.

Подъ перистилемъ, довольно низкимъ, поддерживаемымъ маленькими деревянными колоннами, фантастически расписанными и вызолоченными, отворялось множество маленькихъ дверей. Сынъ нашего хозяина встрѣтилъ посланника и, слѣдуя восточному этикету, взялъ его за руку и ввелъ въ дверь, находящуюся на правой сторонѣ; вся свита поспѣшила послѣдовать за ними, какъ цѣлое стадо за однимъ бараномъ. Мы шли по маленькой лѣстницѣ, очень тем-

ной и до того узкой, что два человѣка съ трудомъ могли идти по ней рядомъ; сперва вошли въ залу съ балкономъ, откуда могли обозрѣть весь планъ этого жилища. Домъ Шандулала есть вѣрный представитель всѣхъ домовъ богатыхъ Индійцевъ; онъ состоитъ изъ большаго четыреугольнаго двора, окруженнаго съ трехъ сторонъ строеніемъ въ два этажа, заключающимся въ маленькихъ отдѣленіяхъ, выходящихъ подъ крытую галлерею, которая поддерживается деревянными столбами, пестро испещренными; въ передней части этого строенія, соотвѣтствующей входу, находятся двѣ залы: диванъ е-амъ и диванъ е-хасъ — зала публичная и зала домашняя; первая выходитъ окнами въ наружные сады, а другая — на внутренній дворъ. Что̀ касается до обмеблировки, то вы видите кое-гдѣ дорогую мебель, поставленную рядомъ съ такою старинною и ветхою, которой не потерпѣли бы въ самомъ скромномъ европейскомъ домѣ. Украшенія на потолкѣ

скульптурной работы; между тѣмъ нѣтъ ни одной двери, которая бы затворялась, и ни одного окна, которое бы закрывалось. Здѣсь скорѣе выстроятъ новый домъ, нежели вставятъ разбитое стекло. Все, что́ служитъ къ существеннымъ удобствамъ и спокойствію жизни, въ совершенномъ пренебреженіи, и при недостаткѣ самыхъ необходимыхъ вещей, замѣчаемомъ вездѣ и во всемъ, васъ удивятъ безполезныя и странныя прихоти, которыя здѣсь встрѣтите; напримѣръ: фортепіано, хотя никто во всей столицѣ не понимаетъ его употребленія, или часы французской работы, которыя никогда не заводятся; люстры во всѣхъ комнатахъ, повѣшенныя такъ, что, проходя, надо остерегаться, чтобъ не ушибить себѣ голову; на стѣнахъ маленькія рамы дурной работы съ раскрашенными гравюрами, какія только можно встрѣтить въ деревенскихъ трактирахъ; деревянныя вызолоченныя кресла, покрытыя превосходнымъ бархатомъ, но источеннымъ насѣ-

комыми, и употребляемыя только въ присутствіи Европейцевъ: повсюду роскошь и бѣдность. Посреди всего этого, самымъ любопытнымъ предметомъ былъ сынъ нашего хозяина, принимавшій насъ въ городскомъ домѣ своего отца, тогда какъ самъ Шандулалъ дожидался насъ въ деревнѣ. Раджа-Бала-Пурсатъ имѣлъ видъ олицетвореннаго обжорства; это чудовище толщины съ трудомъ передвигало свое туловище; но безсмысленные глаза его постоянно были устремлены на посѣтителей, а челюсти приведены въ движеніе безпрестаннымъ жеваньемъ листьевъ бетеля, приготовленныхъ посредствомъ извести, или ѣдою разныхъ пряностей, которыя онъ всегда имѣлъ при себѣ въ какой-то коробочкѣ, въ родѣ бомбоньерки. Выраженіе его глазъ ежеминутно обличало низкія движенія души: онъ очевидно готовъ былъ льстить вамъ, ползать и лежать у ногъ вашихъ, и рѣшился бы на всякую подлость, еслибъ надѣялся понравиться вамъ этимъ;

но онъ, въ то-же время, вопреки самому себѣ, былъ стѣсненъ непреодолимымъ неудовольствіемъ, происходившимъ отъ тайной ненависти къ Европейцамъ, понимавшимъ все его ничтожество, читавшимъ въ чертахъ его скотское сладострастіе, пороки и всѣ презрительныя качества. Изъ всѣхъ подданныхъ низама едва-ли найдется хотя одинъ, менье достойный быть преемникомъ Шандулала, нежели собственный сынъ его. Въ каждомъ изъ насъ онъ произвелъ непріятное впечатлѣніе и чувство того отвращенія, которое возбуждается въ насъ прикосновеніемъ какого-нибудь гада, и потому резидентъ попросилъ *рухзата* (позволенія удалиться): таковъ общій обычай прощаться на Востокѣ. Мы опять усѣлись на своихъ слоновъ, проѣхали остальною частью города и отправились въ деревню.

Длинное предмѣстье, состоящее изъ развалившихся домовъ странной архитектуры, разбросанныхъ безъ всякаго порядка, но вообще имѣющихъ живописный видъ, ко-

торый придаютъ имъ деревья и цвѣтущіе кустарники, ведетъ къ обширнымъ полямъ расположеннымъ въ освѣжительной долинѣ. Могильные холмы, возвышающіеся по правую и лѣвую сторону, образуютъ узкую тропинку, проложенную въ этомъ морѣ зелени; одинокія деревья становятся рѣже; вдали огромная масса темной зелени виднѣется изъ-за высокихъ стѣнъ; позолоченные шпицы и куполы блестятъ между деревьями: это Баггадери—вилла Шандулала; это страница, вырванная изъ *тысячи и одной ночи* — лабиринтъ кіосковъ, садовъ, источниковъ и водометовъ; это почти большая версальская аллея, находящаяся противъ оранжереи, если только вы вообразите себѣ, вмѣсто нашихъ дубовъ и грабины, кокосовыя, банановыя, арековыя деревья, кипарисы, мимозы, и перенесете туда все богатство и разнообразіе цвѣтовъ восточныхъ растеній. Надо также представить себѣ, вмѣсто широкаго пространства нашего дерна, партеры цвѣтовъ всякаго рода, между ко-

торыми болѣе всѣхъ замѣчательны бальзамины, геранія и прелестный макъ бѣлаго и краснаго цвѣта. Здѣсь вы встрѣтите такое же число бассейновъ и водометовъ, но меньшаго размѣра. Средній кіоскъ, называемый *рангмаль* или павильонъ тысячи цвѣтовъ, былъ назначенъ для принятія насъ. Это родъ деревяннаго четыреугольнаго балагана, состоящаго изъ двухъ ярусовъ галлерей, поддерживаемыхъ легкими, витыми колоннами; входъ въ нижнюю галлерею съ наружной стороны, а въ верхнюю со двора, обнесеннаго оградой и служащаго таинственнымъ убѣжищемъ зенанага (гарема).

Слѣзая съ слоновъ у лѣстницы главнаго фасада, мы увидѣли идущаго къ намъ навстрѣчу, при помощи двухъ служителей, маленькаго старичка, согбеннаго и, по-видимому, дошедшаго до послѣдней степени разрушенія. Голову его покрывала браминская чалма касты писателей, или коммиссіонеровъ; на шеѣ у него надѣтъ былъ браминскій

снурокъ. Одежда его отличалась простотою. Туника изъ бѣлой шерстяной кисеи завязывалась снуркомъ на груди; алые шелковые *пейжама* или турецкіе шальвары, чулки бѣлые шелковые (онъ былъ безъ туфлей, которые снялъ изъ уваженія къ намъ) и поясъ изъ прекрасной кашемировой шали довершали костюмъ его. На немъ не было никакихъ драгоцѣнностей, кромѣ перстней, изъ которыхъ одинъ брилліантовый, блестящій необыкновеннымъ огнемъ, другой рубиновый съ его печатью, на которой вырѣзаны были персидскія буквы, и нѣсколько изумрудныхъ. Однако-же онъ невсегда соблюдаетъ эту простоту; въ нѣкоторыхъ важныхъ случаяхъ надѣваетъ жемчугу, брилліантовъ и разныхъ драгоцѣнныхъ камней на нѣсколько милліоновъ.

Обмѣнявшись съ резидентомъ обычными привѣтствіями, состоящими изъ поклоновъ, при которыхъ должно три раза подносить руку, съ распростертыми пальцами, отъ колѣнъ, а иногда и отъ земли

ко лбу—послѣ саламаликумъ и обыкновенныхъ вопросовъ, Шандулалъ (то былъ онъ самъ) взялъ резидента за руку и повелъ въ пріемную залу, возвышающуюся на нѣсколько ступеней, изъ которой открывался видъ на весь садъ. Мы имѣли предосторожность послать впередъ нашихъ хетматгаровъ, или лакеевъ, которые дожидались насъ подъ наружнымъ перистилемъ, съ тѣмъ чтобъ снять съ насъ сапоги и башмаки, въ которыхъ войдти было бы также невѣжливо, какъ войдти въ европейскую гостиную въ шляпѣ. Всѣ Азіятцы, окружавшіе насъ, ходили въ шелковыхъ чулкахъ, или просто босыми ногами: это обыкновеніе нисколько не покажется вамъ страннымъ; вы даже найдете его основательнымъ, когда узнаете, что всѣ жители Востока имѣютъ привычку ложиться на коврахъ, класть на нихъ руки и, во время молитвы, касаться до нихъ лбомъ. Вотъ почему они и держатъ ихъ въ возможной чистотѣ. У Шандулала, вмѣсто ковровъ, была растянута по всему полу простая

бѣлая холстина. Разувшись по законамъ этикета, мы взошли легкими шагами на нѣсколько ступеней, отдѣлявшихъ насъ отъ возвышеннаго мѣста, гдѣ министръ сидѣлъ уже рядомъ съ резидентомъ; пройдя по-одиначкѣ мимо Шандулала и отдавъ ему нашъ саламъ, мы сѣли въ кресла, приготовленныя для насъ и разставленныя по правую и лѣвую стороны въ видѣ полукруга, посреди котораго сидѣлъ Шандулалъ; я старался вглядѣться въ его наружность, и находилъ удовольствіе въ этомъ наблюденіи; потому что голова Шандулала была истинно характеристическая. Когда онъ разговаривалъ съ резидентомъ на персидскомъ языкѣ, улыбка его была неподражаемо-пріятна и выразительна; между тѣмъ онъ медленно водилъ глазами по всему собранію. Это одни изъ тѣхъ глазъ, выраженіе которыхъ бываетъ неуловимо; казалось, что изъ подъ его черныхъ рѣсницъ изливались потоки свѣта; взоръ его озаряетъ васъ, какъ молнія, проникая въ глубину души и

какъ бы доискиваясь до сокровеннѣйшихъ мыслей вашихъ. Это взоръ змѣи, очаровывающій птицу, отъ котораго нѣтъ силъ оторваться. У него уже нѣтъ зубовъ, и верхняя губа, выдающаяся впередъ, темно-краснаго цвѣта, рѣзко отличалась отъ его лица, почти бѣлаго, или, лучше сказать, золотисто-желтаго, и отъ черныхъ, матовыхъ усовъ, поддѣльный цвѣтъ которыхъ обличала борода его.

Когда мы сѣли, въ ту-же минуту открыли фонтаны, и обильныя воды заиграли въ бассейнахъ. Индійцы хотя и считаютъ себя искусными въ гидростатикѣ; но общій эффектъ фонтановъ ихъ нахожу я весьма посредственнымъ, особливо въ сравненіи съ нашими: они уменьшаютъ эффектъ цѣлаго, вдаваясь въ мелочныя и затѣйливыя подробности, на которыя тратятъ воду, и потому величественность всегда бываетъ принесена въ жертву хвастливой изысканности. По прошествіи нѣкотораго времени, посвященнаго этой водяной игрѣ, безконечные

переливы которой также разнообразны, какъ перемѣна кулисъ на нашихъ театрахъ, явились служители съ гирляндами бѣлыхъ цвѣтовъ (родъ жасмина, очень душистаго), и надѣли ихъ на шею каждаго изъ гостей; послѣ чего насъ пригласили въ обѣденную залу. Тамъ опять нашли мы нашихъ слугъ; каждый изъ нихъ стоялъ за стуломъ, приготовленнымъ для его господина, и держалъ серебряные приборы, которые каждый изъ насъ долженъ былъ взять съ собою, потому что этихъ столовыхъ принадлежностей вы не найдете въ Индіи даже и во дворцахъ, по той причинѣ, что здѣсь и государь и простолюдинъ ѣдятъ просто пальцами. Столъ былъ обремененъ огромными блюдами, наполненными мясомъ и расположенными безъ всякаго порядка; всѣ эти кушанья, принесенныя на столъ болѣе часа, были холодны, какъ ледъ. Серебряныя тяжелыя блюда и прелестныя канделабры составляли, на томъ-же столѣ, разительный контрастъ съ простыми мѣдными подсвѣч-

никами, какіе только можно видѣть въ нашихъ кухняхъ. Огромныя зеркала занимали почти всѣ стѣны, и служили бы отличнымъ украшеніемъ, еслибъ не были покрыты нечистотою; почти такъ-же хорошо можно было смотрѣться и въ серебряную столовую посуду. Въ продолженіе обѣда, цѣлый хоръ пѣлъ въ похвалу намъ гимны, составленные изъ самыхъ странныхъ выраженій, и онъ истерзалъ бы наши уши, еслибъ мы, по счастью, не были оглушены ужаснымъ громомъ барабановъ и другихъ варварскихъ инструментовъ, на которыхъ играли въ саду.

Раджа Шандулалъ и нѣсколько другихъ туземныхъ господъ сидѣли за однимъ съ нами столомъ; большая часть изъ нихъ были Индійцы, которые ничего не ѣли; но, въ промежуткахъ музыки, разговаривали съ гостями, знавшими индостанскій языкъ, и въ то-же время курили гукахъ. Одно только можно было похвалить за обѣдомъ—ликеры, и вина, состоявшія преимущественно изъ бордосскаго, шампанскаго, хереса и мадеры;

подавали также шипучую и льдистую воду. Какъ Европеецъ, я былъ истинно оскорбленъ неделикатностью и жадностью английскихъ офицеровъ всякаго чина и возраста; они бросились на французскія вина съ такою неумѣренностью, которая казалось вдвое презрительнѣе въ присутствіи туземцевъ, сохранявшихъ всю важность, всю умѣренность, словомъ: все достоинство человѣка. И точно, на этотъ разъ не мы, а варвары имѣли видъ побѣдителей, образованныхъ народовъ сѣвера. Но резидентъ заблагоразсудилъ скорѣе положить конецъ этой оргіи, пока она не довела большую часть его свиты до послѣдней степени униженія. Онъ всталъ изъ-за стола, и мы пошли за нимъ въ другую залу, также въ нижнемъ этажѣ, выходящую на внутренній дворъ: зала эта называется *рангмаль* (т. е. живописною галлереей). Стѣны покрыты изображеніями во вкусѣ карточныхъ фигуръ, отличающимися яркостью цвѣтовъ. Предметы для живописи заимствованы ис-

ключительно изъ туземной миѳологіи, или состоятъ изъ портретовъ знаменитыхъ баядерокъ. Примыкающая къ этой залѣ комната заслуживаетъ вниманіе по оригинальной идеѣ въ украшеніи стѣнъ. Всѣ онѣ покрыты фарфоромъ разнаго рода—цѣлыми тарелками, чашками, блюдечками съ живописью севрской, берлинской и бирмингамской, которыя вставлены въ стѣны и укрѣплены на нихъ штукатуркой: эффектъ страненъ, однако-жъ болѣе пріятенъ, нежели можно предполагать. Множество огней въ разноцвѣтныхъ стаканчикахъ, расположенныхъ безъ всякаго вкуса, зажжено было вокругъ колоннъ, поддерживающихъ галлереи, и на всѣхъ балконахъ, выходящихъ на дворъ, надъ которымъ разтянуто было огромное полотно, придававшее ему видъ прекрасной залы. Въ намѣреніи какъ можно лучше освѣтить уродливую индійскую архитектуру, посреди этого пространства поставили огромное дерево, въ родъ тисоваго, обремененное огнями и имѣвшее видъ

огненнаго обелиска. Толпы Индійцевъ наводняли весь дворъ съ тою довѣрчивостію, которая показываетъ все простодушіе власти у Азіятцевъ — простодушіе, нечуждое ни тиранства, ни жестокости, но которое дѣйствительно существуетъ въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ народомъ. Чернь не входила только въ самую залу, великолѣпно освѣщенную, гдѣ мы сидѣли и гдѣ приготовлялось *наче*. Позади насъ стояли наши слуги, съ любопытствомъ желавшіе видѣть столь новое для нихъ представленіе. Европейцамъ оно скоро надоѣдаетъ; но туземцы не могутъ налюбоваться своими танцовщицами, и съ примѣрнымъ терпѣніемъ готовы просидѣть цѣлую ночь въ какомъ-то восторгѣ, не сводя глазъ съ танцующихъ, групы которыхъ безпрерывно смѣняются однѣ другими.

Однако-же надо признаться, что это наче у министра было гораздо превосходнѣе того, которое видѣлъ я въ Неллорѣ. «Групы, являющіяся на сцену, кружась въ кадансъ,

составляются здѣсь изъ семи человѣкъ, но танцуютъ только двѣ женщины; онѣ приближаются и становятся противъ зрителей; трое другіе музыканты, которые слѣдуютъ за ними и располагаются позади; по обѣимъ сторонамъ танцующихъ помѣщаются массальши, (факельщики); они опускаютъ и поднимаютъ свои факелы, слѣдуя за движеніями рукъ и ногъ танцовщицъ. Эти женщины представляютъ собою весьма живописныя формы, не смотря на обширную драпировку ихъ одежды, которою онѣ нѣсколько обременены. Одежду ихъ составляютъ панталоны изъ шелковой матеріи, украшенные серебрянымъ шитьемъ и бордюрами, столь длинные, что изъ подъ нихъ едва можно видѣть богатыя кольца съ гремушками на ногахъ, надъ самыми ступнями; на подъемахъ перекрещивается широкая и плоская серебряная цѣпь; большіе пальцы на ногахъ унизаны перстнями. Сверхъ панталонъ онѣ носятъ чрезвычайно широкія юбки дорогой матеріи, обшитыя золотыми или серебря-

ными коймами и оканчивающіяся густою бахрамой, также золотою или серебряною; маленькій спензеръ, которымъ обхватывается грудь, почти совсѣмъ закрытъ огромнымъ вуалемъ, нѣсколько разъ окружающимъ всю талію черезъ плечо и потомъ упадающимъ напередъ и назадъ широкими складками. Руки до самыхъ плечъ и шея облиты галантерейными украшеніями, по большой части, весьма драгоцѣнными, а волосы завязываются серебряными лентами и прикалываются шпильками изящной работы. Края ушей такъ часто продѣты множествомъ колецъ, что какъ будто окружены бахрамою; кольцо, продѣтое въ носу, въ діаметрѣ съ нашу двухфранковую монету: оно дѣлается изъ тонкой золотой проволоки; къ нему привѣшиваютъ одну жемчужину и еще двѣ или три блестящія вещицы, которыя весьма непріятно дрожатъ около рта. Исключая это неблагодарное украшеніе, вообще костюмъ ихъ нетолько богатъ, но и отличается прелёстнымъ эффек-

томъ. Эти танцовщицы обладаютъ также искуствомъ пѣнія, подъ акомпаниментъ тамтама, тимпана и гитары двухъ сортовъ; онѣ обыкновенно начинаютъ пѣніе пронзительной нотой, которую тянутъ такъ долго, какъ только позволяютъ силы.* „Можно подумать, что онѣ, только отъ усталости спускаютъ голосъ и переходятъ въ жалобные, иногда даже пріятные тоны: это единственныя минуты, когда онѣ могутъ нравиться Европейцамъ. Что касается до пляски, то мы уже описывали ее: она еще менѣе занимательна, нежели музыка.

Индійскихъ танцовщицъ отнюдь недолжно смѣшивать съ европейскими публичными женщинами: „Здѣсь и не слыхать, чтобъ „развратъ представлялъ имъ средства къ „пропитанію; онѣ являются только тогда, „когда ихъ приглашаютъ куда нибудь тан„цовать и пѣть; если же и имѣютъ какія „нибудь предосудительныя связи, то неи„наче, какъ по склонности сердца. Наруж-

* Oriental Annual, traduction d'Auguste Urbain.

»ность ихъ обыкновенно отличается весе-»лостью, благопристойностью и изящест-»вомъ пріемовъ; въ одеждѣ своей, всегда »изъ дорогихъ шелковыхъ матерій, онѣ на-»блюдаютъ строгое приличіе, между тѣмъ »какъ честныя женщины весьма недоста-»точно прикрываются грубыми своими ру-»бищами; онѣ танцуютъ, поютъ, и даже »позволяютъ себѣ разговаривать съ вами »по-нѣскольку минутъ, тогда какъ тѣ, »угнетенныя рабствомъ домашней жизни, »не смѣютъ говорить въ присутствіи муж-»чины—словомъ: въ этихъ танцовщицахъ »(*нагэжирлъ*) вы не замѣтите ничего, кромѣ »благороднаго и утонченнаго кокетства. »Все это облагороживаетъ до нѣкоторой »степени званіе публичныхъ женщинъ, и »въ ихъ существованіи есть что-то напоми-»нающее тотъ-же классъ женщинъ въ Гре-»ціи.*» И такъ, здѣсь онѣ далеко не подвер-гаются такому презрѣнію, какъ въ Европѣ. Имъ воздаютъ почести даже и по смерти,

* Жакмонъ.

я мавзолеи надъ ихъ могилами спорятъ великолѣпіемъ съ памятниками императрицъ и султаншъ. Вмѣсто того, чтобъ выказывать свои пороки, какъ это дѣлаютъ публичныя женщины въ нашихъ краяхъ, онѣ тщательно избѣгаютъ взоровъ: никогда не увидите вы ихъ у окна въ какомъ нибудь домѣ; до такого униженія доходятъ только женщины самаго низкаго класса; иногда нѣкоторыя изъ нихъ заставляютъ только догадываться о своемъ присутствіи за свѣтлой бамбуковой рогожей, завѣшивающей двери ихъ домовъ.

Скоро я замѣтилъ, что кромѣ стоявшей передъ нами толпы, тутъ находились и другіе зрители, скрывавшіе свое присутствіе, но которые не менѣе прочихъ принимали участіе въ наче, и обнаруживали свое пребываніе шопотомъ и задушаемымъ смѣхомъ. Это были дамы изъ гарема Шандулала и его сына; онѣ таились за деревянной рѣшеткой, выходившей въ залу; сквозь газовые покрывала свои онѣ могли видѣть всѣхъ

насъ, оставаясь сами невидимыми. Кажется, тщеславіе одной молодой матери подало поводъ къ совѣщанію, прилично ли будетъ послать дѣтей своихъ собрать дань удивленія съ *сагиблоговъ* (благородныхъ Европейцевъ). Дѣйствительно, скоро отворилась дверь, и мы увидѣли двухъ дѣтей съ ихъ провожатыми. *Айяхъ* или нянька несла на рукахъ груднаго младенца, на маленькой головкѣ котораго была надѣта ермолка или греческая феска, блестящая богатѣйшимъ шитьемъ; все маленькое тѣло его было обременено разными украшеніями; потомъ *хитматгаръ* велъ за руку пятилѣтнюю дѣвочку, въ полномъ смыслѣ, подавленную драгоцѣнными камнями; они до такой степени обременяли ея уши, носъ, руки и ноги, что отнимали у нея всю свободу движеній. Цвѣтъ лица ея былъ ни черный, ни бѣлый, а какой-то золотисто-желтый и прозрачный; рѣсницы и края вѣкъ насурмлены составомъ изъ антимонія, придававшимъ темность большимъ чернымъ глазамъ ея; а концы пальцевъ

выкрашены *геннахомъ* въ темно-розовый цвѣтъ. Въ ней незамѣтно было живости, свойственной ребенку ея лѣтъ; казалось, что она не дѣлала ни одного движенія по собственному своему побужденію; съ тихою улыбкою и съ задумчивостью, изображавшеюся во всѣхъ чертахъ лица, она спокойно сидѣла, устремляя глаза то на иностранцевъ, то на танцующихъ.

За наче слѣдовалъ великолѣпный фейерверкъ; можно сказать, что въ зрѣлищахъ этого рода индійскіе артисты рѣшительно не имѣютъ соперниковъ: вы видите цѣлыя драмы, писанныя огнемъ, финаломъ которыхъ бываетъ большой взрывъ, оканчивающійся огненнымъ дождемъ, и ночной мракъ служитъ имъ занавѣсомъ. Фейерверки всегда бываютъ пріятнымъ окончаніемъ вечеровъ. Въ минуту нашего прощанья принесли на лаковомъ подносѣ множество маленькихъ флакончиковъ съ сандальнымъ масломъ, и роздали ихъ по парѣ каждому изъ гостей; между тѣмъ другой слуга опры-

скивалъ наше платье и платки розовыми духами.

Было уже за полночь, когда мы сѣли на нашихъ слоновъ; въ этотъ разъ мы также проѣхали всю столицу, покрытую глубокимъ мракомъ, который озарялся только свѣтомъ нашихъ факеловъ и, въ нѣкоторыхъ разстояніяхъ, блистательными иллюминаціями передъ пагодами, откуда долетали до насъ звуки варварской музыки, между которыми можно было различить пѣніе баядерокъ.

Кажется, обряды индійскаго богослуженія преимущественно основаны на ужасномъ, оглушающемъ шумѣ, который производятъ брамины, ударяя въ барабаны и тамтамы, всегда привѣшенные къ потолку пагода, и играя на разныхъ трубахъ совершенно различныхъ тоновъ и октавъ. Нестройность этихъ звуковъ невыразимо отвратительна. Прямая, почти цилиндрическая труба длиною въ два метра, съ широкимъ разваломъ, есть самый ужасный изъ ихъ инструмен-

товъ; звуки ея похожи на нашу деревенскую волынку, но только въ тысячу разъ громче; она производитъ такой ревъ, который, кажется, потрясетъ каменныя стѣны.

Въ поздніе часы ночи, до самаго разсвѣта, народъ толпится подъ портиками этихъ храмовъ; но никто нейдетъ туда съ тѣмъ, чтобъ оставаться простымъ зрителемъ: цѣль каждаго надѣлать какъ можно больше шуму, и потому всякой старается стучать въ барабаны и надувать трубы, сколько достанетъ у него силъ, и эта ужасная суматоха, по-видимому, доставляетъ имъ величайшее наслажденіе. Хотя мы отъѣхали уже на довольно большое разстояніе, но пронзительные и оглушающіе звуки этихъ трубъ далеко еще насъ преслѣдовали и терзали наши бѣдныя уши.—Въ это самое время ѣхали мы по одной изъ узкихъ улицъ; лѣстница, привѣшенная къ лѣвому боку слона, на которомъ мы сидѣли, зацѣпилась за выдавшуюся балку какого-то дома; животное, не обращая на это вниманія,

даже не чувствуя никакого сопротивленія и спокойно продолжая путь свой—стащило крышу со всего дома. Мы сами замѣтили это тогда только, когда дошли до насъ отчаянные крики жителей, такъ внезапно принужденныхъ спать подъ открытымъ небомъ. Часа въ два мы возвратились въ предмѣстье Чадергатъ, гдѣ большая часть нашего общества нашла себѣ пріютъ подъ гостепріимнымъ кровомъ Гг. Пальмеръ.

Упомянувъ о Чадергатѣ, я пользуюсь случаемъ описать оригинальное общество этого маленькаго мѣстечка—общество, непохожее ни на одно изъ существующихъ въ цѣломъ мірѣ, и которое, вѣроятно, скоро совсѣмъ изчезнетъ. Характеръ его не имѣетъ ничего общаго съ духомъ секундерабадскаго и боларумскаго общества; вы не найдете тамъ ни безцвѣтности военной лагерной жизни перваго, ни изнѣженнаго сибаритства, изящества и утонченности послѣдняго. Это общество, состоящее изъ тридцати особъ, представляетъ два совер-

шенно различные оттѣнка. Въ обширныхъ залахъ резиденціи, въ изящныхъ домахъ ея чиновниковъ, всѣ пріемы ихъ принужденны и вѣжливо холодны; въ разговорѣ и голосѣ нѣтъ никакой свободы; словомъ: тамъ всѣ привычки и обращеніе европейскаго двора; они представляютъ собою Берлинъ, или Вѣну. Въ домѣ Гг. Пальмеръ, въ ихъ галлереяхъ со сводами, украшенныхъ арабесками, вы также находите дворъ, но дворъ восточный, гдѣ соединены и достоинство Могола, и вѣжливость Персіянина, и гостепріимство Аравитянина, и—что еще драгоцѣннѣе—все добродушіе Востока. За столомъ, на которомъ дюжины двѣ приборовъ всегда готовы для нежданыхъ гостей, сидитъ глава этого знаменитаго дома; наружность его хотя и носитъ на себѣ оригинальный типъ мулата; но чело благорожено печатью ума. Черты лица его некрасивы; онъ также черенъ, какъ и слуга, стоящій за его креслами; небольшаго роста, болѣзненный, онъ спокойно куритъ чибукъ свой, пробѣгая глазами

бумаги, писанныя на персидскомъ языкѣ и разложенныя передъ нимъ на столѣ подлѣ завтрака, до котораго онъ почти не дотрогивается. Двѣ милыя племянницы его, цвѣтъ лица которыхъ, подернутый легкою смуглостью, доказываетъ, что европейская кровь преобладала во второмъ поколѣніи, сидятъ возлѣ хозяина и занимаютъ гостей. Между тѣмъ какъ онѣ разговариваютъ съ Англичанами, принадлежащими, по большой части, къ числу избранныхъ людей всѣхъ трехъ военныхъ поселеній, Г. Вилліамъ Пальмеръ, какъ князь, принимаетъ почтительныя привѣтствія отъ самой высокой знати города. Ученый пунди, набожный мулла и гордый эміръ преклоняются съ глубокимъ почтеніемъ передъ человѣкомъ, котораго происхожденіе столько-же презирается ихъ предразсудками, сколько и нашими.

Гг. Пальмеръ долго были посредниками между англійскимъ и низамскимъ правительствами, и вѣрно служили тому и другому; это были деканскіе Ротшильдъ. Во

всѣ критическія минуты, богатство ихъ, пріобрѣтенное добросовѣстною промышленностью, всегда было готово на помощь обѣимъ властямъ. Что-же сами они чрезъ это выиграли? то, чего всегда должно ожидать отъ неблагодарныхъ. Оба правительства согласились воспользоваться всѣмъ ихъ капиталомъ.—Во время политическихъ и финансовыхъ затрудненій съ 1816 по 1820 годъ, Англичане просили у низама помощи противъ Пиндари и Маратовъ; министръ его сдѣлалъ заемъ у Гг. Пальмеръ въ шестьдесятъ лаковъ рупій — (15,000,000 франковъ), которые пошли на жалованье новому войску, и содѣйствовали привлеченію побѣды, весьма еще тогда сомнительной, на сторону Компаніи. Когда опасность миновалась, то Англичане не согласились обезпечить займа, или заставить низамское правительство признать на себѣ этотъ долгъ: съ того времени низамъ и министръ его, обѣднѣвъ, совершенно отказались отъ платежа, и Гг. Пальмеръ ли-

шились своихъ денегъ. Такимъ образомъ они раззорились отъ очевидной безчестности Компаніи. Теперь они существуютъ только пожизненною пенсіею, назначенною Шандулаломъ и зависящею отъ его воли; имъ остается еще доброе, ничьмъ незапятнанное имя и заслуженное уваженіе со стороны Европейцевъ и туземцевъ: это богатство сохранятъ они до могилы.

Семейная жизнь хозяевъ этого дома въ особенности отличается тѣмъ, что она открыто-эпикурейская: это должно скорѣе приписать ихъ несчастью, нежели собственной винѣ—несчастью ихъ происхожденія. Получивъ отличное и при томъ ученое воспитаніе въ Европѣ и привыкнувъ къ тону и утонченности высокой цивилизаціи, среди которой провели первую молодость, они, по несчастному происхожденію своему, не могли найдти достойныхъ супругъ среди Европеекъ и, по необходимости, предались всей чувственности Востока. И потому у каждаго изъ нихъ свой зена-

нахъ или гаремъ, населенный женщинами всякаго возраста, на которыхъ женились они по обрядамъ туземныхъ религій. Каждая изъ нихъ, въ свою очередь, была предметомъ привязанности мужа, и потомъ удалена отъ брачнаго ложа, гдѣ другая заступила ея мѣсто; но съ ними поступаютъ великодушно и оказываютъ имъ уваженіе. Отъ этихъ союзовъ произошло потомство, истинно пріамовское: я видѣлъ у Г. Пальмеръ дѣтей всякаго возраста и всякихъ оттѣнковъ тѣла. До сихъ поръ семейство это устраняетъ отъ себя оскорбительный предразсудокъ, преслѣдующій его, и удерживаетъ еще свое мѣсто въ обществѣ; но бѣда, если оно лишится своего главы; онъ одинъ только въ состояніи повелѣвать общимъ мнѣніемъ и внушать уваженіе къ себѣ силою своего ума, своей ученности, своихъ благородныхъ и возвышенныхъ идей, своею славою, воспоминаніемъ объ его неограниченной щедрости и объ отличномъ гостепріимствѣ въ лучшіе дни

его жизни—гостепріимствъ, которое пріобрѣло ему наименованіе князя купцовъ гайдерабадскихъ; имя это прежде еще заслужилъ въ Калькуттѣ братъ его по отцу, рожденный отъ Европейки. Но это уже человѣкъ престарѣлый, слабаго сложенія, пострадавшій отъ климата, отъ восточныхъ обычаевъ и особливо отъ несчастій, потому что положеніе его со дня на день становится затруднительнѣе. * Онъ никакъ не можетъ привыкнуть къ мысли о своей бѣдности, ни удержать порывовъ своего великодушія: въ то самое время, какъ помогаетъ онъ бѣднымъ людямъ, прибѣгающимъ къ его щедрости, нищета угрожаетъ его собственному дому. Великолѣпные сады его почти всѣ запущены: нѣкоторыя

* Теперь, когда печатается эта книга, получено извѣстіе, что Шандулалъ, устрашенный всеобщимъ истощеніемъ источниковъ государственнаго дохода, отказался отъ министерства. Слѣдовательно прекращена и пенсія семейству Пальмеръ, которое должно находиться въ самомъ бѣдственномъ положеніи; и Компанія, допустившая ихъ до разворенія и воспользовавшаяся ихъ пособіемъ, отказываетъ имъ въ самомъ ничтожномъ подаяніи. Такова часто бываетъ признательность британскаго правительства за преданность ему иностранца *Пр. Соч.*

изъ симметрическихъ клумбъ поросли дикимъ кустарникомъ; деревья пропадаютъ отъ старости и не замѣняются молодыми; въ бассейнахъ нѣтъ воды; изящныя мраморныя украшенія ихъ покрыты нечистотою; самый домъ приходитъ въ разрушеніе; едва-ли простоитъ онъ до кончины своего хозяина. Въ концѣ 1839 года, передъ самымъ отплытіемъ изъ Индіи, проходя въ послѣдній разъ мимо кипарисовъ этого печальнаго жилища, нѣкогда столь веселаго, я задумчиво повторялъ слѣдующіе стихи Виргилія:

Eheu! Posthume, quas colis arborum,
Nulla, praeter invisas cupressos,
Brevem dominum sequetur.

Бѣдный Пальмеръ! послѣ тебя останутся только одни кипарисы твои, и Англичане, которыхъ такъ роскошно угощалъ ты своими обѣдами, будутъ платить за всѣ благодѣянія твои оскорбленіемъ и презрѣніемъ дѣтей твоихъ, не давая имъ мѣста въ своемъ обществѣ. Таково вниманіе, такова

нобовъ просвѣщенной Европы къ чернымъ обитателямъ на обоихъ берегахъ Океана: она привлекаетъ ихъ къ себѣ для удовлетворенія одному только корыстолюбію своему, и потомъ отталкиваетъ ихъ отъ себя, какъ скоро они ненужны ей болѣе. То-же самое чувство, которое исключаетъ гельфкестовъ изъ общества въ Индіи, подвергаетъ ихъ убійству въ Америкѣ.

XI.

РАМЛИЛА. — СЕКУНДЕРАБАДСКОЕ ОБЩЕСТВО. — БЕЙДЕРЪ; АУРУНГАБАДЪ; ЭЛЛОРА.

Между тѣмъ дни летѣли; я ревностно продолжалъ учиться, и такъ ознакомился съ общепринятымъ въ Индіи языкомъ (l'ourdou), который согласились называть индостанскимъ, что могъ уже отдавать себѣ отчетъ во всемъ, чтó происходило вокругъ меня. Насталъ октябрь мѣсяцъ—эпоха празднества, ежегодно приводящаго въ движеніе все индійское народонаселеніе, исповѣдующее браминскую религію. Не хочу умолчать объ этомъ праздникѣ, обрисовывающемъ нравы и обычаи этой страны и относящемся къ одному изъ эпизодовъ ея миѳоло-

гической исторіи, именно къ шестому, славнѣйшему воплощенію Вишну; и вотъ преданіе о немъ. Неизвѣстно, по какой причинѣ Вишну былъ принужденъ Наадою, сыномъ Брамы (творца), сойдти на землю въ видѣ человѣка: и онъ родился подъименемъ Рамы, отъ жены Сіамскаго короля. Достигнувъ пятнадцатилѣтняго возраста, онъ оставилъ родительскій домъ, и, въ сопровожденіи жены своей Сеэты и брата Лукмана, перешелъ Гангъ, и началъ проповѣдовать по всему Индостану ученіе о переселеніи душъ. Въ продолженіе его путешествій, Равана или Равану, царь острова Цейлана, нашелъ случай похитить жену его Сеэту, и Рама, неиначе, какъ послѣ упорнаго сраженія и продолжительной осады, совершенно гомерической—(это пародія Иліады и Одиссеи)—съ помощью войска обезьянъ, предводительствуемаго славною обезьяною, по имени Ганумань, отнялъ у Раваны жену свою.

Праздникъ Рамлилы есть ничто иное, какъ

сцены этой религіозной драмы, представленной въ лицахъ: это случай, съ жадностью схваченный Азіятцами, чтобъ имѣть возможность вполнѣ предаться удовольствіямъ и зрѣлищамъ, въ которыхъ они имѣютъ дѣтскую потребность. Такъ какъ обряды этого праздника есть всегдашнее повтореніе одного и того-же во всѣхъ мѣстностяхъ, то очень достаточно описать только одинъ изъ нихъ, видѣнный мной въ Гайдерабадѣ, чтобы дать объ немъ полное понятіе моимъ читателямъ.

Нѣсколько недѣль, посвященныхъ приготовленіямъ къ празднику, сипаи безпрестанно работаютъ, устроивая на большой равнинѣ, лежащей между деревнею Альуаль и Боларумомъ, родъ крѣпости, которую должны будутъ осаждать Рама и Лукманъ.

Съ 1-го октября вы видите, посреди этого строенія, постепенно возвышающихся колоссальныхъ идоловъ, окруженныхъ безобразными фигурами лошадей и слоновъ, которыя дѣлаются изъ глины и соломы, но

такъ, чтобъ внутри оставалась пустота для пороха. Наконецъ вся равнина представляетъ театръ небольшой войны, продолжающейся нѣсколько дней; безпрерывные залпы петардъ, оглушающіе звуки ужасныхъ трубъ, о которыхъ мы уже говорили, тамтамовъ и наобутовъ, не умолкаютъ ни день, ни ночь. Ежедневно, передъ захожденіемъ солнца, Индійцы, изъ всѣхъ трехъ военныхъ квартиръ, привозятъ на себѣ какое нибудь новое божество, поставленное на огромныя колеса, и присоединяютъ его къ той, или другой изъ враждующихъ армій. Война постепенно усиливается до тѣхъ поръ, пока наконецъ явится самъ Равану въ видѣ чудовищнаго гиганта, отъ тридцати до сорока футовъ вышиною, устроеннаго такимъ-же образомъ, какъ и прочія божества, съ тою только разницею, что во внутренности его заключенъ большой и многосложный фейерверкъ. Не знаю, сколько именно головъ приписываетъ миѳологія этому чудовищу; я обыкновенно ви-

далъ его о восьми, или девяти головахъ, безобразныхъ и странныхъ, сколько воображеніе и руки человѣческія могли выдумать и сдѣлать. Статуйщикъ, по своему произволу, придѣлываетъ ему столько рукъ, сколько заблагоразсудитъ, и каждая изъ нихъ держитъ какое нибудь оружіе, болѣе или менѣе ужасное и фантастическое. Самыя неистовыя нападенія безпрерывно направляются противъ него Рамою и Лукманомъ; но осаждающіе постоянно принуждены бываютъ отступать безуспѣшно до послѣдняго дня праздника, и тогда уже оба брата, при помощи присоединившагося къ нимъ генерала Ганумана и могучей его арміи обезьянъ, разрушаютъ крѣпость. Эта армія составлена изъ нѣсколькихъ сотъ масокъ, однѣ другихъ ужаснѣе, съ длинными хвостами; онѣ дѣлаютъ необыкновенные прыжки, воютъ, мяукаютъ, визжатъ пронзительными голосами, какъ будто толпа настоящихъ демоновъ. Въ продолженіе атаки, ихъ также нѣсколько разъ отталкива-

ютъ; но наконецъ онѣ одерживаютъ побѣду. При самомъ сильномъ ружейномъ залпѣ, огонь сообщается главному гиганту, Равану, производитъ ужаснѣйшій взрывъ, и чудовище взлетаетъ на воздухъ. Вотъ, въ короткихъ словахъ, программа представленій, ежегодно повторяемыхъ совершенно одинакимъ образомъ. Вы не можете представить себѣ огромное стеченіе народа, привлекаемаго этимъ зрѣлищемъ, на открытомъ воздухѣ, особливо въ послѣдній день и послѣднюю ночь съ 8-то на 9-е октября, оканчивающуюся фейерверкомъ, дѣйствительно великолѣпнымъ.

Я былъ спутникомъ одной изъ сестеръ моихъ, которой хотѣлось присутствовать на этомъ праздникѣ, и мы ѣздили туда на слонѣ. При первомъ взглядѣ можно подумать, что вы видите передъ собою кочевой таборъ ста тысячь цыганъ. На пространствѣ, какое только можно обнять взоромъ, равнина покрыта палатками, флагами, геккере и каретами всякаго рода, толпа-

ми людей, пестрыющихъ тысячами цвѣтовъ, тысячами различныхъ костюмовъ и разнообразныхъ оружій, относящихся ко всѣмъ эпохамъ—копьями, щитами, бронями, ружьями и т. п. Весь этотъ народъ суетится, говоритъ съ жестами, смѣется, куритъ, поетъ и кричитъ. Это море, волнующееся головами людей и животныхъ. Мы подвигались очень медленно, и то съ большимъ трудомъ; иногда слонъ нашъ осторожно поднималъ своимъ хоботомъ тѣхъ, которыхъ онъ неизбѣжно долженъ былъ бы раздавить.

Солнце давно уже сѣло, когда мы достигли мѣста, назначеннаго для Европейцевъ, и явились къ послѣднему дѣйствію драмы. Жаркая стрѣльба началась еще до насъ и продолжалась нѣсколько часовъ, постепенно усиливаясь. Армія Равану, его лошади и слоны, къ полному удовольствію зрителей, безпрестанно взлетали на воздухъ, и наконецъ настала съ нетерпѣніемъ ожидаемая минута, вынчаю-

щая весь этотъ праздникъ. Огромный и многосложный фейерверкъ, истинно удивительный, дружно вырывается изъ всего корпуса гиганта; послѣ чего его головы, руки, оружія съ ужаснымъ шумомъ падаютъ въ разныхъ направленіяхъ, въ густомъ дыму, обнимающемъ всѣ предметы, въ которомъ исчезаетъ и крѣпость; тутъ вы уже ничего не можете различить, кромѣ безобразныхъ фигуръ идоловъ; темнота и тусклое мерцаніе угасающаго огня придаютъ имъ видъ еще болѣе страшный. Эту картину, живо потрясающую воображеніе, невозможно описать; но она неизгладимо остается въ памяти.

На другой день освобожденную и опять соединенную съ своимъ супругомъ Сеэту торжественно провожаютъ въ великолѣпномъ паланкинѣ, гдѣ она сидитъ рядомъ съ своимъ мужемъ. Трудную роль Сеэты всегда должны выполнять маленькія дѣвочки отъ 7-ми до 8-ми лѣтъ—трудную потому, что эти несчастныя созданія едва не задыхают-

ся въ облакахъ пыли и дыма, которыми дышатъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней.

Индійскій годъ не слѣдуетъ тѣмъ атмосферическимъ раздѣленіямъ, которыя приняты въ нашихъ сѣверныхъ климатахъ. Здѣсь признаютъ только три времени года: время жаркое отъ 1 февраля до 15 іюня; время дождей до 1 октября, и время зимы отъ 1 октября до 1 февраля. Послѣднее время года, подъ той широтой, гдѣ находится Гайдерабадъ, истинно очаровательно. Часто ночи бываютъ очень холодныя и даже сопровождаются легкими морозами; но за то, въ продолженіе дня, можно выходить во всякое время, исключая развѣ отъ 12 до 2 часовъ. Слѣдовательно тогда болѣе замѣтно движенія въ обществѣ; посѣщенія другъ къ другу дѣлаются чаще, и можно сказать, что тутъ настаетъ время удовольствій, хотя въ Индіи и не существуетъ обычая назначать для нихъ время, потому что все, что̀ мы называемъ удовольствіями, т. е. балы, собранія, обѣды, бы-

ваетъ здѣсь слѣдствіемъ какихъ нибудь случайныхъ обстоятельствъ, и нисколько не относится ко времени года; таковы, напримѣръ, прибытіе полка, мимоходное пребываніе его въ городѣ и наконецъ отбытіе, или привозъ молодыхъ невѣсть-Англичанокъ въ городъ для пріисканія жениховъ. Здѣсь прилагаютъ особенное попеченіе скорѣе пристроить молодыхъ дѣвицъ, пока не увянетъ ихъ свѣжесть—и такъ далѣе—по другимъ причинамъ. Я, разумѣется, какъ и всѣ боларумскіе товарищи, пользовался приглашеніями на всѣ праздники въ Секундерабадѣ. Признаюсь, однако-жъ, что всѣ эти приглашенія на балы, обѣды и вечера не имѣли для меня ничего привлекательнаго, потому что Англичане не умѣютъ быть ни любезными, ни радушными въ обществѣ: они, кажется, сосредоточиваютъ весь свой умъ и всѣ хорошія качества въ самихъ себѣ, и хотятъ пользоваться ими только сами. Имъ нужна пріятная теплота домашняго камина, чтобъ оттаять ту ледяную корку,

подъ которой скрываются они въ свѣтѣ. До́ма вы найдете ихъ добрыми и любезными; въ кабинетѣ, съ перомъ въ рукѣ, они блестящи, трогательны, или игривы, но и тамъ никогда не бываютъ разговорчивы. Рѣдко Англичане выказываютъ себя въ присутствіи посторонняго лица, развѣ иногда за столомъ, послѣ бутылки добраго вина; но и это можетъ случиться только съ человѣкомъ ограниченнаго ума, отъ котораго и ожидать нечего. Вы всегда видите ихъ порабощенными господствующимъ правиламъ англійской жизни, какъ-то: модѣ, боязни измѣнить приличіямъ и скрытности даже въ самыхъ дружескихъ бесѣдахъ. Часто, разговаривая съ Англичаниномъ, вы читаете въ его физіономіи, что онъ таитъ какую-то мысль, которой не выскажетъ, и это его лучшая, самая глубокая, самая остроумная; онъ бережетъ ее для своего истиннаго друга, для жены, для любовницы, или наконецъ для самого себя; но рѣдко, рѣдко передаетъ ее обществу. Ува-

женіе и лестное вниманіе къ личному достоинству во Франціи, въ какой бы формѣ оно ни являлось, доказываютъ, что тамъ больше умѣютъ цѣнить умственныя способности. Въ англійской гостиной, напротивъ, умъ и острота считаются дерзостью, или, по крайней мѣрѣ, тщеславнымъ желаніемъ выказать свои достоинства, и никогда не заслуживаютъ одобренія. Въ особенности имъ не позволяется обнаруживать себя, если они не скрываются подъ самымъ тонкимъ сукномъ и подъ прекраснымъ бѣльемъ. «Къ молодымъ людямъ, говоритъ Жакмонъ, мы бываемъ снисходительны, особливо когда они скромны.» Но англійскіе молодые люди не имѣютъ нужды въ снисхожденіи, потому что они всегда слѣдуютъ примѣрамъ стариковъ; правда и то, что они дѣлаются совершенными людьми раньше, нежели у насъ, не бывши ни новичками, ни учениками въ свѣтѣ: «и потому наружность «большей части изъ нихъ облечена въ не«подвижную и непривлекательную форму:

»вмѣсто того, чтобъ предаваться любезной »веселости своихъ лѣтъ, они стараются »принимать на себя важный и серьезный »видъ; въ нихъ ничего нѣтъ естественна- »го; они всегда играютъ роль, но роль весь- »ма пошлую и непріятную.» Послѣ боль- шаго обѣда, всякій изъ гостей, говоря о вчерашнемъ собраніи, жаловался мнѣ на скуку и холодность общества, между тѣмъ какъ онъ самъ содѣйствовалъ распростра- ненію этой скуки, и опять будетъ содѣй- ствовать тому при первомъ случаѣ, разли- вая въ обществѣ холодность своимъ над- меннымъ и принужденнымъ видомъ, кото- рый не рѣшится сбросить съ себя.

Чтó касается до женщинъ, съ которыми вы должны обѣдать, или бесѣдовать — то ничто не можетъ быть пошлѣе и злослов- нѣе ихъ разговоровъ. И это происходитъ не отъ того, чтобъ имъ недоставало ума, или образованности; напротивъ, онѣ ученѣе нашихъ женщинъ; но тутъ опять главная причина — ненавистные обычаи моды, ко-

торые заставляютъ ихъ показывать себя сквозь самую непріятную призму.

«Если англійская дама выкажетъ свои способности понимать серьезныя вещи, и рѣшится разговаривать объ нихъ съ умнымъ человѣкомъ, то она рискуетъ прослыть ученой женщиной, blue stocking, чтó считается у нихъ величайшей обидой.»

Англичанка оскорбится, если вы начнете непутя говорить съ ней о политикѣ, или о литературѣ; но за то она предастся неистощимому краснорѣчію, если рѣчь коснется до пищи для дѣтей, до ухода за ними и до леченія ихъ, или когда начнетъ злословить своихъ сосѣдокъ. Положеніе молодыхъ дѣвицъ еще болѣе достойно сожалѣнія. Имъ предоставляется двѣ роли, изъ которыхъ онѣ должны выбирать одну: или надѣть на себя маску дѣтской и неправдоподобной невинности, или допустить себя до самаго неприличнаго и соблазнительнаго кокетства (romping). Первыя всему удивляются и на все отвѣчаютъ: «*ахъ! неужели это правда!*»

другія же, напротивъ, готовы броситься на всякаго мужчину; хохочутъ и говорятъ такимъ громкимъ голосомъ, какой допускается только въ обществѣ людей низшаго класса. Двѣ крайности, отъ которыхъ, по-справедливости, всякой спѣшитъ скорѣе удалиться: лицемѣрная невинность первыхъ скучна и утомительна; безстыдная наглость другихъ заставляетъ бояться, чтобы какъ нибудь нечаянно не попасть въ разставленныя сѣти.

Вы найдете траги-комическую исторію въ жизни молодой Англичанки въ Индіи, если будете слѣдить ея развитіе. Она родится и проводитъ первые дни свои въ Англіи, безъ приданаго, безъ связей и красоты, слѣдовательно безъ надежды выдти замужъ; по счастью, у нея отыскивается, въ Мадрасѣ, или Калькуттѣ, какая нибудь тетка, двоюродная сестра, или пріятельница ея семейства, которая съ удовольствіемъ обязывается взять ее на время къ себѣ; тогда, при выходѣ изъ пансіона, ее сажаютъ на

корабль, полную здоровья, надеждъ и веселья, и отправляютъ въ Индію для прiисканія выгоднаго жениха. Конечно, тамъ нетрудно найдти его; ей предоставляется только выбирать старика, или молодаго; военнаго, или статскаго; дворянина, или разночинца, начиная отъ стараго генерала, съ его періодическими, желчными припадками, съ пергаментнымъ лицемъ, ни разу еще невспотѣвшимъ въ продолженіе десяти лѣтъ, потому что солнце давно уже вытянуло изъ него всѣ здоровые соки—до молодаго, цвѣтущаго офицера съ розовыми щеками, который, впиваясь въ нее глазами, утираетъ крупныя капли пота съ лица своего. Едва успѣетъ она выдти на берегъ, какъ ей дѣлается уже множество предложеній вступить въ супружество.

Столько предпочтеній и ласкательствъ, безпрестанно нашептываемыхъ въ уши бѣдной молоденькой дѣвушкѣ, вскорѣ совершенно вскружаютъ ей голову, и безъ того еще слишкомъ слабую, и она начинаетъ

думать, что дѣйствительно обладаетъ тѣми превосходствами, которыя приписываютъ ей, и самолюбіе ея возрастаетъ до такой степени, что она уже сама не знаетъ, гдѣ положить границы своихъ исканій. — Тетка, между тѣмъ, толкуетъ ей съ утра до вечера, чтобъ она не унижалась, танцуя безъ разбора со всякимъ, и не иначе выбирала бы себѣ кавалера, какъ если статскаго, то, по крайней мѣрѣ, человѣка значительнаго; если военнаго, то кого нибудь изъ отличныхъ офицеровъ, получающаго большое жалованье, который, женясь на ней, могъ бы доставить ей три вещи, считающіяся въ Индіи необходимыми для счастья супружеской жизни: большой серебряный чайникъ, паланкинъ, съ полнымъ комплектомъ носильщиковъ, для дневныхъ прогулокъ, и кабріолетъ для вечернихъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, увлекаясь неумѣстнымъ тщеславіемъ, она отказываетъ многимъ, очень выгоднымъ для нея женихамъ, которыхъ въ Англіи и во снѣ бы не увидала;

не смотря на то, она танцуетъ до тѣхъ поръ, пока не въ силахъ перевести духа и пока локоны ея совершенно разовьются, съ намѣреніемъ плѣнить и завлечь въ свои сѣти какого нибудь стараго набаба съ тоненькими ножками, въ изсохшемъ тѣлѣ котораго, похожемъ на мумію, не осталось ни одной искры жара, и который провелъ лѣтъ двадцать, сосредоточивая весь умъ свой надъ грудою рупій.

Наступательная война на это изсохшее сердце, а иногда на два и на три въ одно время, продолжается около года, или около двухъ лѣтъ, и всегда оканчивается чѣмъ нибудь однимъ изъ двухъ: или миссъ достигаетъ своей цѣли, и выходитъ замужъ за старика, для того чтобъ тотчасъ-же раскаяться и кончить бѣгствомъ съ любовникомъ и просьбою о разводѣ; или она замѣчаетъ, что старый холостякъ только забавляется прихотливой, нисколько не желая попасть на уду. Между тѣмъ милая Матильда всякій день становится блѣднѣе,

раздражительнѣе и еще интереснѣе; наконецъ, по временамъ, легкая боль въ боку доказываетъ, что у нея страдаетъ печень, и друзья, начиная безпокоиться насчетъ ея здоровья, совѣтуютъ ей перемѣнить климатъ и ѣхать куда нибудь во внутренность страны, напримѣръ, въ Гайдерабадъ; но настоящею цѣлью этого перемѣщенія бываютъ новыя попытки составить выгодную партію. Въ Англіи есть простонародная, но справедливая пословица, которая говоритъ, что невѣсты въ Индіи не умѣютъ сохранять себя, и вмѣсто того, чтобъ скорѣе выходить замужъ, дѣлаются залежнымъ товаромъ. Очень рѣдко можно составить хорошую партію внѣ столицы, потому что штабъ-офицеры, во внутреннихъ странахъ Индіи, всѣ почти женатые, и молодая миссъ принуждена спуститься до какого нибудь капитана; но эти капитаны не всегда легко достаются, особливо когда замѣтятъ. что свѣжесть ея начинаетъ уже увядать; тогда она оканчиваетъ тѣмъ, что,

въ минуту отчаянія, принимаетъ предложеніе какого нибудь незначительнаго человѣка, неимѣвшаго успѣха по службѣ, уже лѣтъ двадцать сидящаго въ лейтенантскомъ чинѣ, обремененнаго долгами и съ разстроеннымъ здоровьемъ, который, потерявъ всякую надежду возвратиться когда нибудь въ свое отечество, ищетъ радостныхъ минутъ для услажденія своей горькой жизни, и для того рѣшается жениться. Къ несчастью, онъ беретъ на свои плеча бремя тяжелѣе прежняго, и оба они ошибаются въ своихъ разсчетахъ. У насъ умная и дѣятельная хозяйка способствуетъ, сколько возможно, къ уменьшенію долговъ своего мужа, и взаимнымъ, постояннымъ терпѣніемъ устроиваетъ свое, хотя маленькое состояніе. Но въ Индіи совсѣмъ иначе: пагубный обычай моды, какъ злобный геній, является вездѣ вредить счастью жизни. Здѣсь считается за неприличіе и стыдъ для молодой европейской дамы лично входить въ подробности хозяйства и вести домашніе счеты. Занятія

ея ограничиваются тѣмъ, что она пеленаетъ дѣтей своихъ и принимаетъ гостей, для чего мужъ ея обязанъ держать лишнюю прислугу и метръ-д'отель Индійца, который обкрадываетъ его какъ въ лѣсу. Жена, по примѣру своихъ пріятельницъ, или по собственной вѣтрености, вовлекаетъ его въ бездну неоплатныхъ долговъ; и когда пробьетъ роковой часъ послѣдняго срока, неумолимые кредиторы берутъ все, что̀ у нихъ есть, и имъ остается только страдать подъ тяжкимъ бременемъ ужасной бѣдности.

Но еслибъ оба они поступали благоразумно и рѣшились пренебречь глупыми и тиранническими правилами моды—еслибъ притомъ не мѣшала имъ прозаическая, англійская холодность, съ ея странностями и оригинальностью, то они могли бы сдѣлать счастливою и украсить поэтическою прелестью свою кочевую военную жизнь въ Индіи. Англичане безпрестанно выхваляютъ удобства своей жизни, и эти удобства, которыми наслаждаемся мы, какъ излише-

ствомъ и роскошью, дѣлаются для нихъ необходимыми потребностями. Они всегда бываютъ рабами своихъ привычекъ, и не въ силахъ принудить себя къ малѣйшему стѣсненію, не смотря ни на мѣсто, ни на обстоятельства. «Даже въ дорогѣ женщина не пожертвуетъ исключеніемъ ни одной ленточки изъ своего туалета. — Ни перемѣна климата, ни перемѣна состоянія не принудитъ Англичанина отказаться отъ прежняго образа жизни; разорившись, онъ скорѣе войдетъ въ долги, нежели сознается въ своей несостоятельности и рѣшится жить бѣдно.*»

Но возвратимся къ прекрасной зимѣ въ странѣ Гайдерабадской. Если вы, такъ же какъ я, не любите баловъ и собраній, гдѣ всякій необходимо стѣсненъ болѣе или менѣе; если вы артистъ, антикварій, или охотникъ, отправимтесь вмѣстѣ на пріятную прогулку въ сѣверную часть Декана, именно въ ту часть Гайдерабадскаго государства, которую можно назвать оазисомъ въ пу-

* Жакмонъ.

стыни, лежащимъ по протяженію Кандейшскихъ границъ отъ Джаулнаха до Ауренгабада и Эллоры. Для того, кто никогда не посѣщалъ этихъ очаровательныхъ мѣстъ, всякое описаніе будетъ холодно, и не дастъ объ нихъ никакого понятія. Только надобно быть здѣсь въ лучшее время года — въ ноябрь, декабрь и январь: тогда вы проѣзжаете огромное пространство, покрытое полями роскошныхъ произрастеній, гдѣ ячмень, майсъ, табакъ и сахарный тростникъ спорятъ другъ съ другомъ въ изобиліи. Иногда вы встрѣчаете поля, засѣянныя хлѣбомъ и означающія климатъ болѣе умѣренный; виноградники также покрываютъ эту благодатную почву своими живописными гирляндами, и приносятъ крупный виноградъ, похожій вкусомъ на малагскій, но въ такомъ небольшомъ количествѣ, что нельзя и думать о винодѣліи. За то онъ замѣняется здѣсь другимъ утѣшителемъ людей, непричиняющимъ столько горя человѣческому роду, какъ первый: это макъ, ослѣ-

плѣняющій взоры яркостью своей бѣлой и пурпуровой одежды, богато раскинутой по прелестнымъ холмамъ. Густая и роскошная трава, покрывающая луга, волнуется, какъ море, при дуновеніи вѣтра. Въ довершеніе очаровательной картины, рука Создателя насадила здѣсь въ изобиліи групы бамбуковыхъ, дикихъ финиковыхъ и фиговыхъ деревъ, которыя на каждомъ шагу окружаютъ какое нибудь дивное мѣстоположеніе.

Не стану говорить о первой половинѣ нашего пути, гдѣ мы встрѣчали одно только грустное однообразіе и который проскакали въ галопъ. Чрезъ пять дней пути, на разстояніи двадцати пяти льё отъ Гайдерабада, находится городъ Бейдеръ, который, послѣ вторженія въ Индію музульманъ, сдѣлался мѣстопребываніемъ Деканскихъ государей Афганской династіи, извѣстной подъ названіемъ *Баменійской*, по имени своего родоначальника Аллахъ - Уддинъ-Гуссейнъ-Кургахъ-Бамени, поселившагося здѣсь въ 1347 году. Эта династія оставалась тутъ

до царствованія Аурензеба, до конца семнадцатаго столѣтія, когда Моголы довершили завоеваніе Индіи. Низамъ-уль-Мулюкъ, въ 1717 году, овладѣлъ этимъ городомъ, съ его округомъ, и съ того времени онъ постоянно присоединенъ къ владѣніямъ Гайдерабадскихъ низамовъ. Городъ имѣетъ около двухъ льё въ окружности. построенъ на круглой возвышенности, и былъ, по-видимому, хорошо укрѣпленъ, что доказывается окружающимъ его глубокимъ рвомъ и высокими стѣнами съ зубчатыми башнями. Теперь все это приходитъ въ разрушеніе. Бейдеръ славится производствомъ металлическихъ вещей изъ состава цинка съ мѣдью, украшенныхъ серебряною насѣчкою и вывозимыхъ оттуда, въ огромномъ количествѣ, во всѣ части Индіи. Великолѣпные надгробные памятники въ окрестностяхъ города представляютъ много прекрасныхъ предметовъ для кисти живописца. Замѣчательно, что во всемъ Индостанѣ памятники, посвященные мертвымъ.

далеко превосходятъ своимъ величіемъ, изяществомъ и богатствомъ матеріаловъ всѣ строенія, назначенныя для живыхъ. Архитектура этихъ мавзолеевъ почти всегда одинакова: прямоугольная галлерея возвышается на платформѣ, на которую ведетъ широкая гранитная лѣстница; кровлею служитъ терасса съ великолѣпною балюстрадою и карнизомъ, богато украшенными лѣпною работою изъ *шенама*. Дивная штукатура эта приготовляется изъ толченыхъ раковинъ, и своею прочностью, полировкою и ослѣпительною бѣлизною не уступаетъ паросскому мрамору. Галлерея поддерживается остроконечными арками и окружаетъ четыреугольную залу, надъ которой возвышается обширный, шарообразный куполъ, украшенный маленькимъ вызолоченнымъ шпилемъ. Посреди залы, куда свѣтъ проходитъ только изъ дверей, находится очень простой саркофагъ изъ чернаго мрамора, не болѣе одного фута вышиною отъ земли, на которомъ вырѣзаны персидскими буквами

похвалы покойнику въ самыхъ пышныхъ и аллегорическихъ выраженіяхъ. Тысячи дикихъ голубей, свившихъ гнѣзда между арабесками и въ промежуткахъ балюстрады, унылымъ воркованьемъ и шумомъ своего полета подъ мрачными сводами надгробныхъ памятниковъ, еще болѣе питаютъ меланхолію этихъ печальныхъ мѣстъ.

Отъ самаго Бейдера до священныхъ водъ Годавери простираются степи луговъ, волнующіяся тучными растеніями — истинное Эльдорадо для охотника. Посреди этихъ роскошныхъ степей свободно бѣгаютъ безчисленныя стада дикихъ козъ, оленей и кабановъ; здѣсь скачетъ антилопа, тяжелымъ полетомъ подымаются драхва и флориканъ, и цѣлый день перекликаются перепела и прелестныя узорчатыя куропатки. Тысячи дикихъ гусей и утокъ, цаплей и баклановъ плаваютъ въ прудахъ, а болота и рисовыя поля наполнены бекасами. Если пойдете тѣнистымъ берегомъ какого нибудь нуллаха (ручья, образующаго водоройню), то, среди цвѣту-

щихъ кустовъ, качающихся надъ вашею головою, услышите шумный полетъ; это павлинъ въ своей блестящей одеждѣ, который извѣщаетъ васъ о близкомъ сосѣдствѣ дичи другаго рода, не менѣе красивой, но болѣе опасной. Появленіе павлина служитъ вамъ сигналомъ скорѣе заряжать ружье пулею. И дѣйствительно, посмотрите внимательнѣе на песокъ у ручья, по теченію котораго идете, и вы увидите свѣжіе и глубокіе слѣды царя пустынь. Странное, но постоянное сближеніе: вездѣ, гдѣ вы встрѣтите павлина, недалеко отъ васъ и тигръ. Вѣроятно, оба они любятъ одинакія мѣста; густая зелень деревъ, гдѣ живетъ эта птица, служитъ тайнымъ убѣжищемъ ея ужасному сосѣду, который прячется въ ней отъ глазъ несчастныхъ жертвъ, до роковой минуты вѣрнаго прыжка своего. Теперь остановитесь на цвѣтущихъ берегахъ Годавери. Это рѣка любви; и вы увидите молодыхъ дѣвушекъ, приносящихъ ей въ жертву цвѣты въ банановомъ листѣ; онѣ тихонько на-

клонятся къ прибрежнымъ волнамъ, осторожно пускаютъ по нимъ свои приношенія, и полныя страха и надежды, глядятъ, какъ уплываютъ они по теченію рѣки; если эту маленькую лодочку, съ которою, по суевѣрному убѣжденію, тѣсно сопряжена участь любви ихъ, опрокинетъ волною, то дѣвушка грустно удаляется отъ берега, обливаясь горячими слезами; но если цвѣты невредимо уплывутъ вдаль и скроются изъ вида, тогда съ сердцемъ, исполненнымъ радости, она весело убѣгаетъ домой. Какъ хороши и милы эти молодыя Индіянки! Онѣ напоминаютъ тѣхъ женщинъ, которыхъ представляетъ намъ Священное Писаніе— идущихъ всякой вечеръ къ источнику наполнять сосуды свои водою; этотъ обычай существуетъ еще и теперь на Востокѣ, особливо въ деревняхъ; сколько разъ, на закатъ солнца, послѣ жаркаго дня, сидѣлъ я на ступенькахъ бассейна, и забывалъ время, слѣдя глазами ихъ стройныя, легкія фигуры; дупеттахъ — одежда древнихъ временъ,

живописно обнимаетъ ихъ гибкія таліи и упадаетъ на лѣвое плечо, до половины скрывая изящныя формы ихъ груди; молодая Индіянка, въ своемъ простомъ и первобытномъ костюмѣ, какъ птичка въ своемъ природномъ убранствѣ, не имѣетъ нужды завидовать пышному и искуственному туалету нашихъ дамъ.

Если вы, спокойно предавшись охотѣ, не торопясь будете переѣзжать отъ одной станціи до другой, то неиначе какъ черезъ мѣсяцъ достигнете до Джаулнаха, военныхъ квартиръ легкой дивизіи вспомогательнаго англійскаго войска въ Гайдерабадскомъ государствѣ. Эта дивизія всегда готова къ сраженію, какъ въ военное время. Палатки, верблюды и всѣ походные транспорты содержатся въ полномъ порядкѣ и каждую минуту готовы въ походъ. Линіи этого лагеря находятся въ близкомъ разстояніи отъ стариннаго укрѣпленнаго города Джаулнахпура, отъ котораго отдѣляются маленькой рѣчкой. Городъ этотъ, съ окружаю-

щими его и принадлежащими ему землями на сорока квадратныхъ льё, былъ уступленъ Англичанамъ Мараттами въ 1803 году. Недовольные этимъ пріобрѣтеніемъ, по случаю безпокойнаго сосѣдства съ границами дикаго племени *Биловъ*, Англичане предоставили его низаму въ замѣнъ нѣкоторыхъ уступокъ, въ которыхъ они также нашли свои выгоды; но при всемъ томъ сочли за необходимое содержать здѣсь небольшой отрядъ войска, чтобъ удерживать этотъ рой шмелей въ ихъ гнѣздахъ. Билы вообще преданы воровству, какъ промышленности; это ихъ открытое ремесло, доведенное до совершенства. Для безопаснаго проѣзда въ той странѣ, всего благоразумнѣе у нихъ же выпросить конвой, составленный изъ самихъ воровъ. Заплативъ имъ нѣкоторый родъ пошлины со всѣхъ вещей, находящихся при васъ, вы можете быть совершенно покойны, потому что они всегда вѣрно исполняютъ свое обязательство; иначе никакой тѣлохранитель, со всею неусыпною

бдительностью, не защититъ васъ отъ ихъ ловкаго нападенія. Въ палаткѣ нѣтъ никакой возможности уберечься, чтобъ они не унесли всего, что въ ней есть, и воръ всегда умѣетъ забраться туда самымъ незамѣтнымъ образомъ. «Они ползаютъ по землѣ, «во рвахъ, по бороздамъ полей, подражая «различнымъ голосамъ животныхъ; при ка«комъ нибудь неловкомъ движеніи, кото«рое могло бы обличить вора, онъ закри«читъ какъ шакалъ, а другой, находясь въ «нѣкоторомъ разстояніи, отвѣчаетъ ему, «подражая отдаленному визгу этого звѣря. «Они обезпокоиваютъ сонъ вашъ, шумя и «даже дотрогиваясь до вашего тѣла, ко«торое умѣютъ привести въ такое поло«женіе, какое нужно для ихъ плана.*» Они обокрадутъ васъ, стащатъ даже одѣяло, которымъ вы одѣты, такъ искусно и скоро, что вы не успѣете проснуться, и это нисколько не шутка, а истинная правда. Воръ Билъ имѣетъ всѣ змѣиныя ухватки и дви-

* Жакмонъ.

женія: если вы и слуга вашъ будете спать въ палаткѣ, ложась изъ предосторожности поперегъ входа; то воръ садится съ наружной стороны вашей палатки, въ какомъ нибудь незамѣтномъ уголкѣ, и прислушивается къ дыханію каждаго, и какъ скоро замѣтитъ, что Европеецъ уснулъ, онъ уже увѣренъ въ успѣхѣ; слуга-Азіятецъ недолго будетъ противиться влеченію сна. Выждавъ должное время, Билъ принимается за свое дѣло, и въ одно мгновеніе, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоитъ, дѣлаетъ вертикальный разрѣзъ на холстѣ палатки; какъ привидѣніе, входитъ туда неслышными шагами, такъ легко и тихо, что ни одна песчинка не захруститъ подъ его ногой. Обыкновенно онъ весь голый и намазанный масломъ; на шеѣ у него виситъ кинжалъ. Воръ присядетъ къ постели спящаго, съ невѣроятнымъ хладнокровіемъ и проворствомъ будетъ загибать мелкими складками покрывало у самаго тѣла; потомъ зайдетъ съ другой стороны, и начнетъ слегка

щекотать соннаго, какъ будто магнетизируя его, и тотъ, машинально повертываясь понемногу отъ непріятнаго ощущенія, наконецъ совсѣмъ перевернется, оставя позади себя сложенное одѣяло. Если же проснется и захочетъ поймать вора, то схватитъ намасленное тѣло, которое, какъ угорь, выскользнетъ изъ рукъ. Но горе тому, кто удержитъ злодѣя; онъ поразитъ его кинжаломъ въ самое сердце, и скроется, оставя несчастную жертву плавающею въ крови своей. Англичане не щадятъ ничего, чтобъ смирить и сколько нибудь привлечь къ себѣ этотъ дикой народъ; содержатъ нѣкоторую часть изъ нихъ на жалованьѣ; прикомандировываютъ къ нимъ своихъ офицеровъ, которые живутъ между этими дикарями, и, пріобрѣтая лично къ себѣ любовь ихъ, способствуютъ къ учрежденію нѣкотораго порядка въ той странѣ. Но какъ цивилизація есть дѣло времени, то всѣ успѣхи ихъ стараній медленны, стоятъ большихъ издержекъ, и до сихъ поръ еще весьма мало замѣтны.

Не отваживаясь пускаться въ эту дикую сторону, поворотите лучше налѣво къ величественному Ауренгабаду, нѣкогда столь цвѣтущему. Этотъ городъ, основанный Ауренгзебомъ и названный его именемъ, затмилъ на нѣсколько времени царственный Дели, и въ послѣдніе годы царствованія завоевателя, былъ столицею обширной его имперіи. Но, къ несчастію, небрежность и хищничество антинаціональнаго правленія, больше нежели рука времени, ускорили его разрушеніе. Народонаселеніе, доходившее въ 1832 году слишкомъ до шестидесяти тысячь, съ каждымъ днемъ уменьшается. Великолѣпные дворцы и пышные сады этой царицы Могольской имперіи разрушаются, уступая мѣсто печальнымъ вересковымъ растеніямъ. Прекрасный памятникъ, воздвигнутый Ауренгзебомъ своей дочери по образцу Таймала, также покоряется общему закону времени, и даже одинъ изъ его мраморныхъ минаретовъ качается на своемъ основаніи; пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, и ме-

жду кипарисами павшаго мавзолея будутъ раздаваться дикіе крики гіены, шакала и всѣхъ хищныхъ звѣрей, обитающихъ въ сосѣдственныхъ горахъ. Между прочими зданіями замѣчательны: дворецъ основателя и прелестная мечеть шаха Сагиба Тукиха. Эти строенія относятся къ тому роду архитектуры, о которомъ я говорилъ уже много разъ, и потому не буду долго на нихъ останавливаться; но предъ этою дивною мавританскою архитектурою, рисующеюся на лазурномъ небѣ, подъ блестящимъ солнцемъ Индіи, прямыя, однообразныя линіи греческаго зодчества кажутся слишкомъ холодными.

Въ Ауренгабадѣ находятся теперь военныя квартиры низамской арміи. Офицеры отличаются гостепріимствомъ, которому всегда есть случай выказать себя здѣсь, по причинѣ центральнаго положенія города при стеченіи всѣхъ дорогъ, ведущихъ къ столицамъ: Калькуттѣ, Бомбею, Мадрасу и Гайдерабаду, и потому

путешественники являются здѣсь безпрестанно.

Между прочими залетными птицами можно видѣть здѣсь и отважныхъ авантюристовъ, которыхъ, въ первыя времена поселенія Англичанъ, встрѣчалось гораздо больше: но по мѣрѣ распространенія англійскихъ владѣній къ сѣверу, появленіе этихъ господъ въ южной части Индіи становится рѣже. Люди эти, посвятившіе себя трудамъ для пользы правительства, или собственной своей, проживъ долгое время между Билами и другими свирѣпыми племенами береговъ Тапти, Нербудды, Инда и Маганудди, по-нѣскольку лѣтъ не видали ни одного Европейца, и наружность ихъ приняла какой-то дикій видъ и отпечатокъ грубыхъ нравовъ того общества, въ которомъ они находились. Инаго изъ нихъ вы встрѣтите обросшаго длинною бородой, въ одеждѣ, несохранившей почти ничего европейскаго, и не только тѣло ихъ приняло цвѣтъ тамошняго климата, но даже глаза

впитали въ себя огонь его. По густымъ усамъ, покрывающимъ верхнюю губу, по энергическимъ чертамъ лица, выражающимъ спокойствіе и смѣлость, трудно узнать Англичанина въ этомъ человѣкѣ, котораго скорѣе можно принять за Испанца, или Аравитянина. Верхняя часть его широкаго и всегда прекрасно-устроеннаго черепа, по большой части, бываетъ плѣшива; прочая часть головы покрыта густыми локонами, слегка осеребренными сѣдиною; на лбу вы прочтете три главныя качества, необходимыя для той роли, которую онъ избралъ: *духъ предпріимчивости, смѣлость, тонкую политику*. Есть что-то необыкновенно привлекательное въ наблюденіи жизни такого человѣка; она пробуждаетъ въ душѣ нашей врожденный героизмъ, чувство какой-то зависти и сожалѣніе, что намъ самимъ не удалось участвовать въ нѣкоторыхъ эпизодахъ его странической жизни — что мы не можемъ, подобно ему, оглянувшись назадъ, видѣть рядъ минувшихъ лѣтъ, которыя

исполнены стольких воспоминаній; сколько разнообразныхъ картинъ, величественныхъ и ужасныхъ, встрѣчалось его взорамъ! Какъ вѣрно и глубоко постигъ и изучилъ онъ сердце человѣческое! Какую бездну опасностей, затрудненій и переворотовъ долженъ былъ пройдти онъ! Послѣ всего этого слѣдуетъ вопросъ: чѣмъ кончится его существованіе? Наградами ли, почестями ли, возданными ему благодарнымъ отечествомъ, или одними только страданіями печальной кончины въ одиночествѣ? Увидитъ ли онъ когда нибудь безмятежный родительскій кровъ, или въ далекой чужбинѣ падетъ подъ ударомъ кинжала, или погибнетъ отъ яда? Это сподвижникъ англійскаго величія: это Поттинджеръ, Стоддартъ, Кonолли, это Александръ Бӧрнесъ! Какъ новые Колумбы при открытіи новыхъ земель, они прокладаютъ новые пути для промышленности и приготовляютъ новыя мѣста сбыта для отечественной торговли. Предусмотрительное и

щедрое правительство всегда будетъ умѣть создать для себя подобныя орудія, увѣнчивая патріотизмъ двумя пальмами, по окончаніи поприща, богатствомъ и славою.

Нѣсколько далѣе, на той же самой дорогѣ, представляется знаменитая крѣпость Доулутабадъ (жилище богатства), такъ названная, безъ сомнѣнія, потому что туземные властелины употребляли ее, какъ сундукъ, для накопленія богатства, похищеннаго у разныхъ народовъ; цитадель ея, построенная на вершинѣ крутой горы посреди равнины, имѣетъ видъ улья въ пять сотъ футовъ вышиною. Представьте себѣ совершенный конусъ, котораго нижніе скаты такъ круто устроены, что образуютъ первую неприступную стѣну въ восемь сотъ футовъ отвѣсной вышины. Подъемный мостъ, переброшенный черезъ ровъ, ведетъ къ отверстію, сдѣланному въ крутизнѣ: это входъ въ галлерею, изсѣченную въ гранитъ, куда можно пробраться только одному, и то согнувшись. Сначала

галлерея эта идетъ по плацъ-дарму или по караульнѣ со сводами, освѣщаемой факелами; потомъ постепенно поднимается метровъ на двѣсти и ведетъ въ другую комнату; здѣсь единственный выходъ изъ крѣпости — западня, сдѣланная въ сводѣ, который служитъ потолкомъ; западня эта защищена желѣзною рѣшеткою, устроенною такъ, что, въ случаѣ опасности, можно зажечь на ней костеръ, которому самая галлерея служитъ вентилаторомъ и посредствомъ котораго положеніе осаждающихъ, еслибъ они и пробрались сюда, сдѣлалось бы невыносимымъ. Но и по выходѣ изъ подземелья—прежде нежели достигнешь до цитадели, устроенной на верху конуса — остается еще длинный и узкій всходъ, защищаемый перекрестными огнями и круто извивающійся между отвѣсныхъ рвовъ, иссѣченныхъ на всѣхъ скатахъ по правую и по лѣвую сторону и служащихъ резервуарами воды для гарнизона. По видимому, нѣтъ возможности взять такую крѣпость

приступомъ; между тѣмъ она часто переходила изъ рукъ въ руки безъ всякаго боя. Въ исторіи индійскихъ войнъ весьма достойно примѣчанія, что ничтожныя землебитныя укрѣпленія, каковы арготскія и буртпурскія, выдерживали самые сильные приступы. Низамъ, который, вѣроятно, никогда не отважится засѣсть въ Доулутабадъ и поднять тамъ свое знамя, дорожитъ однако же этой крѣпостью. Для осмотра ея надо имѣть позволеніе отъ него самого. Не смотря на то, гарнизонъ едва-ли состоитъ изъ ста человѣкъ, а на плацъ-дармѣ нѣтъ пушекъ, кромѣ одной огромной, оставшейся послѣ Ауренгзеба, теперь совсѣмъ заржавѣвшей и испортившейся, которую, навѣрное, разорветъ при первомъ выстрѣлѣ; по крайней мѣрѣ, вы услышите объ ней много чудесъ: разсказываютъ, напримѣръ, что каменное, или чугунное ядро, изъ нея пущенное, долетало до Ауренгабада на разстояніи девяти миль, или около трехъ льё. Посредствомъ гукума или письменнаго вида отъ

министра, который вручили мы келладору или коменданту, послѣдній принялъ насъ весьма почтительно, и, при отъѣздѣ нашемъ, поднесъ нам корзину превосходнѣйшаго винограда, какого еще не ѣдалъ я—исключительное произведеніе той мѣстности, вывозимое оттуда во всѣ стороны Индіи на окружности болѣе ста льё.

Наконецъ вамъ остается видѣть послѣдній предметъ, который долженъ быть главною цѣлью вашего путешествія—это подземные храмы Эллоры. Вымощенная камнемъ дорога, отъ самаго Ауренгабада, ведетъ, на протяженіи нѣсколькихъ льё, по весьма крутому спуску къ равнинѣ, на которой находится деревня Розахъ, построенная, по перпендикулярной линіи, надъ тѣми знаменитыми подземельями, которыя считаются, по всей справедливости, одним изъ первѣйшихъ чудесъ свѣта. Но при всемъ нетерпѣливомъ желаніи скорѣе достигнуть до нихъ, надобно однако-же, хотя мимоходомъ, взглянуть на

гробницу Ауренгзеба въ Розахъ. Это простая мраморная плита, подлѣ которой нѣсколько факировъ попеременно стоятъ на молитвѣ; вотъ все, что́ остается теперь въ честь памяти завоевателя Индіи, воздвигнувшаго столько великолѣпныхъ дворцовъ и ниспровергнувшаго столько государствъ. На нѣсколько шаговъ далѣе находится бо́нгало для путешественниковъ, построенное на краю той пропасти, которой бока изрыты рукою человѣка; съ перистиля вы видите подъ ногами вашими обширныя Кандейшскія равнины, сливающіяся съ горизонтомъ.

Наконецъ мы видимъ передъ собою тѣ гигантскія созданія, которыхъ невозможно живо представить себѣ ни по какому описанію, и которыя трудно отнести къ твореніямъ рукъ и генія человѣческаго: такъ онъ кажется малъ и ничтоженъ передъ своимъ произведеніемъ! «Душевныя дви»женія Бриса, въ первый разъ открыв»шаго источники Нила — говоритъ ан-

»глійскій путешественникъ Силей—не могли »быть живѣе и взволнованнѣе моихъ въ ту »минуту, когда я внезапно увидѣлъ себя въ »подземныхъ храмахъ Эллоры. Я предался, »всѣми способностями души моей, величест- »веннымъ чудесамъ этихъ безсмертныхъ »твореній; но нѣтъ словъ выразить того »чувства изумленія и оцѣпенѣнія, которое »овладѣваетъ вами при первомъ взглядѣ. »Глаза ослѣплены, и потрясены всѣ умст- »венныя способности. Удивительное разно- »образіе любопытныхъ предметовъ, вдругъ »поражающихъ со всѣхъ сторонъ, такъ ве- »лико, что производитъ въ душѣ ощущеніе »какого-то страха, смѣшаннаго съ изум- »леніемъ и восторгомъ, и надо много, много »времени, чтобъ успокоить смущеніе души, »и потомъ уже внимательно разсматривать »чудеса, которыми окружены вы.* » Спо- койствіе и мертвое молчаніе, здѣсь воцарив- шееся, уединеніе окружныхъ долинъ, роман- тическая прелесть мѣстоположенія и самая

* Переводъ съ англійскаго. *Соч.*

эта гора, изсѣченная со всѣхъ сторонъ въ просвѣтъ—все наполняетъ душу путешественника ощущеніями, совершенно для него новыми и непохожими на тѣ, которыя испытывалъ онъ при видѣ великолѣпныхъ зданій, воздвигнутыхъ среди шумной жизни и дѣятельности людей. Все въ этихъ мѣстахъ располагаетъ къ созерцанію; каждый предметъ, окружающій васъ, уноситъ душу къ отдаленнымъ временамъ, къ тому могучему народу, который дошелъ до высочайшей степени образованности, тогда какъ Европейцы, въ дикомъ состояніи, жили еще въ лѣсахъ и пустыняхъ.

Вообразите себѣ удивленіе, свѣтлымъ лучемъ озаряющее душу, когда, у отверстія глубокой пещеры, вы видите передъ собою, въ самыхъ нѣдрахъ земли, колоссальный храмъ, изсѣченный изъ цѣльной скалы, гордо опирающійся на природное свое основаніе и отдѣленный отъ родной горы многоугольною эспланадою, имѣющею съ каждой стороны по двѣсти

пятидесяти футовъ длины и по сту пятидесяти ширины; эта громада, отдѣленная отъ горы, имѣетъ въ окружности не менѣе пяти сотъ футовъ, и возвышается, цѣльною массою, на сто футовъ надъ основаніемъ; длина ея простирается до ста сорока пяти, а ширина до шестидесяти двухъ футовъ. Храмъ этотъ также изумителенъ въ своихъ подробностяхъ, какъ и въ цѣломъ: безчисленныя изваянія человѣческихъ фигуръ и животныхъ; фризы, колонны, придѣлы, почти висящіе на воздухѣ; огромныя залы съ блестящими, полированными стѣнами — все дышитъ вкусомъ самымъ изящнымъ; весьма удивительно то, что, не смотря на все-разрушающее время и на людей, не менѣе его опасныхъ, до сихъ поръ здѣсь незамѣтно еще никакой утраты; лѣстницы до самыхъ верхнихъ галлерей, двери, окна, арки—все цѣло и въ совершенной исправности.

Но геній скульптора не истощился въ одномъ этомъ зданіи: три этажа подземныхъ

галлерей образуютъ собою изваянный гранитный поясъ, окружающій эспланаду, которая отдѣляетъ храмъ отъ горы; потомъ они углубляются во внутренность скалы и идутъ въ ней на протяженіи двухъ льё, представляя собою пантеонъ индійскихъ божествъ. Въ центрѣ этого двора, противъ трехъ-этажной галлереи, гдѣ сорокъ двѣ гигантскія фигуры индійской миѳологіи составляютъ какъ бы почетную стражу, храмъ Койласа величественно покоится на вѣчномъ своемъ основаніи. Скала эта одушевлена творческимъ искуствомъ во времена отдаленныя, недостижимыя для исторіи, и никакой еще древній памятникъ въ мірѣ не только не превосходитъ этого дивнаго созданія, но не можетъ даже и сравниться съ нимъ.

XII.

ВРЕМЯ ЖАРОВЪ; ВРЕМЯ ДОЖДЕЙ. — РЕЛИГІОЗНЫЕ ПРАЗДНИКИ: ДУРГАХЪ-ПУДЖАХЪ; МОГОРРУМЪ.

Недѣли двѣ бродивши посреди этихъ гигантскихъ памятниковъ первобытныхъ временъ, поспѣшимъ возвратиться назадъ. Солнце перестаетъ уже быть благодѣтельнымъ божествомъ, и является Аполлономъ истребителемъ. Пойдемте скорѣе укрыться отъ этого неумолимаго неба въ Боларумъ, подъ прекрасную тѣнь его банановыхъ деревъ, его кипарисовъ и прелестныхъ кассуаринъ, шумящихъ при вѣяніи вѣтра такъ печально и сладостно, какъ тихій говоръ волнъ прибрежнаго моря. Но скоро палящій жаръ дости-

гнетъ до насъ и въ этомъ убѣжищѣ. Настаютъ тѣ невыносимые три мѣсяца, въ которые самая жизнь становится тяжкимъ бременемъ—когда занятія утрачиваютъ всю свою прелесть, лѣнь всю свою мечтательность; когда разговоръ дѣлается тяжелымъ принужденіемъ, а уединеніе невыносимымъ. Вамъ кажется, что весь міръ въ огнѣ. Одно желаніе, одно эгоистическое чувство — избавить лично себя отъ этого пожара всей природы — овладѣваетъ каждымъ. Въ это время никто ничего не любитъ, ни книгъ своихъ, ни друзей, ни жены, и не сдѣлаетъ ни одного шага изъ дому даже для спасенія своего ребенка. Вамъ кажется, что вся кровь прилила къ головѣ, и многіе, весьма благоразумные люди припускаютъ къ вискамъ піявокъ изъ удовольствія и наслажденія, что́ составляетъ для нихъ потребность, похожую на прихоть беременной женщины, въ которой она не въ силахъ отказать себѣ. Дыханіе дѣлается короткимъ и тяжелымъ; проснувшись утромъ,

вы чувствуете какую-то усталость и слабость во всемъ тѣлѣ; всѣ члены, особливо поясница, приходятъ въ совершенное изнеможеніе. Прежде всего вы чувствуете необходимость избавиться отъ ослѣпительнаго свѣта, который жжетъ глаза и изсушаетъ мозгъ, и потому надо обрѣчь себя на совершенную темноту. Въ это время домы Европейцевъ открываются только ночью, и, при первомъ лучѣ солнца, опять тщательно закрываются. — Передъ всѣми дверьми и окнами, гдѣ только можно произвести сквозной вѣтеръ, вѣшаютъ *татти*, родъ толстыхъ и очень рѣдкихъ рогожъ, сотканныхъ изъ корней ветивера; ихъ натягиваютъ на тонкія бамбуковыя рамы, сдѣланныя во всю ширину тѣхъ отверстій, въ которыя ихъ плотно вставляютъ. Съ каждой стороны ставятъ большіе глиняные сосуды, куда *бегишти* (носильщики воды) безпрестанно вливаютъ изъ своихъ кожаныхъ мѣшковъ воду, которую берутъ изъ сосѣднихъ колодцевъ. Два или

три *бирера* или *боайги*, голые (съ однимъ только *лангути*), черные и лоснящіеся какъ гагатъ, облитые пóтомъ и водою, стоятъ съ наружной стороны и ежеминутно вспрыскиваютъ татти. Воздухъ, проходящій въ комнату сквозь эту ткань, очень охлаждается, испаряя безпрестанно воду, по ней текущую, и, вмѣстѣ съ свѣжестью, приноситъ въ комнату пріятный запахъ ветивера.

Всякій освѣжаетъ свое жилище этимъ прохладнымъ искуственнымъ воздухомъ, производя вѣтеръ посредствомъ пункаха, огромнаго вѣера, укрѣпленнаго въ потолкѣ и приводимаго въ движеніе слугою. «Этотъ «вѣтеръ, нерѣдко превращающійся въ не«чувствительное вѣяніе, предохраняетъ отъ «пота, или уничтожаетъ его въ ту-же мину«ту, какъ онъ выступаетъ; только при этомъ «пособіи и можно заняться чтеніемъ, или «письмомъ; но иногда вы приходите въ «какую-то разсѣянность; лобъ покрывается «пóтомъ, и непріятное утомленіе заставляетъ «васъ оставить книгу, или перо; вы огля-

»дываетесь вокругъ себя: пункахъ виситъ »безъ движенія; хотя боайги и держитъ »снурокъ, приводящій пункахъ въ движеніе, »но только потому, что онъ привязанъ къ »рукѣ его; а самъ онъ, тихонько присѣвъ »на корточки, спокойно дремлетъ, между »тѣмъ какъ вы сгараете отъ жара. Нетер-»пѣливое восклицаніе мгновенно преры-»ваетъ сонъ его; онъ вскакиваетъ, дер-»гаетъ со всею силою пункахъ, и вы снова »наслаждаетесь пріятною, освѣжительною »прохладой.* » Это похоже на переходъ отъ лихорадочнаго припадка къ спокойному положенію перемежающейся болѣзни. Здѣсь спятъ съ открытыми окнами, ничѣмъ не покрываясь, почти нагіе и на однѣхъ только простынях; газовый пологъ, защищающій васъ отъ насѣкомыхъ, ослабляетъ силу сквознаго вѣтра, носящагося по комнатѣ. Настаютъ ночи, до такой степени тихія, что ни одинъ листочекъ жасмина, обвивающаго гирландами окна ваши, не колыхнется

* Жакмонъ.

на стебелькѣ своемъ, и складки легкаго полога окружаютъ васъ такъ неподвижно, какъ изваянная драпировка вокругъ гробницы — ночи, невыразимо мучительныя; вы чувствуете недостатокъ воздуха для свободнаго дыханія. Для доставленія себѣ хотя малѣйшаго спокойствія, надо, чтобъ пункахъ качался надъ вами во всю ночь; для этого снурокъ отъ вѣера пропускается сквозь стѣну въ сосѣдственную комнату, гдѣ бѣдный слуга долженъ приводить его въ дѣйствіе и не спать всю ночь, для того чтобъ спалъ господинъ его. Эта удушливая тишина означаетъ окончаніе жаровъ и бываетъ первою предвѣстницею наступающей эпохи дождей. По временамъ слышится вдалекѣ громъ: солнце садится въ тучи, и молнія блеститъ на горизонтѣ. Въ концѣ мая наступаютъ первыя грозы, непродолжительныя, но чрезвычайно сильныя; дождь, не долѣе какъ по получасу, льется потоками; но спустя нѣсколько дней, онъ становится продолжительнѣе; въ половинѣ іюня небо

всякій день покрывается черными тучами, и дождь вступаетъ въ полное свое владычество; иногда, особливо въ іюлѣ мѣсяцѣ, онъ льется по тридцати и по сороку часовъ сряду, и не такъ, какъ въ нашихъ климатахъ, гдѣ дождь падаетъ тонкими, отдѣльными и почти неуловимыми линіями—здѣсь обыкновенно онъ льется крупными, ровными и параллельными струями, а часто, какъ водяная скатерть, спускается съ неба со всѣмъ ужасомъ и неукротимымъ стремленіемъ водопада.

Бѣдныя глиняныя хижины туземцевъ размываются въ этомъ продолжительномъ потопѣ; крыши ихъ обрушиваются и подавляютъ собою несчастныхъ, которые или гибнутъ подъ ихъ тяжестью, или остаются на открытомъ воздухѣ, подверженные всей свирѣпости атмосферы, и умираютъ въ большомъ количествѣ. Это время всеобщаго бѣдствія, не исключая ни богачей, ни знатныхъ; отвратительнѣйшіе гады, выгнанные водою изъ норъ своихъ, стремятся

на поверхность земли и ищутъ себѣ пріюта въ жилищахъ людей. Множество различныхъ породъ ужей, мокрицъ, скорпіоновъ ползутъ по лѣстницамъ и наполняютъ ваши комнаты. Ночью не возможно сдѣлать ни шагу безъ огня, не подвергаясь опасности получить смертельную рану отъ ужаленія или укушенія котораго нибудь изъ этихъ гадовъ. Надобно съ чрезвычайною осторожностью осматривать все, до чего вы ни дотрогиваетесь, или чтó вы ни надѣваете; иначе рискуете погибнуть, встрѣтя смертельное жало въ сапогѣ, или въ рукавѣ вашего платья. Нѣсколько времени живете вы жизнью тревогъ и въ соприкосновеніи со всякой нечистотой; къ счастью, время этихъ испытаній бываетъ непродолжительно: въ концѣ августа муссонъ начинаетъ дуть слабѣе, и въ первыхъ числахъ сентября совершенно прекращается. Слѣдующіе за тѣмъ пять мѣсяцевъ прекрасной погоды, которою вы наслаждаетесь до начала февраля, заставляютъ васъ забы-

вать предшествующія имъ непріятности: воздухъ такъ свѣжъ, природа такъ прекрасна, что вы считаете уже за счастье одно ваше существованіе.

Вмѣстѣ съ пріятной погодой наступаетъ и время большихъ весеннихъ праздниковъ, и бѣдные Индійцы забываютъ всѣ свои бѣдствія, вполнѣ предаваясь или мистицизму, или удовольствіямъ. Праздникъ *Дургахъ-Пуджахъ*, установленный въ честь жестокой *Кали*, богини убійства и разврата, наслаждающейся страданіями людей, есть одинъ изъ самыхъ необыкновенныхъ праздниковъ въ Индіи. Въ это время характеръ Индійца дѣлается неизъяснимою загадкою; онъ представляетъ собою контрастъ самый разительный. Человѣкъ, который бѣжитъ, что̀ есть мочи, отъ удара бича, наклоняетъ голову и жалобно кричитъ, если Европеецъ только замахнется на него—въ это время готовъ на самую мучительную смерть, и добровольно бросается подъ колесницу Джагарната, чтобъ быть раздавлен-

нымъ, или предаетъ себя на ужасныя истязанія, и даже не отъ фанатическаго восторга, а за самую умѣренную плату, и съ невѣроятнымъ терпѣніемъ выноситъ страшныя муки. Въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ вы даже встрѣтите несчастныхъ, которые, за ничтожную цѣну, даютъ себя вертѣть на воздухѣ съ чрезвычайною быстротою, прицѣпленные къ веревкѣ двумя острыми желѣзными крючьями, которыми, какъ удою, задѣваютъ ихъ за тѣло на спинѣ. Подобныя явленія можно видѣть всякій годъ на праздникѣ Дургаха. Даже во всѣхъ маленькихъ городахъ соблюдаются эти ужасные обряды, и вездѣ находятся люди, съ твердостью духа добровольно подвергающіе себя различнымъ мученіямъ. »Многіе бога»тые святоши, думая угодить божеству »страданіями чужаго тѣла, нанимаютъ бѣд»няковъ, которые выносятъ тяжкія пытки, »не произнося ни одной жалобы; а нѣко»торые изъ нихъ имѣютъ духъ даже пѣть »въ это время. Залечивъ свои раны, они лѣ-

»ляются на другой годъ снова принимать »тѣ-же муки. Но эти люди, въ минуты »своихъ страданій, не утѣшаются надеж»дою на небесное блаженство, и очень »хорошо знаютъ, что вся награда за это »ограничится сотнею рупій (250 фран»ковъ). * »

До сихъ поръ мы описывали только одни индійскіе праздники; но музульмане также имѣютъ свои церемоніи и обряды, основанные на религіи, болѣе возвышенной и очищенной; они не такъ ужасны, но, по сближенію съ индійскими племенами и по ихъ вліянію, приняли всѣ оттѣнки и странность мѣстности. Я ограничусь описаніемъ одного изъ этихъ праздниковъ, называемаго *Могоррумъ* и отправляемаго 7-го іюля шіитами или музульманами секты Али. Чтобъ понимать сцены этой религіозной драмы, надобно предварительно знать, что, по смерти Магомета, калифатъ, т. е. право

* Жакмонъ.

наслѣдовать верховную власть надъ правовѣрными, никому лично не былъ предназначенъ, и сдѣлался предметомъ спора между четырьмя соперниками: 1) Али, зятемъ пророка, мужемъ единственной его дочери Фетимы; 2) Абубекеромъ, его тестемъ и другомъ, отцемъ младшей жены Аиши; 3) Отманомъ, секретаремъ его; 4) Омаромъ, однимъ изъ самыхъ избранныхъ его послѣдователей.

Преодолѣвъ нѣкоторыя затрудненія, Абубекеръ наслѣдовалъ пророку, какъ первый калифъ, и умеръ своею смертью.

Послѣ него корона досталась Омару, потомъ Отману, и оба они умерли насильственною смертью.

Наконецъ вступилъ на престолъ Али. По причинѣ этого порядка наслѣдій, возникъ знаменитый расколъ между сунни и шіитами. Различіе ихъ мнѣній заключается въ томъ, что сунни признаютъ законными всѣхъ четырехъ наслѣдниковъ, а шіиты смотрятъ на Абубекера, Омара и Отмана, какъ на

похитителей престола, и признаютъ одного Али, племянника и зятя пророка, законнымъ и избраннымъ отъ Бога повелителемъ.

По смерти Отмана, явился новый искатель престола, но устрашась могущества Али, отложилъ на время свои исканія: это былъ Моавія, одинъ изъ намѣстниковъ пророка. Онъ получилъ отъ Омара другой калифатъ — область Дамасскую, которою управлялъ онъ, какъ намѣстникъ и какъ независимый начальникъ, болѣе сорока лѣтъ. Смерть Али представила наконецъ его честолюбію случай, такъ терпѣливо и постоянно выжидаемый въ продолженіе всего долговременнаго его поприща, овладѣть государствомъ и передать права наслѣдія своему роду. — Обстоятельства благопріятствовали его намѣреніямъ. Али оставилъ послѣ себя много сыновей, изъ которыхъ два старшіе были Гассанъ и Гуссейнъ. Гассанъ, самый старшій, былъ характера слишкомъ слабаго, или слишкомъ возвышеннаго, такъ, что легко могъ уступить

престолъ другому. Моавія началъ вести переговоры объ его отреченіи, и безъ большаго труда склонилъ Гассана добровольно отказаться отъ престола и удалиться въ скромную келью близъ гробницы своего дѣда. Гуссейнъ, второй братъ, по молодости своей, не въ состояніи былъ противиться его гордости, и калифатъ остался за Моавіею, который, умирая, передалъ го сыну своему Езиду. Между тѣмъ Гуссейнъ возмужалъ и пріобрѣлъ общую любовь своею набожностью и храбростью. Сдѣлавшись отцомъ семейства, онъ хотѣлъ оспорить права свои у Езида. Неблагоразумные друзья увѣрили его, что ему стóитъ только явиться среди народа, и общее возстаніе готово вспыхнуть въ его пользу; ему прислали даже списокъ семействъ, ожидающихъ только удобнаго времени соединиться на защиту его. По этимъ извѣстіямъ, не оправдавшимся на дѣлѣ, Гуссейнъ выѣхалъ изъ Медины и направился къ границамъ Ирака, въ сопровожденіи весьма малочи-

сленной свиты, состоявшей преимущественно изъ женщинъ и дѣтей, въ числѣ которыхъ находилась и сестра его Фатима. По-видимому, планъ не былъ основательно обдуманъ, или Гуссейну измѣнила партія, вызвавшая его на эту борьбу, потому что онъ внезапно окруженъ былъ пятью тысячами аравійскихъ всадниковъ въ равнинахъ кербелахскихъ.

Свиту Гуссейна составляли тридцать два человѣка кавалеріи и сорокъ пѣхоты. Видя неравенство боя, онъ чистосердечно умолялъ спутниковъ оставить его одного и искать спасенія въ бѣгствѣ. Но великодушные воины всѣ отказались отъ этого предложенія, и тѣсно столпились вокругъ Гуссейна съ благороднымъ намѣреніемъ погибнуть вмѣстѣ съ нимъ. Защищаемые глубокимъ рвомъ, который они выкопали и, по обычаю Аравитянъ, развели въ немъ сильный огонь, фатимиты отчаянно сопротивлялись. Осаждающіе, не имѣя возможности побѣдить ихъ рукопашнымъ боемъ, уда-

лились съ намѣреніемъ издали пустить въ нихъ тучу стрѣлъ, подъ которою всѣ товарищи Гуссейна погибли одинъ за другимъ. Оставшись послѣднимъ, покрытый ранами, истекающій кровью и утомленный, Гуссейнъ сѣлъ у входа въ свою палатку, гдѣ и былъ убитъ въ объятіяхъ сестры своей Фатимы.

Эпоха его смерти, по музульманской эрѣ, соотвѣтствуетъ 7-му іюля, и годовщину этого дня торжествуютъ всѣ секты праздникомъ *Могоррумъ*, къ которому приготовляются самымъ строгимъ постомъ. Постъ продолжается нѣсколько дней, и дѣйствіе его скоро обнаруживается въ истощенныхъ чертахъ и вытянувшихся лицахъ окружающаго васъ народа и даже служителей въ вашемъ домѣ. Во все это время, по краямъ дорогъ и во всякомъ углу улицы, появляются небольшія палатки; въ нихъ богатые люди своими руками раздаютъ бѣднымъ и подносятъ странникамъ шербетъ— освѣжительное питье, неподверженное бро-

женію и приготовленное для утоленія жажды въ эти дни труднаго воздержанія.

Вечеромъ послѣдняго дня, 7-го іюля, замѣтно необыкновенное движеніе: готовятся торжественно нести *тази* или мавзолеи, изображающіе собою гробницы Гассана и Гуссейна. Всѣ правовѣрные шіиты должны присутствовать при этомъ торжествѣ; другіе классы музульманъ также являются тутъ въ наслѣдственныхъ и отличительныхъ своихъ нарядахъ. Богатѣйшіе люди ѣдутъ за процессіею на верблюдахъ, или на слонахъ; впереди идетъ многочисленная музыка, и повторяемые крики: *Гассанъ*, *Гуссейнъ*, безпрестанно раздаются въ толпѣ самыми плачевными голосами. У всѣхъ льются слезы и всѣ, по-видимому, погружены въ самую глубокую печаль. На площадяхъ, перекресткахъ, на дворахъ большихъ домовъ и повсюду, гдѣ только есть довольно большое пространство, вырыты, въ нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой, круглыя ямы, въ которыхъ разведенъ силь-

ный огонь; процессія останавливается возлѣ каждой изъ нихъ: мулла выходитъ изъ толпы и начинаетъ разсказъ о смерти Гуссейна, исчисляя всѣ раны его съ выраженіемъ возрастающей печали и отчаянія; это попеременно и речитативъ и пѣніе; движенія его такъ-же сильны, какъ и самый голосъ. Всѣ присутствующіе отвѣчаютъ странными криками и стенаніями, вызываемыми каждою новою раною Гуссейна и подражающими крикамъ предательства, воплямъ отчаянія и физическаго страданія и послѣднимъ вздохамъ умирающаго героя. Мулла ударяетъ себя въ грудь; всѣ присутствующіе слѣдуютъ его примѣру, и повторяютъ слова его хоромъ; наконецъ слышенъ только безпрестанный крикъ: *Гуссейнъ, Гуссейнъ* — которому стукъ ударовъ въ грудь отвѣчаетъ въ тактъ.

Между тѣмъ толпа черни раздѣляется на разныя партіи, которыя начинаютъ настоящія гимнастическія упражненія, съ яростью ударяя себя по обнаженной груди и дѣлая

тяжелые мѣрные прыжки вокругъ ямъ съ пылающимъ огнемъ; при свѣтѣ пламени рѣзко обозначаются всѣ движенія ихъ бронзоваго тѣла — это настоящіе демоны, беснующіеся въ аду. Религіозное изступленіе нерѣдко усиливается до такой степени, что шіиты, принимая встрѣчающихся имъ сунни за убійцъ богоугоднаго мученика, бросаются на нихъ съ ожесточеніемъ, и борьба оканчивается иногда кровопролитіемъ. Праздникъ этотъ всегда можетъ служить эпохою рѣшительнаго переворота, и правительство обращаетъ на него строгое вниманіе, тѣмъ болѣе, что это время религіознаго фанатизма и вражды противъ всѣхъ невѣрныхъ, особливо противъ христіанъ, слѣдовательно время, весьма удобное для того, чтобъ вспыхнуть заговору противъ британской власти.

XIII.

НАЗНАЧЕНІЕ АВТОРА ПРАПОРЩИКОМЪ ВЪ 55 ПОЛКѢ КОРОЛЕВСКО-АНГЛІЙСКОЙ АРМІИ. — ВЫѢЗДЪ ИЗЪ ГАЙДЕРАБАДА. — ГОЛЬКОНДСКАЯ КРѢПОСТЬ; АЛМАЗНЫЯ КОПИ. — ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ БЕЛЛЕРИ.

До сихъ поръ я былъ въ Индіи только зрителемъ; теперь для меня наступаетъ время начать новое существованіе: отнынѣ я дѣлаюсь дѣйствующимъ лицомъ, правда, второстепеннымъ; но наконецъ книга открыта передо мною, и я могу изучать всю совокупность піесы, затверживая въ то-же время и свою роль. Въ апрѣлѣ 1832 года мнѣ разрѣшено было купить чинъ прапорщика въ 55-мъ полку королевско-англійской арміи, по установленной таксѣ, т. е. за 11,000 франковъ — милость необыкно-

венная, потому что въ то время, какъ я получилъ ее, на тотъ-же самый чинъ было около 5000 кандидатовъ, каждый съ деньгами въ рукахъ. Теперь будетъ уже говорить офицеръ англійской арміи—правда, безъ всякаго пристрастія, но съ уваженіемъ, привязанностью и признательностью къ благороднымъ знаменамъ, которыя долгое время осѣняли его и служили парусами его челноку въ продолженіе девяти лѣтъ страннической и счастливой жизни. Привѣтствую тебя, мое старое знамя! чело мое всегда будетъ преклоняться при твоемъ появленіи, и усыновленное тобою дитя никогда не подниметъ на тебя убійственной руки. Желаю тебѣ славы, счастья и успѣха во всякомъ благонамѣренномъ предпріятіи, во всякой законной войнѣ, которая не будетъ клониться къ униженію моего отечества! Таковы мои обѣты въ отношеніи къ тебѣ—и я не измѣню имъ. По возвращеніи къ частной жизни, въ нѣдрахъ моего семейства, у меня одна цѣль при изданіи этой

книги: принести должную дань истинѣ, той истинѣ, для узнанія которой пускался я на отдаленные берега моей родины. Желаю представить моимъ соотечественникамъ и самимъ Англичанамъ, тѣмъ и другимъ глубоко и равно несвѣдущимъ въ этомъ предметѣ—страницу современной жизни одного изъ большихъ семействъ рода человѣческаго. Желаю наконецъ, если возможно, подать поводъ къ учрежденію надъ индійскими единоземцами моими правительства менѣе холоднаго, менѣе безжалостно-эгоистическаго, нежели то, которое похищаетъ у нихъ послѣднее достояніе для утученія шмелей Leadenhall-street, для утоленія ненасытной алчности метрополіи и для удовлетворенія требованіямъ нѣкоторыхъ другихъ колоній, пользующихся бо̀льшими льготами. Истина будетъ моимъ девизомъ: это первый долгъ человѣка въ отношеніи къ свѣту; она, надѣюсь, будетъ также служить мнѣ оправданіемъ при частомъ обвиненіи мною, въ способѣ управленія Индіею, того народа, которому

я лично обязанъ глубокою признательностью.

Полкъ, въ который я вступилъ, составлялъ тогда гарнизонъ въ Беллери, главномъ городѣ областей, уступленныхъ низамомъ Компаніи (ceded districts). Время года благопріятствовало путешествію; носились слухи о будущемъ движеніи войскъ, которое хотѣлось мнѣ предупредить своимъ прибытіемъ въ полкъ, и я рѣшился ѣхать какъ можно поспѣшнѣе. Приготовленія къ пути продолжались недолго. По щедрости, свойственной Англичанамъ въ Индіи, каждый старался содѣйствовать скорѣйшей экипировкѣ молодаго прапорщика. Сестра моя, какъ добрая хозяйка, тотчасъ приготовила всѣ необходимыя вещи для моего хозяйства; помню, что какой-то старый маіоръ отдалъ мнѣ свою маленькую палатку, которая сопутствовала ему во всѣхъ походахъ и потомъ должна была еще служить мнѣ; другой офицеръ подарилъ мнѣ первый мой мундиръ, а зять мой — малень-

кую арабскую лошадку, и это была моя первая верховая лошадь, усердно служившая мнѣ и съ честью павшая на полѣ битвы. Самъ я занятъ былъ формированіемъ своей прислуги самымъ экономическимъ образомъ. Ее должны были составлять: 1) *хетматгаръ* или камердинеръ, онъ-же и поваръ; 2) помощникъ его *(мѣти)*, низшей касты, для чистки сапогъ, мытья посуды и проч.; 3) *ласкаръ*, для установки моей палатки; 4) *сэсъ* или *гореуала*, который обязанъ былъ нести мое ружье, бѣжать возлѣ лошади, чистить ее и готовить ей обѣдъ; потому что въ тѣхъ странахъ главный кормъ для лошадей состоитъ изъ горошка, въ родѣ чечевицы, до половины увареннаго; 5) фуражиръ или *гансуала*, для собиранія во время пути корма для лошади; 6) *кули*, для того чтобъ нести на двухъ концахъ бамбука, перевѣшеннаго чрезъ плечо, два *петараха* или ивовыя корзины съ кухонною посудою и виномъ; 7 и 8) двое *белуалъ* или погонщиковъ двухъ паръ воловъ. Три вола везли палатку

съ ея приборомъ, четвертый нагруженъ былъ моими чемоданами. Сверхъ того одинъ *некъ* (капралъ) и трое сипаевъ должны были провожать мои пожитки, защищать меня отъ тигровъ и воровъ и брать во время пути нужныхъ проводниковъ отъ одной деревни до другой.

Судя по числу людей, названныхъ мною, можно уже видѣть, что, для путешествія съ величайшею простотою, прислуга Европейца, не считая провожатыхъ, не можетъ быть менѣе восьми человѣкъ.

Всѣхъ этихъ людей отправилъ я въ путь 1 сентября 1832 года, приказавъ поставить палатку мою близь небольшаго города Шумшабада, льё въ семи отъ Болāрума и въ трехъ отъ столицы; самъ я предполагалъ догнать ихъ на другой день вечеромъ, а между тѣмъ, вмѣстѣ съ моими родными, провести день и ночевать у Гг. Пальмеръ, въ Чадергатѣ. Мы воспользовались этимъ послѣднимъ посѣщеніемъ для обозрѣнія, всѣмъ обществомъ, развалинъ

древняго Гайдерабада или Серунаггара, въ двухъ льё отъ нынѣшняго города, также гробницъ династіи Кутубшаха, болѣе обширныхъ, но едва-ли не менѣе красивыхъ, нежели бейдерскія — разсѣянныхъ въ большомъ количествѣ по пространной равнинѣ у подошвы гольконской крѣпости, живописно возвышающейся на скалахъ. Что́ касается до этого знаменитаго памятника, который одинъ сохранилъ древнее имя имперіи, прославляемое во всѣхъ восточныхъ сказкахъ, то намъ не позволили осмотрѣть его вблизи. Хотя гольконская крѣпость не можетъ быть благонадежною защитою при нападеніи непріятеля, потому что укрѣпленія состоятъ изъ простой крѣпостной стѣны, утвержденной на скалахъ и направляющейся по всѣмъ ихъ изворотамъ, однако-же ее охраняютъ такъ ревностно, что никогда не позволяютъ Европейцу, ни подъ какимъ предлогомъ, осмотрѣть ее, и легко можетъ случиться, что выстрѣлъ изъ ружья какого нибудь часоваго будетъ не-

ожиданнымъ привѣтствіемъ любопытному, который бы слишкомъ близко подошелъ къ стѣнѣ. Это кладовая, гдѣ низамъ хранитъ все свое частное богатство и деньги, ассигнуемыя на его содержаніе изъ государственной кассы, и гдѣ Англичане, со временемъ, будутъ умѣть найдти весь этотъ запасъ. Здѣсь, по народному преданію, таятся знаменитыя алмазныя копи; но это заблужденіе, основанное, вѣроятно, на множествѣ драгоцѣнныхъ вещей, дѣйствительно находящихся въ числѣ низамовыхъ сокровищъ; настоящее же мѣсто алмазныхъ копей въ близъ лежащей провинціи, на Коромандельскомъ берегу, нѣсколько къ сѣверу отъ Мазулипатама.

Читателямъ, можетъ быть, любопытно знать, что̀ сдѣлалось съ этими копями и много ли получается нынѣ алмазовъ. Любителямъ чудеснаго, безъ сомнѣнія, непріятно будетъ узнать, что онѣ теперь почти оставлены безъ вниманія и что разработка ихъ, предоставленная частнымъ людямъ, со дня

на день уменьшается. Туземцы приписывают истощенію алмазныхъ копей уменьшеніе произведеній, ими доставляемыхъ. Но едва ли это настоящая причина. «Нѣтъ никакого повода предполагать, чтобъ такое-же число людей, разработывая нынѣ, тѣми-же самыми способами, отломки того-же самаго слоя алмазной жилы, какъ и за сто или за двѣсти лѣтъ предъ симъ, не получали ежегодно такого-же количества алмазовъ. Минеральное богатство жилъ истощается; но богатство слоевъ простирается по всему протяженію ихъ; только то-же самое количество алмазовъ не имѣетъ нынѣ той-же цѣнности, потому что драгоцѣнные камни съ каждымъ столѣтіемъ болѣе и болѣе дешевѣютъ *.« Вотъ почему слава голькондскихъ алмазныхъ копей теперь въ упадкѣ; вотъ почему разработка ихъ, едва доставляющая нынѣ кое-какія выгоды, скоро сдѣлается разорительною, слѣдовательно и прекратится.

* Жакмонъ.

Надгробные памятники, находящіеся неподалеку отъ крѣпости, служатъ любимымъ мѣстомъ для пированья и сборищемъ охотниковъ во время сильныхъ жаровъ. Эти огромные куполы, эти массивные своды представляютъ непроницаемую защиту отъ лучей солнца, и служатъ убѣжищемъ многочисленнымъ стаямъ дикихъ голубей, которыхъ лѣнивые, или неопытные охотники бьютъ въ большомъ количествѣ. Кто прожилъ нѣсколько времени въ Индіи, тотъ только и можетъ весело проводить время днемъ и покойно спать ночью подъ мрачнымъ сводомъ мавзолея—тотъ только и въ состояніи съ аппетитомъ обѣдать на саркофагъ изъ чернаго мрамора, гдѣ арабскія литеры, чудесно изсѣченныя, восхваляютъ добродѣтели и подвиги государя, котораго кости покоятся подъ вашими ногами, тогда какъ надъ вашей головой летучія мыши описываютъ неутомимые круги свои, и эхо огромнаго купола, повторяя всѣ звуки съ оглушающимъ гуломъ, по-видимому, уко-

ряетъ васъ, раскатами грома, въ неприличномъ смѣхѣ вашемъ. Однако-же привыкаешь къ этимъ предметамъ, къ этимъ мыслямъ о смерти; нѣкоторые изъ самыхъ лучшихъ, самыхъ веселыхъ дней моихъ проведены были среди здѣшнихъ гробницъ.

Но изъ всѣхъ окрестныхъ мавзолеевъ самымъ замѣчательнымъ для насъ былъ Раймоновъ. На небольшомъ возвышеніи — въ одинакомъ разстояніи отъ города и отъ Чадергата, близъ остатковъ развалившейся стѣны вокругъ пространства, называемаго садомъ Французовъ (French gardens), гдѣ между кустарникомъ уцѣлѣло еще нѣсколько плодовыхъ деревъ—видно огороженное мѣсто, довольно чисто содержимое. Каменная пирамида, покрытая особаго рода штукатурою, называемою *шенамъ*, возвышается на тридцать или на сорокъ футовъ надъ землею. Она окружена цвѣтникомъ, тщательно усаженнымъ иммортелями. Противъ памятника поставленъ небольшой столбъ изъ цѣльнаго гранита съ треугольнымъ ни-

немъ, въ которомъ теплится некрасивая лампада. Всего чаще факиры метутъ это мѣсто. На пирамидѣ нѣтъ никакой надписи; но факиръ, или первый прохожій райотъ (крестьянинъ) скажетъ вамъ, что это памятникъ благодѣтельнаго человѣка, святаго и героя изъ Франкистана, муиса (т. е. monsieur, господина) Раймона, котораго память благодарный народъ чтитъ еще по прошествіи болье полувѣка, не имѣя о томъ другой книги, кромѣ своихъ преданій.

Шумшабадъ, 2 сентября 1832. Въ восемь часовъ вечера разстался я съ своими родными, и отправился въ путь на резидентскомъ слонѣ, который долженъ былъ доставить меня до первой станціи: была уже ночь, когда ѣхалъ я вдоль городской стѣны, изъ-за которой доходилъ до меня несвязный шумъ, смѣшанный съ лаемъ собакъ-парій *, отвѣчающихъ на визгливый вой шакаловъ,

* Такъ называется въ Индіи порода собакъ, почти одичалыхъ, съ короткой шерстью, съ кожей, покрытой болячками, съ ушами, очень длинными и очень прямыми, питающихся всякою нечистотою, и безъ хозяина считающихся око[illegible] жилищ[illegible].

рыскающихъ по полю; слышалось кваканье лягушекъ въ рѣкахъ и жужжанье насѣкомыхъ въ воздухѣ—вся природа пѣла громкимъ хоромъ; но въ этой симфоніи нестройныхъ звуковъ не находилъ я ничего печальнаго; вокругъ меня и въ груди моей было такъ много жизни, что я не могъ предаваться грустнымъ мыслямъ; въ душѣ моей и надо мною все блестѣло: звѣзды разливали потоки свѣта; блестящія мошки искрами разсыпались въ тихой и усладительной атмосферѣ. Вдругъ послышался окликъ караульнаго, потомъ ржаніе лошади и колокольчики на волахъ; небольшіе огни, подобно блуждающимъ, переходили съ одного мѣста на другое подъ групою тамаринтовъ, тогда какъ большой огонь ярко пылалъ на открытомъ воздухѣ у входа въ палатку: то были мои люди. Здѣсь, по англійскому обычаю, приготовленъ былъ для меня чай, и я съ какимъ-то трепетомъ удовольствія расположился въ своемъ кочевомъ жилищѣ. Напрасно ложился

я на походную постель свою; я былъ такъ счастливъ, что не могъ спать; мнѣ слишкомъ нетерпѣливо хотѣлось начать ту новую жизнь, за порогъ которой я только-что переступилъ.

Въ три часа утра ласкаръ снялъ внѣшнія стѣны моей палатки. Въ то время, какъ я умывался и готовился въ путь—все было собрано, свернуто и уложено скорѣе, чѣмъ въ полчаса времени. Талари или проводникъ, котораго сипаи мои взяли наканунѣ въ Шумшабадѣ, стоялъ у головы моей лошади съ зажженнымъ факеломъ. Прежде я далъ время тронуться съ мѣста всему моему обозу; потомъ сѣлъ на лошадь, и послѣдній пустился въ путь. Мы ѣхали шагомъ; пестрая толпа моя была очень живописна. Стража, отправившаяся третьяго дня съ моими пожитками въ полномъ своемъ нарядѣ—аломъ мундирѣ и синихъ панталонахъ, на дорогѣ сняла сію послѣднюю одежду, и замѣнила ее туземнымъ поясомъ вокругъ поясницы и ляжекъ. Всѣ люди мои несли панталоны

свои на плечахъ въ видѣ украшенія, а у нѣкоторыхъ были въ рукахъ и башмаки ихъ.

Шумшабадъ есть прекрасное мѣстечко съ двумя тысячами жителей, обведенное зубчатою стѣною въ мавританскомъ вкусѣ, красиво выказывающеюся между групами прелестныхъ деревъ; въ особенности замѣтилъ я бабули, прекрасныя мимозы и нѣсколько уродливыхъ фиговыхъ деревъ. Направляясь къ юго-западу, я намѣревался завтракать въ Пальмакулѣ, бѣдной деревушкѣ, въ разстояніи пяти льё, и ночевать въ Фаракнаггурѣ, деревнѣ, построенной въ такомъ же стилѣ, какъ Шумшабадъ, въ четырехъ съ половиною льё далѣе. Во всю дорогу надоѣдали мнѣ безпрестанные споры между хетматтаромъ и его помощникомъ (*мѣти*) объ ихъ кастахъ. Первый, принадлежавшій къ кастѣ, по его мнѣнію, одной изъ самыхъ утонченныхъ, чрезвычайно оскорбился тѣмъ, что помощникъ его, изъ касты парій, позволилъ себѣ дотронуться до бутылокъ, гдѣ былъ запасъ

его пряностей и другихъ поваренныхъ принадлежностей на дорогу. Онъ утверждалъ, что бутылки эти заражены отъ подобнаго прикосновенія. Мѐти отпирался отъ презрѣнной и нечистой касты, и доказывалъ, что онъ принадлежитъ къ какому-то другому, одною степенью высшему разряду. По мнѣнію сипаевъ, и тотъ и другой были несправедливы и почти одинаково презираемы. Впрочемъ, многочисленность индійскихъ кастъ представляетъ совершенный хаосъ, такъ, что невозможно распознать ихъ. Для нихъ нѣтъ общепринятой классификаціи, которая состояла бы изъ одинакихъ названій во всякой провинціи; въ этомъ отношеніи невсегда есть даже синонимика и въ сосѣдственныхъ провинціяхъ. Я прекратилъ этотъ споръ угрозою — въ случаѣ возобновленія его — прогнать того и другаго, что̀ весьма затруднило бы меня, еслибъ я принужденъ былъ сдѣлать это; но такой чрезвычайности никогда почти не случается съ туземцами;

они скорѣе согласятся вытерпѣть тѣлесное наказаніе, чѣмъ получить отказъ, подвергающій ихъ голодной смерти: *накажите мою спину, только не наказывайте моего желудка*—былъ отвѣтъ и въ то-же время неотступная просьба одного лакея, которому рѣшился я отказать; несчастный являлся ко мнѣ съ этою просьбою нѣсколько дней, всякой разъ, когда могъ пробраться въ мою комнату; кланялся въ ноги и обнималъ мои колѣна. Это не значитъ, чтобъ я давалъ большое жалованье моимъ людямъ; они получали столько, сколько нужно, чтобъ быть сытымъ; но положеніе человѣка, существующаго своими трудами въ Индіи, сопряжено съ такою ужасною бѣдностью, что возможность имѣть пріютъ въ моей военной квартирѣ, или въ моей палаткѣ во время похода, носить единственную одежду для прикрытія тѣла и спать съ сытымъ желудкомъ послѣ дневной работы—считается счастьемъ, сравнительно съ состояніемъ многихъ.

Сентября 4-го. Утромъ остановился я въ Баланаггаръ (четыре лье), а вечеромъ въ Джудчерлъ (четыре съ половиною лье). Эти двѣ деревни называются крѣпостями, и дѣйствительно обведены сплошною оградою, но тонкою и непрочною. Внутри нѣтъ ни гарнизона, ни казармъ, ни магазиновъ, ни домовъ; едва есть нѣсколько землебитныхъ хижинъ, крытыхъ соломою. Страна отъ самаго Гайдерабада однообразна и пустынна. Воздѣланныя поля и деревни попадаются очень рѣдко. Мѣстоположеніе вообще состоитъ изъ небольшихъ, совершенно одинакихъ холмовъ, покрытыхъ обширными пространствами жалкаго кустарника и рѣдко перерѣзываемыхъ изумрудною зеленью рисовыхъ полей близъ деревень, но чаще запустѣлыми рисовыми полями, которыя можно распознать только по небольшимъ, поросшимъ травою дорожкамъ, проложеннымъ между ними. Изрѣдка встрѣчаются одинокія деревья; множество маленькихъ прудовъ, какъ зеркала, свѣтятся въ раз-

ныхъ мѣстахъ: все это вмѣстѣ составляетъ пестроту, неслишкомъ пріятную. «Земля, по«видимому, была нѣкогда повсюду здѣсь «воздѣлана, но когда именно—неизвѣстно; «необработанныя земли состоятъ изъ полей «истощенныхъ, или совсѣмъ оставленныхъ. «Природа имѣетъ видъ обветшалости, не «являющей никакого отпечатка величія, и «простонародной бѣдности, опечаливающей «душу*.» Я ощущалъ то-же самое впечатлѣніе почти во всѣхъ странахъ Индіи, какъ въ низамскихъ, такъ и въ компанейскихъ владѣніяхъ.

На пути въ Джудчерлу я видѣлъ, по правую сторону, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дороги, довольно многочисленные шатры, принадлежавшіе нувабу Шумсъ-уль-Умраху, двоюродному брату низама, тому самому, который нѣкогда надѣялся быть первымъ министромъ. Онъ явился въ этихъ мѣстахъ на охоту за тиграми, сопутствуемый де-

* Жакмонъ.

сятью слонами, сотнею лошадей и множествомъ вьючныхъ верблюдовъ и воловъ. Сначала я принялъ лагерь его за деревню; вокругъ находился базаръ съ сотнею лавокъ, весьма бѣдныхъ. Красивые шатры нуваба, весьма ветхіе и бѣдно меблированные, по крайней мѣрѣ, издали представляли чудесный видъ. Я проѣхалъ мимо и расположился уже на ночлегъ въ древней, разрушающейся мечети, надѣясь, что въ этотъ разъ она не развалится еще надъ моей головой, какъ вдругъ является посланный отъ нуваба съ весьма вѣжливымъ приглашеніемъ провести вечеръ у его господина и не отказаться отъ ужина, для меня приготовленнаго. Я уже зналъ Шумсъ-уль-Умраха, и, во время пребыванія моего въ Гайдерабадѣ, былъ на многихъ праздникахъ, которые давалъ онъ европейскому обществу, какъ въ городѣ, такъ и въ загородномъ домѣ своемъ. Съ удовольствіемъ принялъ я это приглашеніе, надѣясь пріятно провести время вдвоемъ съ человѣкомъ замѣчатель-

ной учености для Индійца, особливо по части математики, химіи, астрономіи и нѣсколько астрологіи. Онъ едва-ли не единственный богатый феодальный помѣщикъ при Гайдерабадскомъ дворѣ; онъ уже старъ и долженъ быть однихъ лѣтъ съ Шандуламомъ. У Шумсъ-уль-Умраха милліонъ ежегоднаго дохода: ему позволено держать армію изъ тысячи человѣкъ — инфантеріи, кавалеріи и артиллеріи. У него свои военныя квартиры близъ загороднаго дома, расположенныя по одному образцу съ компанейскими; каждое утро и вечеръ тамъ раздаются выстрѣлы заревой пушки, и онъ не жалѣетъ пороху для упражненія своей артиллеріи. Генералиссимусомъ у него метисъ (гельфкестъ), образователь и нѣкоторымъ образомъ подрядчикъ этой маленькой арміи, довольно исправной, впрочемъ, получающей все свое жалованье изъ кассы нуваба.

Послѣдняго нашелъ я у дверей его палатки, куда онъ вышелъ меня встрѣтить,

очень просто одѣтымъ, въ рейдинкотъ изъ легкой бѣлой шерстяной матеріи и въ бѣлой кисейной чалмѣ. Онъ велѣлъ подать стулья, на которые сѣли мы по-европейски, и тотчасъ же вывелъ меня изъ обыкновеннаго, при такихъ посѣщеніяхъ, недоумѣнія, живо начавши очень пріятный разговоръ. Я говорилъ съ нимъ на *апъ* — въ третьемъ лицѣ, какъ у Италіянцевъ, не называя по титлу, и онъ отвѣчалъ мнѣ точно такъ-же. Между прочими предметами, относящимися до гайдерабадской исторіи, онъ завелъ рѣчь о сэръ Генри Россель и его правленіи, и отзывался объ немъ съ отличною похвалою, въ искренности которой нельзя было сомнѣваться. Послѣ Бюсси и Раймона, Г. Россель едва ли не единственный Европеецъ, о которомъ высшіе туземные классы народа вспоминаютъ съ особеннымъ уваженіемъ; и неудивительно: онъ умѣлъ примѣняться къ ихъ нравамъ и входить въ кругъ ихъ понятій. Гайдерабадъ рѣшительно единственный городъ въ

Индіи, въ которомъ Европейцы могли бы, до извѣстной степени, сближаться съ Индійцами. Многіе изъ тамошнихъ природныхъ жителей обладаютъ тѣмъ, что̀ такъ высоко цѣнятъ Англичане — знатностью происхожденія, богатствомъ и даже нѣкоторыми познаніями. Однако-же общественныя сношенія этого города съ мѣстами военныхъ европейскихъ квартиръ совершенно ничтожны. Въ продолженіе сорока пяти лѣтъ они ни на шагъ не сблизились. «Не должно и удивляться этому: Англичане никогда не сходятся другъ съ другомъ «безъ обѣда; у нихъ такъ мало разговора, «что они скоро не знали бы, что̀ имъ дѣлать «въ обществѣ, еслибъ обѣдъ не выводилъ «ихъ изъ недоумѣнія. Чрезвычайная скрытность ихъ усиливается въ присутствіи «гостей, и вообще они не находятъ сказать «имъ ни одного слова. Здѣсь-же предметы «разговора были бы до крайности ограничены, по причинѣ—надобно признаться—«удивительнаго невѣжества туземцевъ, даже

»самыхъ образованныхъ; а замѣнить не-»достатокъ разговора виномъ и кушаньемъ »нѣтъ никакой возможности*,« потому что, исключая только магометанъ, Индійцы не могутъ выпить стакана воды у Европейца.

Сентября 5-го, въ Паольмуръ (четыре льё). —Ландшафтъ нѣсколько украшается, природа становится диче и растительность сильнѣе; кустарники уступаютъ мѣсто прекраснымъ деревьямъ; но за то дорога невыносима: это тропинка, на которой скалы заставляютъ васъ жалѣть о пескахъ и грязи, недавно проѣханныхъ вами. Я отправилъ свою палатку впередъ, на слѣдующую станцію, гдѣ намѣренъ ночевать, желая избавить людей своихъ отъ труда развьючивать и навьючивать воловъ два раза въ день. Въ Паольмурѣ—деревнѣ, гдѣ около трехъ сотъ хижинъ, надѣялся я найдти караван-сарай; но эта первая попытка имѣть довольно покойный пріютъ для моего обоза была

* Жакмонъ.

неудачна. Я не нашелъ здѣсь другаго убѣжища, кромѣ простаго сарая, котораго кровля была вся въ червоточинахъ, а стѣны покрыты пылью и гадами. Въ дополненіе неудачи, здѣсь расположился уже одинъ *жоги*, религіозный фанатикъ изъ касты индійскихъ нищихъ. Этотъ несчастный, какъ и всѣ собратья его—полусумасшедшій, былъ совершенно нагой; все тѣло его намазано толстымъ слоемъ коровьяго помета, смѣшаннаго съ золою; волоса длинные, всклоконеные и наполненные нечистотою; борода—жесткая, густая и взъерошенная отъ многолѣтней небрежности, покрывала всю грудь. Онъ посмотрѣлъ на меня взорами дикаго звѣря и закричалъ съ яростью бѣснующагося. Безъ дальнихъ околичностей я велѣлъ вытолкать его вонъ.

«Эти несчастные фанатики нерѣдко живутъ въ самыхъ отдаленныхъ степяхъ, среди кустарника, или поселяются въ развалинахъ, питаясь растеніями, плодами и случайнымъ подаяніемъ путешественниковъ. Они

ходятъ совершенно нагіе, намазываютъ тѣло коровьимъ пометомъ съ золою, и не стригутъ никогда ни волосъ, ни ногтей, ни бороды. Эти отвратительныя чудовища—заслуживающія это названіе въ физическомъ и моральномъ отношеніи, иногда дѣлаютъ себѣ самыя жестокія истязанія. Мученія ихъ такъ невыносимы, такъ иногда ужасны, что казались бы превышающими силы человѣческія, еслибъ ежедневный опытъ не доказывалъ того терпѣнія, съ которымъ они выносятъ ихъ*.» Нѣкоторые обрекаютъ себя держать члены свои въ какомъ нибудь особенномъ положеніи до тѣхъ поръ, пока онѣмѣютъ: напримѣръ, даютъ обѣтъ держать извѣстное время руку въ отвѣсномъ положеніи надъ головою; по прошествіи назначеннаго времени, мускулы окостенѣютъ, рука отнимется, но все еще будетъ сохранять свое положеніе. Другіе сжимаютъ кисть руки въ кулакъ, и держатъ ее въ такомъ видѣ до тѣхъ поръ,

* *Oriental Annual*, traduction d'Auguste Urbain.

пока ногти глубоко
 вростутъ въ тѣло. « Иные спятъ по ночамъ на постеляхъ, пробитыхъ желѣзными шпилями, притупленными такъ, чтобъ не входили только въ тѣло. Наконецъ есть покаянники, которые выкапываютъ въ землѣ яму точь въ точь по толщинѣ своего тѣла, опускаются въ нее живые, и зарываютъ себя, оставляя сверху небольшое отверстіе, въ которое проходящіе подаютъ имъ пищу.» Въ такомъ случаѣ, разумѣется, всегда находятся сострадательные люди, поддерживающіе ихъ существованіе, и эти преждевременные мертвецы по нѣскольку лѣтъ проводятъ въ своихъ тѣсныхъ могилахъ.

« Чернь ходитъ вокругъ нихъ, и съ удив-
« леніемъ слушаетъ монотонные порывы ихъ
« фанатическихъ глупостей. Обманщики, или
« помѣшанные, они живутъ подаяніемъ, но,
« по-видимому, не внушаютъ народу другаго
« чувства, кромѣ жалости и суевѣрнаго ува-
« женія, какое нерѣдко имѣютъ низшіе классы
« народа въ Европѣ къ полоумнымъ, на при-

»мѣръ, къ альпійскимъ кретинамъ*.« Чѣмъ сильнѣе эта глупость, тѣмъ болѣе внушаетъ она уваженія: такое святошество, происходящее отъ недостатка ума, есть весьма замѣчательная странность, свойственная всѣмъ невѣжественнымъ народамъ; въ Индіи она доходитъ до высшей степени. Мнѣ случалось видѣть бѣдныхъ глупцовъ, даже старухъ, выжившихъ изъ ума, которые привлекали своими нелѣпостями толпы народа, изъявлявшія имъ рабское почтеніе, какъ существамъ выше человѣческой природы. Это настоящее поклоненіе Пиѳіи.

Вечеромъ нашелъ я палатку свою въ Дѐуаркудрѣ, (четыре льё и три четверти). Нѣсколько далѣе за Паòльмуромъ дорога выходитъ на довольно длинное шоссе, отъ пятнадцати до двадцати метровъ вышиною, которое, будучи проложено поперегъ долины, образуетъ весьма живописное искуственное озеро: деревья ростутъ со всѣхъ сторонъ по крутизнѣ до самой воды; это одинъ изъ ланд-

* Жакмонъ.

шафтовъ нашихъ Вогезскихъ горъ. Я пріѣхалъ за нѣсколько минутъ до дождя, пустивъ лошадь въ галопъ. Люди мои весьма безпокойно провели ночь, чему много содѣйствовали и предразсудки ихъ. Сваривши рисъ, каждый отдѣльно, они и ѣдятъ его потихоньку другъ отъ друга. Въ самую ужасную грозу, скорѣе промѣняютъ они покойное убѣжище на какую нибудь рытвину, нежели согласятся ѣсть при другихъ. »Одно изъ условій, отличающихъ человѣка »отъ звѣрей, состоитъ въ томъ, что онъ »находитъ удовольствіе ѣсть въ обществѣ. »Въ Индіи, по причинѣ кастъ, удовольствіе »это вовсе не существуетъ. Здѣсь человѣкъ »ѣстъ, какъ звѣрь, въ уединеніи и безмолвіи, »и низшіе классы, т. е. самая большая часть »народа, питаются, подобно животнымъ, »тѣми же самыми зернами*.« Грубыя лепешки изъ муки хлѣбныхъ зеренъ или майса, испеченныя на маслѣ, болѣе или менѣе отвратительнаго вкуса, чечевица, высушен-

* Жакмонъ.

ная на огнѣ и слегка поджаренная, для того чтобъ удобнѣе разжевывалась—вотъ самая обыкновенная ихъ пища. Развѣ только по большимъ праздникамъ, или когда господинъ вздумаетъ угостить ихъ, ѣдятъ они, какъ лакомство, рисъ, сильно приправленный корицею, пиментомъ (индійскимъ перцемъ), шафраномъ и кардамономъ.

Дождь не переставалъ до утра; къ счастію, неподалеку отъ насъ было много валежнику. Люди мои развели большой огонь, къ которому попеременно приходили грѣться, когда ночной холодъ будилъ ихъ. Жакмонъ справедливо замѣчаетъ, что Индійцы, повидимому, созданы изъ соли и сахара: они, можно сказать, таютъ подъ дождемъ, который отнимаетъ у нихъ всѣ силы, и если случается имъ пробыть подъ дождемъ нѣсколько дней сряду, то они не выносятъ его, что́, безъ сомнѣнія, происходитъ отъ пищи, весьма непитательной, и отъ недостатка одежды.

Сентября 6-го, въ Марколѣ (три съ поло-

виною льё).—Большаго труда стоило мнѣ заставить людей моихъ отправиться въ путь; они окостенѣли отъ холода. Съ такимъ-же трудомъ поднимаются они съ холодной и жесткой земли, на которой спятъ, окутанные въ толстую кисею, служащую имъ и одеждою и одѣяломъ, съ какимъ встаемъ мы съ нашей теплой и мягкой постели. На дорогѣ, передъ восхожденіемъ солнца, слышалъ я, какъ дрожали они и жаловались на холодъ; между тѣмъ не хотѣли ускорить шаговъ своихъ на нѣсколько минутъ, и тѣмъ согрѣться. Такъ какъ я поставилъ себѣ за правило трогаться съ мѣста послѣ уже обоза, въ намѣреніи наблюдать, чтобъ не забыли чего нибудь на станціи и чтобъ не было отсталыхъ, то и пріѣхалъ въ Марколь около одиннадцати часовъ утра. Это большая деревня, представляющая путешественнику больше удобствъ, нежели другія въ здѣшней сторонѣ. Нѣсколько прелестныхъ группъ манго, расположенныхъ крестообразно по пяти деревъ,

которыя встрѣчалъ я на пути вдалекѣ отъ всякаго жилища, свидѣтельствуютъ, до какой степени страна эта опустѣла въ теченіе послѣднихъ ста, или двухъ сотъ лѣтъ. Странно, что дерево это ни въ какой части Индіи, по-видимому, не принадлежитъ къ числу туземныхъ; остатки его повсюду показываютъ присутствіе человѣка. Всякій разъ, когда встрѣчаете это растеніе въ какомъ нибудь уединенномъ мѣстѣ—смѣло можете принимать его за надгробный памятникъ семейства людей, которое тамъ нѣкогда обитало.

Сентября 7-го, въ Макталѣ.—До этой станціи проѣхали мы шесть льё по самымъ однообразнымъ мѣстоположеніямъ. Новые виды безпрестанно открываются на горизонтѣ, но они постоянно одинаковы. Лѣса и самые кустарники, по большой части, исчезли: одинокія скалы смѣняются равнинами, покрытыми густою зеленью колючей травы (speargrass), отъ которой страдали ноги моихъ людей, а лошадь и волы хромали.

Макталь большой городъ, гдѣ производится значительная торговля камчатными и обыкновенными толстыми полотнами. Зловѣщее названіе его (городъ убійствъ) дано ему по причинѣ многихъ злодѣйствъ, которыя совершались въ его окрестностяхъ. Недавно еще былъ онъ главнымъ мѣстопребываніемъ общества убійцъ-франкмасоновъ, извѣстныхъ подъ именемъ Тоговъ (Thugs или Phanségars — давильщиковъ). Тутъ расположена квартирами часть низамской арміи.

Гарнизонъ состоитъ изъ батальона туземныхъ солдатъ подъ начальствомъ четырехъ офицеровъ —Европейцевъ: капитана, командующаго имъ, штабсъ-капитана и двухъ офицеровъ, изъ которыхъ одинъ адъютантъ, а другой квартирмейстеръ; сверхъ того есть еще лекарь. Три дня провелъ я очень пріятно въ этомъ маленькомъ обществѣ, для котораго пріѣздъ мой былъ истиннымъ праздникомъ. Господа эти получаютъ большое жалованье, и чрезъ нѣ-

сколько лѣтъ могли бы составить себѣ состояніе изъ остатковъ отъ расхода; но скука и тоска по родинѣ съѣдаютъ ихъ, дѣлаютъ жизнь несносною и заставляютъ предаваться вину и чувственнымъ наслажденіямъ. Представьте себѣ общество, ограничивающееся пятью молодыми людьми, изъ которыхъ старшій по чину получаетъ 30,000 франковъ, второй 20,000, а прочіе по 15,000 фр. годоваго жалованья, при невозможности прожить весь этотъ доходъ, потому что, на пространствѣ сорока льё вокругъ, у нихъ рѣшительно нѣтъ никакого знакомства. Чтó будутъ они дѣлать? читать—но наконецъ, отъ безпрестаннаго чтенія, и самыя книги сдѣлаются несносными. Если одинъ изъ нихъ женатъ, то союзъ этотъ не только не придаетъ пріятности обществу, но еще болѣе стѣсняетъ его, поселяя какое-то страшилище въ его бóнгало. Холодность и чопорность англійскихъ нравовъ держатъ супружескую чету въ какомъ-то безпрестанномъ карантинѣ,

изъ котораго сама она не смѣетъ выйдти. Да и о чемъ будете вы говорить съ англо-индійской дамой, если не можете вести разговора о тряпкахъ и модахъ, или разсказывать соблазнительныхъ анекдотовъ? потому что она ни за что на свѣтѣ не захочетъ сбросить съ себя видъ безсмыслія, и съ фанатическимъ упорствомъ будетъ играть роль, предписанную ей модой—роль мебели для спальни, или уже никакъ небольше няньки за дѣтьми. Что-жъ прикажете дѣлать тогда нашимъ четыремъ пустынникамъ? Они скоро откажутся отъ труда забавлять эту куклу; будутъ проводить день въ куреніи гукаха, раскинувшись на софѣ— прекрасное средство для усыпленія себя въ жаркомъ климатѣ, и дремать надъ журналами и романами; другіе рѣшатся пить водку и шипучую воду. Вечеромъ поѣдутъ они верхомъ безъ всякой цѣли, возвратятся домой къ позднему обѣду, и потомъ лягутъ спать послѣ болѣе или менѣе продолжительной бесѣды съ гукахомъ и грокомъ. Вотъ самый

обыкновенный образъ ихъ существованія. Но они живутъ въ кругу безнравственныхъ людей, гдѣ всѣ пороки являются во всей наготѣ своей, гдѣ всѣ колѣна преклоняются передъ золотымъ тельцомъ. Мать Индіянка продастъ имъ дочь свою, и будетъ еще гордиться этимъ; палящее солнце приводитъ страсти въ броженіе: скоро уступаютъ они приманкѣ удовольствія; окружаютъ себя маленькимъ сералемъ, и съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе погружаются въ сладострастіе. Вокругъ нихъ ростетъ небольшое семейство мулатовъ, къ которому они невольно привязываются, и тогда возвращеніе къ лучшей жизни дѣлается невозможнымъ; исчезаетъ всякая надежда вступить въ законное супружество — снова увидѣть отечество и кровъ родительскій. Тоска одолѣваетъ ихъ; напрасно усиливаются они потопить ее въ винѣ, или опіумѣ; она всплываетъ, убиваетъ наконецъ, и благородное сердце перестаетъ биться, не выполнивъ призванія, предназначеннаго ему

Создателемъ. Не должно думать, что это описаніе относится только къ временному мактальскому гарнизону, или къ низамскимъ офицерамъ; это исторія бо́льшей части компанейскихъ офицеровъ во всѣхъ внутреннихъ военныхъ квартирахъ — повсюду, гдѣ представляются одни и тѣ-же обстоятельства уединенной жизни.

Сентября 11-го.—Навьючивъ обозъ свѣжими припасами и давъ отдохнуть моимъ людямъ и животнымъ, я пустился въ путь съ тѣмъ, чтобъ нигдѣ не останавливаться до Беллери. Въ три часа утра, не безъ сожалѣнія, разстался я съ моими добрыми, щедрыми и гостепріимными хозяевами. Надо было проѣхать все мактальское предмѣстье, непредставляющее ничего примѣчательнаго: это безпрерывный рядъ землебитныхъ хижинъ непріятнаго вида, обведенный землебитною стѣною. На четверть льё далѣе пріѣхалъ я къ рѣкѣ Кирагулли, чрезъ которую надлежало переправляться на лошади, потому что у береговъ не было перевоза. Не

находя брода, я пустился на удачу, и утонулъ бы, еслибъ лошадь вплавь не вынесла меня на другой берегъ; обозъ мой благополучно переправился вбродъ. Чрезъ четыре льё далье встрѣтилъ я старую свою знакомку— Кришну, которая, въ это время года, текла съ чрезвычайною быстротою въ полныхъ берегахъ, представляя поверхность воды около пяти сотъ метровъ шириною. Мы переправились чрезъ нее въ круглыхъ баркахъ описаннымъ уже мною способомъ, и остановились на правомъ берегу, въ Кирахѣ, деревенькѣ изъ пяти или шести хижинъ, въ странѣ необитаемой и совершенно безлѣсной. Здѣсь недостаетъ только жителей землѣ, въ высокой степени плодородной: это черноземъ, тучный и легкій, въ родѣ того, что̀ называется *cotton ground*, легко размываемый дождемъ, а въ засуху распадающійся широкими и глубокими трещинами, весьма опасными для скота, когда онъ на ходу.

Европейскій отрядъ 46-го линейнаго полка

королевско-англійской арміи переправлялся черезъ рѣку въ одно время съ нами, только въ противоположномъ направленіи. Онъ состоялъ изъ рекрутъ, слѣдовавшихъ къ полку своему, составлявшему тогда гарнизонъ въ Секундерабадъ. Этотъ случай, въ первый еще разъ, показалъ мнѣ всѣ трудности переправы черезъ рѣку англо-индійской арміи, по причинѣ множества повозокъ и вьючныхъ животныхъ, сопутствующихъ ей. Всего больше затрудняли верблюды: они чрезвычайно боятся воды; невозможно было заставить ихъ добровольно взойдти на барку; всѣмъ имъ надлежало привязать ноги подъ брюхо, и при помощи человѣкъ двѣнадцати сильныхъ гренадеръ, тащить ихъ туда, какъ поросятъ въ плетенкахъ. Слоны, напротивъ, не требуютъ никакого особеннаго способа переправы, и хотя они плаваютъ очень хорошо, однако неохотно. Съ величайшимъ хладнокровіемъ вступаютъ они въ рѣку и идутъ по дну, тогда какъ корнакъ плыветъ надъ ними и ведетъ ихъ за

веревку, привязанную къ хоботу; не оставляя дна, они держатъ надъ водою только хоботъ и дышатъ двумя маленькими ноздрями, находящимися на концѣ его. Тамъ, гдѣ глубина больше пятнадцати или двадцати футовъ и гдѣ вода покрываетъ уже эти маленькія отверстія на хоботѣ, животное тотчасъ пускается вплавь; но не поднимается на поверхность, предпочитая оставаться совершенно погруженнымъ въ водѣ и размахивая только своимъ хоботомъ въ воздухѣ.

Какъ въ этой бѣдной деревушкѣ была одна только лавка съ хлѣбными зернами въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моей палатки, то я съ любопытствомъ прислушался къ закупкамъ зеренъ моими людьми, и разсчиталъ ежедневный расходъ ихъ на пищу. Завтракъ состоитъ обыкновенно изъ полуфунта или фунта риса *, слегка поджареннаго и крупно истолченнаго, смѣшаннаго съ горохомъ, высушеннымъ на

* Французскій фунтъ содержитъ 1 ф. 21 зол. русскаго вѣса. *Изд.*

огнь, но придварительно размоченнымъ такъ, чтобъ растрескалась только кожица. Они ѣдятъ эту сухую смѣсь во время пути. Все вмѣстѣ стóитъ четыре сентима за пол-фунта; иногда прибавлютъ они сахару, который продается по двѣ *аны* за *серъ* (или килограмъ), т. е. по шестнадцати сентимовъ за фунтъ.

Обѣдъ обыкновенно стóитъ шестнадцать сентимовъ: онъ состоитъ изъ полутора или двухъ фунтовъ риса, варенаго въ водѣ съ какою нибудь зеленью, или съ пиментомъ, набранными или украденными на дорогѣ, съ небольшимъ количествомъ соли и отвратительнаго масла, купленныхъ въ деревнѣ. Тѣ, которые побогаче, прибавляютъ шафрану и тамаринту, и кушанье это было бы очень вкусно, еслибъ клали поменьше перцу; но его положено столько, что вамъ цѣлый день жжетъ и ротъ и горло. Тогда издержка можетъ простираться до двадцати сентимовъ.

По-этому, на пищу каждому человѣку

необходимо въ мѣсяцъ двѣ съ половиною рупіи * 6 франковъ 25 сентимовъ). Мясо считается такою рѣдкостью, что его ѣдятъ только по большимъ праздникамъ, или когда господину вздумается угостить имъ людей своихъ. Это самое любимое кушанье, такъ, что послѣ работы, болѣе утомительной противъ обыкновеннаго, или когда пройдетъ довольно много времени послѣ того, какъ ихъ кормили мясомъ, всѣ люди ваши являются передъ вашей палаткой съ просьбою дать имъ *бюкра* (козу, или барана), употребляя это слово въ смыслѣ подарка. Цѣна повсюду почти одинакова— 1 рупія за барана, котораго убиваютъ они по совершеніи извѣстныхъ обрядовъ, и дѣлятъ между собою, для того чтобъ каждый могъ готовить для себя мясо по-своему.

Въ дополненіе этого разсчета, упомяну здѣсь о цѣнѣ, по которой обходится въ Индіи, каждому наемному слугѣ, содержаніе себя въ годъ одеждою:

* *Рупія* равняется 2 франкамъ и 50 сентимамъ и дѣлится на 16 *анъ*. *Соч.*

Чалма, среднею цѣною. .	2 р. 00 а, 5 ф. 00 с.
Куртка бумажная на подкладкѣ, или на ватѣ. . .	2 р. 00 а, 5 ф. 00 с.
Пейжама (турецкія шальвары), также бумажныя, но другаго цвѣта, нежели куртка, сверху широкія, а снизу узкія, некрасиваго покроя.	1 р. 10 а, 4 ф. 10 с.
Кусокъ толстой кисеи, служащій поясомъ и перекинутый чрезъ лѣвое плечо.	1 р. 12 а, 4 ф. 40 с.
Пара туфлей.	12 а, 1 ф. 90 с.
Комли, родъ плаща изъ толстой шерстяной ткани.	1 р. 6 а, 3 ф. 44 с.
И того въ годъ.	9 р. 8 а., 23 ф. 84 с.

или, круглымъ числомъ, по 2 франка въ мѣсяцъ, что̀, вмѣстѣ съ издержками на пищу, составитъ 8 франковъ 25 сентимовъ въ

мѣсяцъ для удовлетворенія самыхъ необходимыхъ нуждъ слуги или работника въ Индіи; однако-же плата рабочимъ людямъ, нанимаемымъ отъ правительства для разработки соляныхъ копей и для устройства дорогъ, или земледѣльцами для обработыванія полей, рѣдко бываетъ выше 7 франковъ 50 сентимовъ въ мѣсяцъ; женщины-же получаютъ только 3 франка 75 сентимовъ.

Принимая въ соображеніе, что хлѣбныя зерна и рисъ въ Соединенныхъ Штатахъ дешевле, нежели въ Индіи, и что поденщикъ въ Америкѣ заработываетъ отъ 3 до 4 франковъ въ день, можно уже составить себѣ сравнительное понятіе о существованіи несчастнаго жителя Индіи. «Хотя здѣшній климатъ, въ разныя времена года, подверженъ такимъ-же измѣненіямъ, какъ и на разстояніи вдвое дальше отъ экватора, однако бѣдность бо́льшей части жителей и однообразіе жалкаго существованія ихъ таковы, что они одни только

»ни въ чемъ не измѣняются, тогда какъ »все вокругъ нихъ перемѣняетъ видъ: все »та-же пища, все та-же одежда; хижины »не защищаютъ ихъ ни отъ сильныхъ ве- »сеннихъ жаровъ, ни отъ лѣтнихъ дождей, »ни отъ зимняго холода. Отъ одного вре- »мени года до другаго они помышляютъ »не о томъ, какъ перейдти отъ удоволь- »ствія къ удовольствію, но отъ страданія къ страданію *.»

Скажутъ, можетъ быть, что индійскій работникъ отчасти самъ причиною своихъ бѣдствій. Правда, онъ работаетъ немного, вяло и безъ вниманія; онъ не заботится о будущемъ и рѣдко пользуется возможностью отложить копѣйку на черный день; но корень зла не въ нихъ самихъ и даже не въ правительствѣ, налагающемъ подати, доводящія народъ до нищеты; онъ заключается въ системѣ управленія, которая, подобно медленно разрушающей болѣзни, терзаетъ государство. Систему эту

* Жакмонъ.

описали мы подъ именемъ *яраха* въ областяхъ низама; впослѣдствіи мы разсмотримъ ея дѣйствіе въ компанейскихъ владѣніяхъ, гдѣ она, въ большей части земель, извѣстна подъ названіемъ *земиндари*, и раззорлетъ народъ для обогащенія одного лица насчетъ двадцати тысячь жителей. По причинѣ этой самой системы, увеличивающей число бѣдняковъ, трудъ человѣка дѣлается самымъ дешевымъ предметомъ, потому что, при столь сильномъ соперничествѣ, подъ вліяніемъ угрожающаго голода, работникъ никогда не посмѣетъ потребовать платы, соразмѣрной съ его трудомъ и нуждами.

Самый счастливый классъ — слуги, нанимающіеся какъ у Индійцевъ, такъ и у Европейцевъ; у послѣднихъ они получаютъ больше жалованья. Кансаману или хетматгару (камердинеру) даю я 8 рупій (20 франковъ) въ мѣсяцъ, не считая пищи и одежды; на эти деньги онъ можетъ содержать жену и дѣтей, и даже брать ихъ съ собою въ мо-

емъ обозъ.—То-же самое можно сказать и о моемъ гореуаль (конюхъ) и ласкаръ, получающихъ по 7 рупій. Мети и гансуаль плачу только по 5 рупій.

У туземцевъ люди получаютъ гораздо меньше жалованья; но за то имъ меньше и работы. Главная обязанность ихъ — быть при господинѣ и отвѣчать *сагибъ* (сударь), когда тотъ кликнетъ *коэз-гоэ* (кто тамъ?). Люди составляютъ только свиту его, и сопутствуютъ ему, когда онъ выѣзжаетъ изъ дому. То-же самое число прислуги беретъ онъ съ собою и въ дорогу: имъ не надо ни выбирать поклажи изъ экипажа, ни разбивать палатки, ни стлать постели; они должны только разостлать коверъ въ какой нибудь комнаткѣ каравансарая, когда идетъ дождь, или подъ деревомъ въ хорошую погоду, и раскурить кальянъ. Во время пути каждый несетъ въ рукахъ свою саблю, или туфли и свой маленькій узелокъ съ поклажей, тогда какъ наши люди обязаны приносить и уносить множество вещей

собственно для насъ, и безпрестанно удовлетворять которой нибудь изъ нашихъ потребностей.

Сентября 12-го, въ Рачоръ (четыре льё).— Рачоръ — столица незначительнаго мусульманскаго нуваба, вассала низамова, котораго наслѣдственное владѣніе находится на полосѣ земли, лежащей между Кришною и Тумбудрою. Базаръ устроенъ внѣ города, укрѣпленнаго въ мавританскомъ вкусѣ. Городъ обведенъ рвомъ, изсѣченнымъ въ скалѣ; но укрѣпленія въ дурномъ положеніи, и надъ ними, на половину пушечнаго выстрѣла, возвышается весьма приступная гора, ничѣмъ незащищенная. Гарнизонъ состоитъ изъ трехъ тысячъ патановъ: такъ называютъ породу, произшедшую отъ отцовъ Аравитянъ и отъ матерей Индіянокъ, но которая предпочитаетъ свое аравійское происхожденіе индійскому. Они вооружены подобно отцамъ своимъ и такъ-же неукротимы, но уступаютъ имъ въ храбрости. Никогда не могъ я понять, почему прави-

тельство Компаніи такъ долго терпитъ существованіе этого гнѣзда шмелей. Надобно же когда нибудь уничтожить его; но впослѣдствіи обстоятельства могутъ быть затруднительнѣе, и тогда уже дѣло не обойдется безъ значительнаго кровопролитія. Почти всѣ грабежи, случающіеся на нѣсколько льё въ окружности, и всѣ возмущенія въ низамскихъ владѣніяхъ всегда больше или меньше имѣютъ связь съ этимъ вертепомъ разбойниковъ. Дерзость ихъ противъ путешественниковъ, исключая развѣ значительнаго чиновника, или коллектора (правителя области), дѣйствительно, невѣроятна при столь сильномъ правительствѣ, каково англійское. Въ этотъ первый проѣздъ мой Рачоромъ я не подвергался никакой непріятности, потому что накапунѣ еще съ избыткомъ запасся всякою провизіею, которою надѣлили меня въ Макталѣ; но чрезъ нѣсколько лѣтъ потомъ, во время втораго проѣзда моего, когда я ѣхалъ въ отпускъ, здѣсь меня чуть-было не убили.

Это случилось 24 января 1835 года; я пріѣхалъ сюда около полудня, утомленный и безъ всякаго запаса. Когда человѣкъ мой явился на базаръ, то *котвалъ*, родъ градскаго головы, не велѣлъ ничего продавать ему; намъ не дали даже воды изъ колодца. Разсерженный этимъ недоброжелательствомъ, я имѣлъ неблагоразумное желаніе отмстить; отпустилъ людей своихъ и пожитки впередъ, и когда они были уже на довольно далекомъ разстояніи, я отправился къ жилищу котвала, и нашелъ его сидящаго въ многочисленномъ кругу подчиненныхъ ему негодяевъ. Имѣя въ головѣ своей полный словарь оскорбительныхъ словъ индостанскихъ, я сказалъ рѣчь, не слишкомъ-то лестную для самолюбія рачорскихъ гражданъ; говорилъ имъ, что, нарушая законы гостепріимства—этой великой добродѣтели между жителями пустынь—они недостойны носить имя Аравитянъ; что они гнусные разбойники, и всѣмъ давно извѣстны, какъ беззаконное племя, присоединивъ къ тому и другія при-

вѣтствія, не очень вѣжливыя въ отношеніи къ прекрасному ихъ полу. Я зараньe зналъ электрическое дѣйствіе подобнаго оскорбленія: двадцать кинжаловъ выхвачены были изъ ноженъ; но лошадь моя уже скакала, и свистъ одной или двухъ пуль увеличилъ только быстроту ея.

Сентября 13-го, въ Іераггери (четыре съ половиною льё).—Страна становится болье и болье пустынною. Я видѣлъ только двѣ или три хижины на всемъ пространствѣ, которое теперь проѣхалъ, и очень мало обработанной земли; попадались гранитные холмы, состоящіе изъ огромныхъ камней, складенныхъ въ груду и поросшихъ колючимъ кустарникомъ, а еще чаще красноватымъ мохомъ. На дорогѣ встрѣтилась мнѣ довольно живописная кавалькада: музульманинъ, богато одѣтый, на персидской лошади породы *багадери*, которую кормятъ шариками изъ мяса, приправленнаго пряностями; лошадь эта была похожа на откормленнаго быка. Багадери—животвое, чрезвычай-

но массивное, съ толстыми членами и весьма бодрое; только ходъ его очень неспоръ; оно истощаетъ всѣ силы свои въ галопированіи, но медленно подвигается впередъ, хотя, какъ кажется, и пышетъ огонь изъ ноздрей его. Тучность и видъ свирѣпости этихъ лошадей — главныя достоинства въ глазахъ Индійцевъ. За мусульманиномъ слѣдовали двѣ женщины и маленькій мальчикъ — всѣ трое верхомъ на другой лошади, которую вели подъ уздцы; женщины были подъ вуалями. Человѣкъ двѣнадцать служителей шли за ними пѣшкомъ — всѣ съ саблями и щитами, нѣкоторые съ алебардами, другіе съ ружьями. Два лошака и маленькая лошадка *татту* * везли на себѣ всю поклажу этого семейства и его слугъ; потому что туземцы, даже самые богатые, никогда не берутъ съ собою много вещей въ дорогу: нѣсколько драгоцѣнныхъ украшеній, кашемировыхъ шалей и бѣлья для необходимой

* *Татту*, туземная лошадка, цѣною отъ 30 до 40 франковъ; ростомъ она съ осла, также мало ѣстъ, но послушнѣе его. *Соч.*

перемѣны—вотъ все, чѣмъ они запасаются въ такомъ случаѣ.

Сентября 14-го, въ Мадаверамъ (четыре льё). — Въ трехъ съ половиною льё отъ Іераггери встрѣчается песчаное русло Тумбудры или Тунгахудры, котораго ширина простирается до трехъ сотъ метровъ; но рѣка течетъ теперь, можно сказать, ручьемъ посреди русла, пересѣкаемаго, въ разныхъ мѣстахъ, естественными плотинами, состоящими изъ скалъ. Я переѣхалъ ее верхомъ на лошади по одной изъ этихъ плотинъ, гдѣ вода была не глубже двухъ или трехъ футовъ. И вотъ я наконецъ на компанейской землѣ; тотчасъ видишь слѣды распоряженій благоразумнаго правительства; здѣсь перемѣна эта разительнѣе, нежели гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, потому что мы вдругъ очутились среди новаго порядка, въ странѣ, управляемой компанейскимъ чиновникомъ, вмѣсто земиндара, слѣдовательно находились среди болѣе благопріятныхъ условій общежитія. Народонасе-

леніе многочисленнѣе; фермы ближе одна отъ другой; встрѣчаются болѣе обширныя пространства обработанной земли, и наконецъ есть кое-какая дорога, тогда какъ до сихъ поръ мы ѣхали только по тропинкѣ.

Сентября 15-го, въ Гиратумбаламъ (пять льё). — Полагаясь на росписаніе пути, помѣщенное въ мадрасскомъ календарѣ, я не взялъ проводника, котораго, впрочемъ, надобно было-бы насильно заставить за мною слѣдовать, потому что обязанность эта никогда не бываетъ добровольною, и я потерялся здѣсь во множествѣ тропинокъ. Выѣхавъ, съ наступленіемъ ночи, на равнину, по-видимому, пустынную, ограниченную со всѣхъ сторонъ пригорками, совершенно обнаженными и при томъ самаго однообразнаго вида, я не зналъ, куда направиться; въ такое-же затрудненіе пришли и люди мои— какъ вдругъ послышались жалобные и продолжительные звуки трубы одного жоги, похожіе издали на звуки нашей деревен-

ской волынки. «Индійцы, въ своихъ процессіяхъ и религіозныхъ обрядахъ, употребляютъ трубы двухъ сортовъ: однѣ выгнутыя, другія — прямыя, длиною въ два метра и обыкновенно съ разваломъ на концѣ, а иногда перехваченныя пустыми шарами въ разныхъ мѣстахъ. Инструментъ этотъ такъ тяжелъ, что требуетъ большой силы отъ виртуоза для удержанія его вровень съ своимъ ртомъ. Все искуство состоитъ въ томъ только, чтобъ вызвать звукъ и продолжать его сколько можно болѣе *;» но какъ трубачъ надуваетъ инструментъ съ ослабѣвающею силою, то звукъ измѣняется, повышаясь или понижаясь, потомъ исчезаетъ и снова раздается пронзительно. Мѣдные и деревянные барабаны, цимбалы и тамтамы акомпанируютъ этимъ ужаснымъ трубамъ, но ударяютъ, по крайней мѣрѣ, въ тактъ. Руководимые этою браминскою музыкой, мы прибыли въ порядочное селеніе, которое встарину было, вѣро-

* Жакмонъ.

ятно, значительнѣе, судя по прекрасному пагоду въ видѣ митры, принадлежащему къ цвѣтущимъ временамъ искуства: всѣ наружныя стороны его изсѣчены полосами, проведенными между рельефами, которые, въ нѣкоторыхъ подробностяхъ своихъ, представляютъ весьма неблагопристойныя изображенія. Здѣсь снова появляются поля, засѣянныя хлѣбомъ, льномъ и кользою; повернувшись спиною къ селенію, можно подумать, что находишься въ Европѣ.

Сентября 16-го, въ Адони. Гиратумбаламъ лежитъ у подошвы горъ, между которыми есть ущелье, ведущее къ слѣдующей станціи — Адони; но вьючные волы не могли пройдти тутъ, и я отправилъ съ ними людей моихъ въ обходъ, по новой дорогѣ, описывающей полукругъ около цѣпи горъ, и съ однимъ только конюхомъ своимъ пустился среди этихъ пропастей. Ничто не можетъ быть диче и суровѣе: это настоящіе гранитные водопады; я долженъ былъ сойдти съ лошади, не отваживаясь надѣять-

ся на нее. При спускѣ съ южнаго ската, попеременно представляются роскошные виды, и наконецъ открывается панорама небольшаго города Адони, разстилающагося у ногъ вашихъ, и съ этой высоты вы видите его въ самомъ красивомъ положеніи: домы бѣдняковъ, почти всѣ землебитные, стѣснены одинъ другимъ, и видны только черепичныя кровли ихъ, тогда какъ мечети и домы богатыхъ людей обозначаются на открытомъ пространствѣ и выказываютъ каменныя стѣны свои. Деревья, которыхъ только и недоставало этому ландшафту, являются во всей красотѣ своей, и изъ-подъ густой зелени ихъ возвышаются минареты съ позлащенными верхами: это *мукраббахъ* или мавзолей какого-то нуваба; онъ представлялъ собою столь освѣжительный и столь изящный пріютъ, что я предпочелъ его компанейскому бонгало, и остановился въ этомъ мѣстѣ.

Музульманскіе надгробные памятники вообще весьма просты по своему устройству,

но принадлежности ихъ слишкомъ обременены изысканными украшеніями. Эти арабески, фантастическая рѣзьба, минареты, покрытые финифтью, эта мраморная балюстрада, окружающая ихъ, изсѣченная въ просвѣтъ съ удивительною легкостью — удаляютъ то впечатлѣніе, которое должна была бы производить простота саркофага. Мертвымъ, по-видимому, такъ хорошо подъ этимъ памятникомъ; они окружены такимъ изяществомъ, что мысль объ нихъ не внушаетъ никакой грусти. Не только не жаль ихъ, но, право, иногда можно и позавидовать имъ. Въ такомъ случаѣ смерть не представляетъ ничего назидательнаго, и гробница эта безполезна. Мнѣ кажется, что музульманскій архитекторъ не достигъ своей цѣли, переступивъ за предѣлы ея.

Нѣсколько имановъ постоянно отправляютъ службу при адонійской гробницѣ, и попеременно являются сюда на молитву. Всегда съ любопытствомъ смотрю я на

этотъ магометанскій обрядъ, столь трогательный и благородный, что еслибъ я не былъ христіаниномъ, то желалъ бы сдѣлаться послѣдователемъ пророка. Днемъ, въ извѣстные часы, они прочитываютъ по нѣскольку стиховъ изъ Корана; но вечеромъ, при захожденіи солца, служба ихъ доходитъ до умилительнаго величія. Молятся ли они, сто́я, скрестивъ руки на широкой груди своей; преклоняютъ ли колѣна на травѣ, закрывая лице руками, или повергаются на землю—усердіе, одушевляющее ихъ, и продолжительное благоговѣніе придаютъ имъ самые естественные, самые живописные пріемы. Ни толпа, проходящая мимо, ни шумъ свѣта не развлекаютъ ихъ; они, по-видимому, далеко перенеслись отъ этого суетнаго міра, и мнѣ кажется, что въ это время, подобно мудрецу Горація (si fractus illabatur orbis, impavidum ferient ruinae), еслибъ сводъ небесный обрушился надъ ними, то они остались бы непоколебимы духомъ. Тутъ соединены всѣ условія для

молитвы: безмолвіе, уединеніе и преданность.....

Большая мечеть, находящаяся посреди базара, весьма обыкновенной архитектуры; въ ней, однако же, одна достопримѣчательность—гранитная цѣпь отличной работы, привѣшенная къ своду и образующая гирланду шестидесяти футовъ длиною; въ кольцахъ, очевидно изсѣченныхъ изъ цѣльнаго гранита, нѣтъ ни одной спайки. Въ Адони нѣтъ ни Европейцевъ, ни сипаевъ (кромѣ старика инвалида, смотрителя за бонгало); нѣсколько писцовъ и полицейскихъ агентовъ изъ туземцевъ, опредѣленныхъ коллекторомъ или правителемъ области, составляютъ его начальство. Самъ коллекторъ ежегодно пріѣзжаетъ сюда на нѣсколько дней для наблюденія за порядкомъ дѣлъ и для возобновленія арендныхъ контрактовъ. Главная промышленность этого города заключается въ производствѣ турецкихъ ковровъ различной величины и различной цѣны, составляющихъ предметъ зна-

чительной торговли; одно изъ главныхъ достоинствъ ихъ состоитъ въ томъ, что прекрасные цвѣта̀ ихъ никогда не линяютъ. Народонаселеніе простирается отъ 6-ти до 8-ми тысячь душъ.

Сентября 17-го, въ Баллурѣ (пять льё).— За Адони весьма рѣдко встрѣчаются невоздѣланныя земли; деревни ближе одна отъ другой, довольно многолюдны и обсажены группами манговыхъ деревъ. Хижины лучше построены, и большая часть изъ нихъ, составляя собственность Компаніи, поддерживается въ должномъ порядкѣ. При каждой есть дворъ, обгороженный частоколомъ или плетнемъ. Цѣпь адонійскихъ горъ исчезаетъ на сѣверо-западѣ, и остаются только пригорки; почти всѣ они имѣютъ видъ усѣченнаго конуса.

Сентября 18-го, въ Беллери (шесть льё).— По выѣздѣ изъ Баллура, проѣзжаешь послѣднее степное мѣсто, поросшее кактусами; потомъ нѣтъ уже болѣе степей; чѣмъ

дальше подвигаешься впередъ, тѣмъ лучше встрѣчаются земли; дорога, сначала чрезвычайно песчаная, такъ, что лошадь моя съ трудомъ могла идти по ней, становится тверже; это черноватая наносная земля, которую Англичане называютъ cotton black soil. Мечети, часто попадающіяся по-ту сторону Адони, становятся рѣже, и безвкусныя часовни Индійцевъ снова показываются со всѣхъ сторонъ. Усѣченный конусъ, увѣнчанный укрѣпленіями, возвышается на совершенно ровномъ горизонтѣ; но до него еще далеко. Онъ постепенно увеличивается, между тѣмъ дорога передъ нами, по-видимому, становится длиннѣе. Наконецъ выѣзжаешь на убитую пескомъ дорогу между двумя рядами прекрасныхъ деревъ; проѣзжаешь мимо европейскаго кладбища; направляешься вдоль внѣшняго гласиса крѣпости; потомъ, оставляя влѣвѣ обширное предмѣстье, подъѣзжаешь подъ сводъ, пересѣкающій собою валъ. Двое часовыхъ въ алыхъ мундирахъ, неподвижные, какъ

два столба, съ короткими свѣтлыми волосами, съ бритой бородой, безъ бакенбардъ и усовъ, смотрятъ на меня, и смѣются надъ моею страннической одеждой: это двое солдатъ нашего полка, и я уже въ Беллери.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

И. П. Б.

